

ДОН_ новый 14/1

Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Орган Союза писателей России, министерства культуры Ростовской области и Ростовского регионального отделения Союза писателей России

Главный редактор Г.В. Студеникина

Общественный редакционный Совет:

А.Г. Береговой, Ростов-на-Дону
А.И. Глазунов, Сальск Ростовской области
Н.И. Дорошенко, Москва
Г.В. Иванов, Москва
И.С. Капаев, Черкесск
И.Н. Кудрявцев, Ростов-на-Дону
В.И. Лихоносов, Краснодар
А.Н. Можаяев, Можаяевка Ростовской области
Б.А. Орлов, Санкт-Петербург
Е.Е. Пиетилайнен, Петрозаводск
Г.Т. Селигенин, Ростов-на-Дону
Н.М. Скрёбов, Ростов-на-Дону
Б.М. Стариков, Тихорецк Краснодарского края

Учредители: Союз писателей России
Ростовское региональное отделение СП России

Журнал выходит при поддержке министерства культуры РО

Попечительский Совет:

И.И. Переверзин, Литературный Фонд России
В.В. Свитенко, ОАО «Южтехмонтаж»
Б.М. Стариков, ООО «Пламя»
Н.Н. Грищенко, ООО «Сплав-Алексеевское»
А.Г. Береговой, ООО «Издательство «Донской писатель»
А.А. Ковалевский, СФ «Волгодонскэнергострой»

Издатель: ООО «Издательство «Донской писатель»

СОДЕРЖАНИЕ	
Александр Резванов. <i>Год культуры — важное событие в жизни страны.</i> Предисловие к номеру.	4
<u>К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.А. ШОЛОХОВА</u>	
Михаил Шолохов. <i>Шибалково семя.</i> Рассказ.	6
<u>ПРОЗА</u>	
Василий Воронов. <i>Загрязский пантеон.</i> Роман. Окончание.	20
Алексей Глазунов. <i>Собачья жизнь.</i> Миниатюры.	111
Николай Ивеншев. <i>Воют волки.</i> Рассказ.	119
Степан Деревянко. <i>Зоопарк.</i> Рассказ.	125
Ольга Лозбенева. <i>«Поможите!»</i> Рассказ.	147
Олег Корниенко. <i>Декоративный Зяка. Шаги за дверью.</i> Рассказы для детей.	151
<u>ПОЭЗИЯ</u>	
Николай Туроверов. <i>Если цел нательный крестик.</i> Стихи. К 115-летию со дня рождения.	10
Юлия Друнина. <i>Приезжают без зова к любимым.</i> Стихи. К 90-летию со дня рождения.	17
Геннадий Иванов. <i>Тоска ещё не укачала...</i> Стихи.	69
Клавдия Павленко. <i>Никто не одинок.</i> Стихи.	109
Геннадий Сазонов. <i>Вода со светом целовалась...</i> Стихи.	115
Антонина Сытникова. <i>Смотрюсь в глубину.</i> Стихи.	122
Ирина Сазонова. <i>Искры непогашенных пожаров.</i> Стихи.	128
Андрей Тодорцев. <i>Вступает море.</i> Стихи.	130
Кельдихан Кумратова. <i>Тут всё любимо.</i> Стихи.	140
Елена Родченкова. <i>Утро будет солнечным.</i> Стихи.	142
Елена Арент. <i>Таёт свет...</i> Стихи.	145
Людмила Андреева. <i>Судьбы-звёзды.</i> Стихи.	149
Светлана Супрунова. <i>Немедленно встань!</i> Пародии.	156
<u>ОЧЕРКИ И ПУБЛИЦИСТИКА</u>	
Иса Капаев. <i>Космологические представления ногайцев.</i>	132
<u>КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ</u>	
Людмила Малюкова. <i>О субъектах, пантеонах и «воистину жестоком веке».</i> Послесловие к публикации.	57
<u>«КРУТОЯР»</u>	
Евгений Астапенко. <i>Донские казаки Красновы.</i> Исторический очерк.	72
Александр Голубев. <i>Мысли ластятся босые.</i> Стихи.	87
Павел Малов. <i>Из-за Дона песню выведу...</i> Очерк.	91
Николай Скрёбов. <i>Не дай мне Бог...</i> Сонеты.	105

Журнал
«ДОН_новый»

распространяется на территориях России и стран СНГ.

Содержание журнала не всегда отражает точку зрения редколлегии на затронутые авторами темы.

За точность имён, цифр и фактов ответственность несут авторы.

Редколлегия оставляет за собой право не разъяснять авторам причины отказа в публикации их произведений.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Все произведения публикуются в журнале «ДОН_новый» пока на безгонорарной основе. Авторам предоставляются бесплатно по 2 экземпляра номеров журнала с их публикациями. Присылка авторами своих произведений для печати в журнале «ДОН_новый» считается их согласием на безгонорарную публикацию.

Авторы присылают свои произведения в журнал только электронной почтой по адресу: **don_new@rambler.ru** в программе «WORD» без макетирования и без архивирования.

Рукописи для публикации в журнале «ДОН_новый» принимаются только при соблюдении следующих правил набора:

1. Обязательное применение в наборе текстов буквы «ё».
2. При наборе прозаических текстов обязательно применять знак «длинное тире», при наборе поэзии — знак «короткое тире».
3. Не допускается использование знака «дефис» или знака «нижнее подчёркивание» вместо знака «тире» и наоборот.
4. Не допускается «украшение» текстов различными декоративными вставками, вишнетками, рисунками, фотографиями.
5. Фото- и изоматериалы присылать только в программе «Фотошоп».
6. В присланных работах обязательно должны быть указаны фамилия автора, его электронный адрес (при наличии такового) и номер телефона.

Рукописи, не соответствующие указанным условиям набора, рассматриваться не будут.

Редколлегия

Памятник А.С. Пушкину в Ростове-на-Дону

ББК 99(2Рос-Рус)95

Д-132

ISBN 978-5-87612-121-5

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

«ДОН_новый» № 1, март 2014 г.

Издатель: ООО «Издательство «Донской писатель»

Над выпуском работали: Анистратова В.В., Баштовая К.Н., Береговой А.Г.,

Малов П.Г., Студеникина Г.В., Ханин Д.И.

Художник Никулин М.

Директор издательства Береговой А.Г.

Тираж 950 экз. т.ф. 8-918-599-67-51; 8-988-567-43-95;

8-918-854-80-59

e-mail: don_new@rambler.ru

ГОД КУЛЬТУРЫ — ВАЖНОЕ СОБЫТИЕ В ЖИЗНИ СТРАНЫ

Дорогие друзья!

2014 Год объявлен президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным годом культуры. Такая ситуация говорит о том, что в современной России уделяется большое внимание развитию и укреплению культуры страны в целом, возрождению, утерянных прежде, национальных культурных традиций народов нашей страны, созданию новых культурных связей внутри России и за её пределами, а также укреплению производственных и творческих сфер, работающих непосредственно в области культуры, непосредственно её развивающих.

Донская культура — это особое явление в многогранной культурной жизни нашей Родины, которая сама несёт в себе широкий спектр национальных культур народов, издревле населяющих Донскую землю: русских, украинцев, армян, греков, евреев и других, создавших великолепное культурное наследие донского края, которое сегодня мы возрождаем. И конечно же, — неповторимая, самобытная культура донского казачества, сложившаяся из многих культур разных народов в своё единое целое.

Донская земля дала миру и России много известных и великих имён деятелей культуры. Далеко за её пределами знают донских писателей, среди которых два Лауреата Нобелевской премии в области литературы — М.А. Шолохов и А.И. Солженицын, гений русской литературы А.П. Чехов, а также известные донские писатели Д. Мордовцев, Н. Туроверов, А. Калинин, В. Закруткин, Б. Куликов, Б. Примеров и другие; широко известны скульптор Е. Вучетич, художники М. Сарьян, И. Чарская, В. Кульченко и другие, композиторы Г. Балаев, Л. Клиничев, В. Левин, народные артист СССР М. Бушнов, народные артисты России Н. Сорокин, Т. Шкрабак, киносценарист В. Меррежко, гениальный кинорежиссёр С. Бондарчук и многие, многие другие деятели культуры. Мы имеем высочайший по составу коллектив исполнителей Ростовского музыкального театра, работающего в числе восьми других профессиональных театров Ростовской области. Культуру Дона достойно представляют Областная филармония, музыкальный коллектив Кима Назаретова и, конечно, известный всему миру ансамбль песни и пляски донских казаков

им. А. Квасова. Работают в области многочисленные музеи, дома культуры, библиотеки, а Донская государственная публичная библиотека является одной из лучших в России, как по архитектуре и оснащённости здания, так и по богатству библиотечного фонда. Сегодня при поддержке министерства культуры Ростовской области плодотворно работают ростовские отделения всероссийских творческих союзов — писателей, художников, театральных деятелей, кинематографистов, архитекторов, композиторов.

И, конечно, с первых же номеров ярким носителем донской культуры стал возрождённый литературно-художественный журнал «ДОН_новый», который сразу же занял своё место в числе ведущих литературно-художественных журналов России.

Огромная ответственность, хотя и трудная, но почётная, за успешное проведение года культуры в Ростовской области лежит на многочисленном коллективе министерства культуры. Намечен огромный объём мероприятий, который, уже можно сказать, успешно выполняется. В их числе:

Ремонт и реставрация объектов культуры.

Расширение гастрольной деятельности.

Мероприятия, направленные на выявление и поддержку одарённых детей и творческой молодёжи.

Создание условий для сохранения и развития национальных культур.

Комплекс мер по развитию культурно-познавательного туризма.

Культурно-исторические мероприятия, направленные на сохранение и развитие культурных традиций Дона.

26 Марта 2014 года в Ростовском государственном музыкальном театре состоялось торжественное собрание, посвящённое Дню работника культуры, на котором были подведены предварительные результаты деятельности министерства культуры Ростовской области.

*Александр Резванов,
министр культуры Ростовской области*

Михаил Шолохов

ШИБАЛКОВО СЕМЯ

Рассказ

— Образованная ты женщина, очки носишь, а того не возьмёшь в понятие... Куда я с ним денусь?..

Отряд наш стоит верстов сорок отсель, шёл я пеши и его на руках нёс. Видишь, кожа на ногах порепалась? Как ты есть заведывающая этого детского дома, то прими дитя! Местов, говоришь, нету? А мне куда его? В достаточности я с ним страданьев перенёс. Горюшка хлебнул выше горла... Ну да, мой это сынишка, моё семья... Ему другой год, а матери не имеет. С маманькой его вовсе особенная история была. Что ж, я могу и рассказать. Позапрошлый год находился я в сотне особого назначения. В ту пору гоняли мы по верховым станицам Дона за бандой Игнатьева. Я в аккурат пулемётчиком был. Выступаем как-то из хутора, степь голая кругом, как плешина, и жарынь неподобная. Бугор перевалили, под гору в лесок зачали спускаться, я на тачанке передом. Глядь, а на пригорке в близости навроде как баба лежит. Тронул я коней, к ней правлюсь. Обыкновенно — баба, а лежит кверху мордой, и подол юбки выше головы задратый. Слез, вижу — живая, двошит... Воткнул ей в зубы шашку, разжал, воды из фляги плеснул, баба оживела навовсе. Тут подскакали казаки из сотни, допрашиваются у неё:

— Что ты собою за человек и почему в бессовестной видимости лежишь вблизи шляха?..

Она как заголосит по-мёртвому,— насилу дознались, что банда изпод Астрахани взяла её в подводы, а тут снасильничали и, как водится, кинули посереде пути...

ВНИМАНИЕ! В 2015 году исполняется 110 лет со дня рождения классика донской, русской, советской и мировой литературы М.А. Шолохова. В связи с этим знаменательным событием редсовет журнала «ДОН_новый» открывает рубрику, посвящённую творчеству М.А. Шолохова и просит читателей и литераторов присылать в редакцию для публикации редкие работы писателя, письма, а также материалы о нём.

Говорю я станишникам:

— Братцы, дозвольте мне её на тачанку взять, как она пострадавши от банды.

Тут зашумела вся сотня:

— Бери её, Шибалок, на тачанку! Бабы, они живучи, стервы, нехай трошки подправится, а там видно будет!

Что ж ты думаешь? Хоть и не обожаю я нюхать бабьи подолы, а жалость к ней поимел и взял её, на свой грех. Пожила, освоилась — то лохуны казакам выстирает, глядишь, латку на шаровары кому посодит, по бабьей части за сотней надглядала. А нам уж как будто и страмотно бабу при сотне содержать. Сотенный матюкается:

— За хвост её, курву, да под ветер спиной!

А я жалкую по ней до высшего и до большего степени. Зачал ей говорить:

— Метись отсель, Дарья, подобру-поздорову, а то присватается к тебе дурная пуля, посяла плакаться будешь...

Она в слёзы, в крик ударилась:

— Расстрельте меня на месте, любезные казачки, а не пойду от вас!

Вскорости убили у меня кучера, она и задаёт мне такую заковырину:

— Возьми меня в кучера? Я, дескать, с коньми могу не хуже иногочего обходиться...

Даю ей вожжи.

— Ежели,— говорю,— в бою не вспопашишься в два счёта тачанку задом обернуть — ложись посередь шляха и помирай, всё одно запорю!

Всем служилым казакам на диво кучеровала. Даром что бабьего пола, а по конскому делу разбиралась хлеще иногo казака. Бывало, на позиции так тачанку крутнёт, ажник кони в дыбки становятся. Дальше — больше... Начали мы с ней путаться. Ну, как полагается, забрюхатела она. Мало ли от нашего брата бабья страдает. Этак месяцев восемь гоняли мы за бандой. Казаки в сотне ржут:

— Мотри, Шибалок, кучер твой с харча казённого какой гладкий стал, на козлах не умещается!

И вот выпала нам такая линия — патроны прикончились, а подвозу нет. Банда расположилась в одном конце хутора, мы в другом. В очень секретной тайне содержим от жителей, что патрон не имеем. Тут-то и получилась измена. Посередь ночи — я в заставе был — слышу: стоном гудет земля. Лавой идут по-за хутором и оцепить нас имеют в виду. Прут в наступ, явственно без всяких опасений, даже позволяют себе шуметь нам:

— Сдавайтесь, красные казачки, беспатронники! А то, братушки, нагоним вас на склизкое!..

Ну, и нагнали... Так накрутили нам хвосты, что довелось-таки мерять по бугру, чья коняка добрее. Поутру собрались верстах в пятнадцати от хутора, в лесу, и доброй половины своих недосчитались. Какие ушли, а остальных порубали. Ущемила меня тоска — житья нету, а тут Дарью хворь оборотала. Верхи поскакалась ночью и вся собой сменилась, почернела. Гляжу, покрутилась с нами и пошла от становища в лес, в

гущину. Я такое дело смекнул и за ней по следу. Забилась она в яры, в бурелом, вымоину нашла и, как волчиха, листьев-падалицы нагребла и легла спервоначалу вниз мордой, а посла на спину обернулась. Квохчет, счинается родить, я за кустом не ворохнусь сижу, на неё скрозь ветки поглядываю... И вот она кряхтит-кряхтит, потом зачинает покрикивать, слёзы у ней по щекам, а сама вся зеленью подёрнулась, глаза выпучила, тужится, ажник судорога её выгинает. Не казачье это дело, а гляжу и вижу — не разродится баба, помрёт... Выскочил я из-за куста, подбег к ней, смеаю, что надо мне ей помочь оказать. Нагнулся, рукава засучил, и такая меня оторопь взяла, потом весь взмок. Людей доводилось убивать — не робел, а тут поди вот! Вожусь около неё, она перестала выть и такую мне запаливает хреновину:

— Знаешь, Яша, кто банде сообчил, что у нас патронов нет? — и глядит на меня сурьёзно так.

— Кто? — спрашиваю у ней.

— Я.

— Что ты, дурная, собачьей бесилы обтрескалась? Не тот час, чтоб гутарить, молчи лежи!

Она опять своё:

— Смертынька в головах у меня стоит, повинюсь перед тобой я, Яша... Не знаешь ты, какую змею под рубахой грел...

— Ну, винись, — говорю, — ляд с тобой!

Тут она и выложила. Рассказывает, а сама головою оземь бьётся.

— Я, — говорит, — в банде своей охотой была и тягалась с ихним главачом Игнатьевым... Год назад послали меня в вашу сотню, чтоб всякие сведения я им сообчала, а для видимости я и представилась снасилованной... Помираю, а то в дальнеющем я бы всю сотню перевела...

Сердце у меня тут прикипело в грудях, и не мог я стерпеть — вдарил её сапогом и рот ей раскровянил. Но тут у ней схватки заново начались, и вижу я — промеж ног у неё образовалось дите... Мокрое лежит и верещит, как зайчонок на зубах у лисы... А Дарья уж и плачет, и смеётся, в ногах у меня полозит и всё колени мои норовит обнять... Повернулся я и пошёл от неё до сотни. Прихожу и говорю казакам — так и так...

Поднялась промеж них киповень. Спервоначалу хотели меня порубать, а посла и говорят мне:

— Ты примолвил её, Шибалок, ты должен её и прикончить, со всем с новорожденным отродьем, а нет — тебя на капусту посекем...

Стал я на колени и говорю:

— Братцы! Убью я её не из страху, а до совести, за тех братьев-товарищев, какие головы поклали через её изменшество, но поимейте вы сердце к дитю. В нём мы с ней половинные участники, моё это семя, и пущай живым оно остаётся. У вас жёны и дети есть, а у меня, окромя его, никого не оказывается.

Просил сотню и землю целовал. Тут они поимели ко мне жалость и сказали:

— Ну, добре! Нехай твоё семя растёт и нехай из него выходит такой же лихой пулемётчик, как и ты, Шибалок. А бабу прикончь!

Кинулся я к Дарье. Она сидит, оправилась и дитя на руках держит.

Я ей и говорю;

— Не дам я тебе дитя к грудям припуцать. Коли родился он в горькую годину — пуцай не знает материнного молока, а тебя, Дарья, должен я убить за то, что ты есть контра нашей Советской власти. Становись к яру спиной!..

— Яша, а дите? Твоя плоть. Убьёшь меня, и оно помрёт без молока. Дозволь мне его выкормить, тогда убивай, я согласна...

— Нет,— говорю я ей,— сотня мне строгий наказ дала. Не могу я тебя в живых оставить, а за дитя не сумлевайся. Молоком кобыльим выкормлю, к смерти не допущу.

Отступил я два шага назад, винтовку снял, а она ноги мне обхватила и сапоги целует...

После этого иду обратно, не оглядываюсь, в руках дрожание, ноги подгибаются, и дите, склизкое, голое, из рук падает...

Ден через пять тем местом назад ехали. В лощине над лесом воронья туча... Хлебнул я горюшка с этим дитем.

— За ноги его да об колесо!.. Что ты с ним страдаешь, Шибалок? — говорили, бывало, казаки.

А мне жалко пострелёнка до крайности. Думаю: «Нехай растёт, батьке вязы свернут — сын будет власть Советскую оборонять. Всё память по Якову Шибалку будет, не бурьяном помру, потомство оставлю...» Попервам, веришь, добрая гражданка, слезьми плакал с ним, даром что извеку допрежь слёз не видал. В сотне кобыла ожеребилась, жеребёнка мы пристрелили, ну вот и пользовали его молоком. Не берёт, бывало, соску, тоскует, потом свыкся, соску дудоллил не хуже, чем материну титьку иное дитё.

Рубаху ему из своих исподников сшил. Сейчас он маленечко из ней вырос, ну, да ничего, обойдётся...

Вот теперича ты и войди в понятие: куда мне с ним деваться? Мал дюже, говоришь? Он смышлёный и жёвки потребляет... Возьми его от лиха! Берёшь?.. Вот спасибо, гражданка!.. А я, как толечко разобьём фоминовскую банду, надбегу его проведать.

Прощай, сынок, семя Шибалково!.. Расти... Ах, сукин сын! Ты за что же отца за бороду трепаешь? Я ли тебя не пестал? Я ли с тобой не нянчился, а ты драку заводишь под конец? Ну, давай на расставанье в маковку тебя поцелую...

Не беспокойтесь, добрая гражданка, думаете — он кричать будет? Не-е-ет!.. Он у нас трошки из большевиков, кусаться — кусается, нечего греха таить, а слезу из него не вышибешь!..

1925 г.

К 115-летию со дня рождения донского поэта

Николай Туроверов

ЕСЛИ ЦЕЛ НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТИК

Имя талантливого донского поэта, историка и журналиста *Николая Николаевича Туроверова* (1899-1972) сейчас уже сравнительно хорошо известно на его родине в России. Пять томов его произведений, изданных за рубежом, а главное — поэтическая мощь и прелесть его стихов, говорят о масштабах его творчества и незаурядности самой личности Николая Туроверова. Он появился на свет 115 лет назад в старинной казачьей станице Старочеркасской 18 (30) марта 1899 года. Сам Николай Туроверов по поводу своего происхождения писал в 1959 году своему другу, донскому казаку, историку и археологу М.А. Миллеру, что он «...казак Старого города (Старочеркаска), в котором, к моему глубокому сожалению, бывал в юности и мимоходом».

Раннее детство Николая Туроверова прошло в станице Старочеркасской, история и памятники которой оказали на его творчество огромное влияние. На всю бурную и переменчивую жизнь прикипела душа Туроверова к «низкой пристани Черкаска», к старинному войсковому собору, полынной степи вокруг древней казачьей станицы. Старочеркасску он посвятит затем не одно стихотворение, воспев его старину, свой род и предков своих и знаменитых уроженцев Старого Черкаска: Платова, Краснощёкова, Ефремова.

В четырёхлетнем возрасте Николай Туроверов покинул родную станицу и вместе с семьёй переселился в окружную станицу Каменскую. Здесь его отец Николай Николаевич, служивший «по судебному ведомству», вскоре занял должность судебного пристава по Донецкому округу Области Войска Донского.

Счастливые дни юности Туроверова закончились летом 1914 года, когда грянула Первая мировая война, сразу же названная «Великой войной»... Она круто изменила не только судьбы народов России, Европы и мира, но и личную судьбу Николая Туроверова.

Военная судьба бросила Туроверова на русско-австрийский фронт, под Волынь, в окопы. Февральская революция 1917 года, уничтожившая самодержавие, зародила в народе надежду на окончание многолетней и малопонятной войны, измотавшей русских людей. Туроверов направляется в Новочеркасск, где зачисляется в Новочеркасское военное училище в качестве портупей-юнкера.

После кровопролитных боёв Ростов был взят калединцами. Атаман Каледин решил послать партизанский отряд во главе с полковником Василием Чернецовым на север Донской области, к станицам Каменской и Глубокой, дабы там установить свою власть. Николай Туроверов с младшим братом Александром 12 января 1918 года добровольно вступил в чернецовский отряд. Партизаны были разгромлены в районе Глубокой казаками во главе с Подтёлковым и Голубовым, а сам Чернецов зарублен Подтёлковым. Чудом спасшийся, Туроверов после нескольких дней скитаний добрался до Новочеркасска. За отличия в боях с большевиками он поочерёдно производится в хорунжие, сотники, а затем — в подьесаулы.

Осенью 1919 года красные войска погнали белых на юг. Вместе со всеми отступил на Кубань и Туроверов, под колокольный звон навсегда покидая Новочеркасск. Потом был нелёгкий путь к Новороссийску, катастрофическая эвакуация белых в Крым... Здесь наступила непродолжительная стабилизация и последний эпизод белой трагедии. Немногочисленная армия во главе с генералом Врангелем весь 1920 год сражалась против превосходящих сил красных.

Остатки армии покидали Крым. Вместе с братом Александром и супругой Юлией Александровной Грековой, с которой Николай познакомился в севастопольском госпитале, навсегда оставлял Россию и Туроверов.

Так донской казак, уроженец Старочеркасской станицы, оказался на чужбине. Первые полгода эмиграции Туроверов с женой и младшим братом прожил в русском лагере на греческом острове Лемнос, контролируемом французскими войсками. В начале июня 1921 года Туроверовы перебрались в Сербию. Здесь жизнь была более спокойной и обеспеченной.

В 1922 году Николай Туроверов ступил на гулкие улицы Парижа, чтобы остаться в нём на всю жизнь и обрести покой после смерти. Работая по ночам грузчиком, днём Туроверов посещал занятия в знаменитом Сорбоннском университете. И всё время писал стихи, печатая их как в казачьих изданиях — «Родимый край», «Казачий сборник», «Казачьи думы», «Казачий сполох», «Казачий журнал», — так и в общеэмигрантских газетах и журналах «Россия», «Возрождение», «Современные записки»...

В 1928 году в Париже вышел первый поэтический сборник Туроверова, названный им «Путь». Лирические произведения о мирной жизни на Дону перемежались в сборнике со стихотворениями о недавно пережитой гражданской войне, о боли потерь, скитаниях и тоске по Родине. С годами стихи Туроверова приобрели популярность не только в казачьей среде, но и в кругах общерусской эмиграции.

В 1937 в городе Безансон вышел второй поэтический сборник Николая Туроверова — «Стихи». В 1939 году увидела свет ещё одна книга туроверовских произведений — «Стихи»; а в 1942-м в поверженной гитлеровской Германией Франции вышел четвёртый стихотворный сборник Туроверова с прежним названием — «Стихи».

С началом Второй мировой войны Николай Туроверов пошёл сражаться против немцев в составе 1-го кавалерийского полка Французского Иностранного Легиона. По окончании войны Туроверов возвратился в Париж, где первоначально работал секретарём, созданного в 1926 году «Казачьего Союза».

Всё это время мысли его снова уносятся в Россию, на берега Тихого Дона, в родную станицу Старочеркасскую...

В 1965 году, в Париже вышла пятая книга стихов Николая Туроверова, куда вошли 188 стихотворений, поэмы и отрывки, написанные в период 1915-1965 годов.

Если цел напелый крестик

Его желание — быть похороненным на Дону, в родной станице, это он ясно выразил в своём стихотворении в прозе:

«Не с сложенными на груди, а с распростёртыми руками, готовыми обнять весь мир, похороните вы меня. И не в гробу, не в тесной домовине, не в яме, вырытой среди чужих могил, а где-нибудь в степи поближе к Дону, к моей станице, к Старому Черкасску, на уцелевшей целине, меня в походной форме положите родного Атаманского полка. Кушак на мне потуже затяните, чтоб грудь поднялась будто бы для вдоха о том, что всё на свете хорошо... И сыпьте землю, не жалея: земля к земле и к праху прах! Мне положите в головы всё то, что я писал когда-то, — чем жил во сне и грезил наяву... И крест из камня дикого поставьте, курганчик новый крепко утопав, чтоб Дон, разлившись полою водою, его не смыл, а только напоил. И по весне на нём весёлым цветом начнет цвести лазоревый цветок, приляжет отдохнуть уставший от скитаний, бездомный чебрецовый ветерок».

23 сентября 1972 года Николай Николаевич Туроверов скончался в парижском госпитале Ларибуазер и был похоронен на русском кладбище в Сен-Женевьев де Буа в одной могиле со своей женой Юлией Александровной. «Поэтом талантливейшим», «любимым и... последним выразителем духа мятежной ветви русского народа — казачества» — называли критики Н.Н. Туроверова, поэзия которого возвращается ныне на Родину: на Дон и в Россию...

Михаил Астапенко, член Союза писателей России, историк

Мороз крепчал. Стоял такой мороз,
Что бронепоезд наш застыл над яром,
Где ждал нас враг, и бедный паровоз
Стоял в дыму и задышался паром.
Но и в селе, раскинутом в яру,
Никто не выходил из хат дымящих, —
Мороз пресёк жестокою игру,
Как самодержец настоящий.
Был лёд и в пулемётных кожухах;
Но вот в душе, как будто, потеплело:
Сочельник был. И снег лежал в степях.
И не было ни красных и ни белых.

Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскалённой крымской глине.
Бахчисарай, как хан в седле,
Дремал в глубокой котловине,
И в этот день в Чуфут-кале,
Сорвав бессмертники сухие,
Я выцарапал на скале:
«Двадцатый год – прощай Россия!»

1920 г.

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою...
Конь всё плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Помню горечь солёного ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Уходила в тумане земля;
Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук, –
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук,
Напряглась и такую осталась
Тетива наших душ навсегда.
Чёрной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода.

1926 г.

С каждым годом всё лучше и лучше
Эти ночи весною без сна,
С каждым годом настойчивей учит
Непонятному счастью весна.
Всё скупее, вернее и проще
Нахожу для стихов я слова;
Веселее зелёные рощи,
Зеленее за ними трава,

Если цел напельный крестик

Голубее высокое небо,
Всё короче положенный срок.
О, как вкусен насущного хлеба
С каждым годом всё худший кусок.

1939 г.

СНЕГ

Моему брату

Ты говоришь: «Смотри на снег,
Когда синей он станет к ночи.
Тяжёлый путь за прошлый грех
Одним длинней, другим короче;
Но всех роднят напевы вьюг,
Кто в дальних странствиях обижен.
Зимой острее взор и слух
И Русь роднее нам и ближе».
И я смотрю... Темнеет твердь.
Меня с тобой метель сдружила,
Когда на подвиг и на смерть
Нас увлекал в снега Корнилов.
Те дни прошли. Дней новых бег
Из года в год неинтересней, –
Мы той зиме отдали смех,
Отдали молодость и песни.
Но в час глухой я выйду в ночь,
В родную снежную безбрежность –
Разлуку сможет превозмочь
Лишь познающий безнадежность.

1924 г.

Слились в одну мои все зимы,
Мои оснеженные дни.
Застыли розовые дымы,
Легли сугробы за плетни.
И вечер, как мужик в овчине,
Бредёт в синеющих полях,
Развешивая хрупкий иней
На придорожных тополях.
В раю моих воспоминаний,
В моём мучительном раю

СОН_новый 19/1

Ковровые уносят сани
Меня на родину мою.
Легка далёкая дорога,
Моих коней неслышен бег,
И в каждой хате, ради Бога,
Готов мне ужин и ночлег.
А утром в льдистое оконце,
Рисуя розы по стеклу,
Глядит малиновое солнце
Сквозь замороженную мглу.

1929 г.

Я знаю, не будет иначе.
Всему свой черёд и пора.
Не вскрикнет никто, не заплачет,
Когда постучусь у двора.
Чужая на выгоне хата,
Бурьян на упавшем плетне,
Да отблеск степного заката,
Застывший в убогом окне.
И скажет негромко и сухо,
Что здесь мне нельзя ночевать
В лохмотьях босая старуха,
Меня не узнавшая мать.

1930 г.

Ах, Боже мой, жара какая,
Какая знойная сухмень!
Собака, будто неживая,
Лежит в тени; но что за тень
В степи от маленькой кислицы?
И я, под сенью деревца,
В рубахе выцветшего ситца,
Смотрю на спящего отца.
И жаркий блеск его двустволки,
И жёлтой кожи патронташ,

И кровь и перья перепёлки,
Небрежно брошенной в ягдташ, —
Весь этот день, такой горячий,
И солнца нестерпимый свет
Запомню с жадностью ребячьей

Если цел нательный крестик

Своих восьми неполных лет,
Запомню, сам того не зная,
И буду помнить до конца.
О, степь от зноя голубая,
О, профиль спящего отца!

1930 г.

Можно жить ещё на свете,
Если видишь небеса,
Если слышишь на рассвете
Птиц весёлых голоса,
Если все дороги правы
И зовёт тебя земля
Под тенистые дубравы,
На просторные поля.

Можешь ждать в тревоге тайной,
Что к тебе вернётся вновь
Гость желанный, гость случайный –
Беззаботная любовь,
Если снова за стаканом
Ты в кругу своих друзей
Веришь весело и пьяно
Прошлой юности своей.

Можно смерти не бояться
Под губительным огнём,
Если можешь управляться
С необъезженным конём,
Если Бог с тобою вместе
Был и будет впереди,
Если цел нательный крестик
На простреленной груди.

1942 г.

К 90-летию со дня рождения поэтессы

Юлия Друнина

ПРИЕЗЖАЮТ БЕЗ ЗОВА К ЛЮБИМЫМ...

Я принесла домой с фронтов России
Весёлое презрение к тряпью –
Как норковую шубку, я носила
Шинельку обгоревшую свою.

Пусть на локтях топорщились заплаты,
Пусть сапоги протёрлись – не беда!
Такой нарядной и такой богатой
Я позже не бывала никогда...

Мне дома сейчас не сидится, –
Любые хоромы тесны.
На крошечных флейтах синицы
Торопят походку весны.

А ей уже некуда деться,
Пускай с опозданием – придёт!
...Сегодня на речке и в сердце
Вдруг медленно тронулся лёд.

Приезжают без зова к любимым...

ТЫ – РЯДОМ

Ты – рядом, и всё прекрасно:
И дождь, и холодный ветер.
Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете.

Спасибо за эти губы,
Спасибо за руки эти...
Спасибо тебе, мой любимый,
За то, что ты есть на свете.

Ты – рядом, а ведь могли бы
Друг друга совсем не встретить.
Единственный мой, спасибо
За то, что ты есть на свете!

Ты разлюбишь меня...
Если всё-таки станется это,
Повториться не сможет
Наше первое смуглое лето –
Всё в росе по колено,
Всё в укусах крапивы...
Наше первое лето...
Как мы были глупы и счастливы!

Ты разлюбишь меня...
Значит, яростной крымской весной,
Партизанской весной,
Не вернёшься ты в юность со мною.
Будет рядом другая –
Вероятно, моложе, яснее,
Только в юность свою
Возвратиться не сможешь ты с нею.

Я забуду тебя.
Я не стану тебе даже сниться.
Лишь в окошко твоё
Вдруг слепая ударится птица.
Ты проснёшься, а после
Не сумеешь уснуть до рассвета...
Ты разлюбишь меня?
...Не надейся, мой милый, на это!

ПЕРЕД ЗАКАТОМ

Пиджак накинул мне на плечи –
Кивком его благодарю.
«Ещё не вечер, нет, не вечер!» –
Чуть усмехаясь, говорю.

А сердце замирает снова,
Вновь плакать хочется и петь.
...Гремит оркестра духового
Всегда пылающая медь.

И больше ничего не надо
Для счастья в предзакатный час,
Чем эта летняя эстрада,
Что в молодость уводит нас.

Уже скользит прозрачный месяц,
Уже ползут туманы с гор.
Хорош усатый капельмейстер,
А если проще – дирижёр.

А если проще, если проще:
Прекрасен предзакатный мир!
И в небе самолёта росчерк,
И в море кораблей пунктир.

И гром оркестра духового,
Его пылающая медь.
...Ещё прекрасно то, что снова
Мне плакать хочется и петь.

Ещё мой взгляд кого-то греет
И сердце молодо стучит.
Но вечереет, вечереет –
Ловлю последние лучи...

Нынче в наших горах синева,
Нынче серое небо в столице.
И кружится моя голова. –
А твоя голова не кружится?

Я не шлю телеграммы в Москву,
Не пленяю сияющим Крымом,
Я приехать тебя не зову –
Приезжают без зова к любимым...

Василий Воронов

ЗАГРЯЖСКИЙ ПАНТЕОН

Роман

(Окончание. Начало в №2-3, 2013 г.)

18

Быстро летит время в Загряжке...

Уже два мэра сменились в городе, не оставив заметного следа в памяти жителей. Умер бывший ельцинский министр Денис Трофимович Пучеглазов. Его с почестями похоронили в Пантеоне. А Софью Ильиничну всюду сопровождал теперь маленький Вася Пучеглазов, лобастый розовощёкий мальчик с толстой шеей и крепкими кулаками. Все замечали, что мальчик больше походил на двоюродного брата Дениса Трофимовича, чем на самого отца. Впрочем, сомнений не было — одна порода: Пучеглазовы — все рослые, лобастые, с крупными кулаками.

Дрюня отошёл от Сони и наотрез отказался исцелять паломников. Умная Соня с пониманием отнеслась к взбрыкнувшему зрителю кладбища. Вместо него она поставила сплетника Тихона, и не ошиблась. Тихон с одинаковым интересом и азартом командовал стариками и детьми, имел подход к богатым, цыкал на молодых. На Егорьевом Ключе воцарился почти армейский порядок.

Паломники ночевали в гостинице, ходили на процедуры, сплетничали и грызлись между собой, старательно пили ключевую воду, называли Тихона отцом и старцем, багюшкой и беспрекословно подчинялись ему... Соня мало вмешивалась в работу своего предприятия. Всё делали её молодые помощники, которых она умело и тщательно подбирала. Отлаженная машина управления работала без сбоев, без проблем, без суеты, принося стабильный доход хозяйке, укрепляя её авторитет покровительницы сырых и больных, защитницей падших и заблудших. Изредка она устраивала приёмы, нравочила и наставляла.

Василий Воронов, член Союза писателей СССР (1984), России, прозаик, публицист. Автор ряда книг прозы и публицистики. Живёт и работает в станице Старочеркасской Аксайского района Ростовской области.

Дрюня однажды появился в усадьбе Софьи Ильиничны, приурочив свой визит ко дню рождения Васи Пучеглазова. Родственник явился с подарком, ведя за собой низкорослую лошадку под седлом, с заплетенной в косички гривой и аккуратно подрезанным хвостом. Дрюня поздоровался с Софьей Ильиничной и передал повод Васе.

— Это Фрося, Фро. Она смиренная и послушная. — сказал Дрюня. — Казаки садились в седло с пяти лет, а ты — казак, и тебе уже шесть лет.

Соня улыбнулась и не стала возражать, а мальчик прыгал от радости. Дрюня показал, как послушна Фрося. Он взял ее под уздцы, похлопал по шее, лошадка опустилась на колени.

— Садись в седло, — приказал он Васе.

Мальчик осторожно сел верхом. Фрося встала на ноги, Соня захлопала в ладоши. Вася шагом проехал по усадьбе и признался:

— Дрюня, ты самый лучший друг!

Дрюня перехватил быстрый взгляд Сони, в нем были благодарность и смущение.

Тихо и безмятежно проходили дни и годы; кажется, определилась и затвердела стезя благочестивой и христоролюбивой министерской вдовы Сони Пучеглазовой. Но, видно, не совсем остыли мирские страсти, — в глубине, на самом доньшке тлела, шевелилась взрывоопасная магма. Так безобидный холм, за тысячи лет обросший кустарником и лесом, густо заселённый зверьём и птицей, вдруг задрожит среди ночи, треснет на макушке, как спелый арбуз, и изрыгнет из чрева огонь и камень. В человеке тоже копится до поры до времени гремучая смесь...

К Соне пришла делегация загрязцев, человек двадцать. Уважаемых людей, законопослушных граждан. Когда все расселись в офисе, хозяйка кивнула: говорите. Встала женщина, сотрудница музея, речистая и принципиальная. Покашляла в кулачок и пошла:

— Мы не можем ждать милостыни в Загрязске. Ждать, пока из губернии не пришлют очередного мэра-придурка, вроде Кукуя. Объявлены выборы, и мы должны проголосовать за достойного человека... Вы, Софья Ильинична, собирайтесь и идите на выборы. Вы наш мэр. Загрязцы проголосуют за вас. Не выкобенивайтесь, нам вместе жить.

Гости пошумели, почаёвничали и ушли, а Соня крепко задумалась. Впервые, наверно, после ухода из отчего дома, из родных Кучугур, Соня почувствовала твёрдую почву под ногами. — Она была богата, влиятельна. Настал её час. Взошла её звезда — она даётся немногим и только один раз.

Впервые в жизни Соня принимает самостоятельное решение: она согласна, она пойдёт на выборы, она станет мэром Загрязска.

— Дура баба! — Дрюня выругался и сказал прямо в лицо. — Чёрт тебе нагадал в мэры! В кубло! В грязь! Вовек не отмоешься!

Все уговоры, всё красноречие Дрюни были напрасны. Соня топнула маленькой ножкой:

— Не лезь не в своё дело, это моё решение!

Машина заработала. Мало сказать, что Соня с головой ушла в выборные хитросплетения и интриги — она купалась в интригах, цвела и пахла на встречах с загрязцами, на дебатах с соперниками. Она переплюнула всех, когда — в последний момент появился, словно чёрт из табакерки, вынырнул невесть откуда последний из зарегистрированных кандидатов, приёмный сын Дрюни, сбежавший от него Славик.

Загряжский пантеон

Славик объявился не тем хитроватым и угодливым хлопчиком, который привязался к Дрюне и был послушен ему, как цуцик. Это был немногословный рослый молодой человек с мягкими тёмными усиками, с юношеским басом, с неморгающим внимательным и холодным взглядом. За Мстиславом, как стал именоваться Славик, всюду следовала его полоумная мать, Екатерина Ивановна, и человек шесть молодых людей в камуфляже, в чёрных беретах, с одинаковыми дипломатами с агитационной литературой и выборными листовками. В первый же день эта небольшая компания заполнила весь Загряжск. Молодые люди выступали на перекрёстках и площадях, перед муниципальными учреждениями и магазинами, перед пивными и закусочными, на причалах и пароме, в левадах и на стадионе. На листовках, расклеенных в огромных количествах по всему Загряжску сообщалось:

«Новую партию России «Ядрёная Россия» возглавляет самый молодой политик России Мстислав Колупаев. За ним стоят сотни тысяч молодых людей, уверенно вступающих в жизнь, идущие в политику, в государственные структуры.

Загряжск накануне великих перемен. Молодая команда Колупаева сменит старую беззубую и беспомощную мэрию. Каждому загряжцу — современную квартиру или коттедж, мясо и масло на столе, машину в гараже, счёт в банке и путешествия по всему миру. Достойная работа и зарплата обеспечат такие возможности каждому загряжцу. Мстислав Колупаев и его партия гарантируют вам это!»

Молодые люди раздавали загряжцам книги Мстислава Колупаева: «Ядрёные ребята», «Я и Загряжск».

Понятное дело, что книга «Я и Загряжск» особенно заинтересовала загряжцев. Практически каждый житель прочитал труд Мстислава Колупаева.

На заранее объявленную встречу на городском стадионе с автором и кандидатом в мэры Мстиславом Колупаевым пришли все дееспособные жители Загряжска. Воскресный сентябрьский день выдался по-летнему тёплым, солнечным и запомнился в благодарной памяти. Продавали пиво, мороженое, жевательные резинки и кириешки. В задних рядах стали скандировать:

— Ко-лу-па-ев! Ко-лу-па-ев!

Мстислав сорвал берет, хлопнул его оземь и хрипло пробасил:

— Слава Загряжску! Слава загряжцам!

Стадион заревел:

— Слава! Слава!

Корреспондент «Загряжских ведомостей» уверял, что половина стадиона описалась. Ну, не половина стадиона, а многие, — много людей описалось. Был такой факт.

...И началась встреча. Конечно, мы приведём только малое количество вопросов и ответов, а эмоции и восторги передать не в наших силах. Тут нужна ода, — Державин!

Глагол времён! металла звон!..

— Товарищ Колупаев, тебя приютил на кладбище и усыновил Андрей Васильевич, наш уважаемый Дрюня. Почему ты сбежал от него?

— От добра добра не ищут. Я жил на кладбище в качестве раба. Не получая за непосильные труды ни копейки. А деньги мне были нужны на лечение матери; она стоит рядом со мной. Я просил исцелить маму в Егорьевом Ключе. Но

Андрей Васильевич и Софья Ильинична отказали мне, сироте. Поэтому я сбежал от этих алчных и жестоких людей...

— Софья Ильинична — твой конкурент на выборах; как ты оцениваешь её шансы?

— У неё нет никаких шансов. Она обманщица, воровка, а Дрюня — её сообщник, холоп. Егорьев Ключ — это мошенничество, обман. Там обируют простых доверчивых людей, в том числе и загрязцев. Когда я стану мэром, Соня и Дрюня пойдут под суд, и отец Амвросий — с ними. Он благословил и поддержал мошенников.

— Почему ты выбрал Загрязск, а не Воронеж?

— У меня были мысли баллотироваться в Воронеже, и мои товарищи по партии советовали... Но, когда я узнал, что в Загрязске баллотируется Соня Пучеглазова, я не мог этого допустить. — Я не могу допустить, чтобы замечательный город Загрязск мошенники превратили в Егорьев Ключ, и на виду всей России охмуряли бы честных людей. Жирели бы и богатели под крышей законодательной и исполнительной властей.

— Ты вот сказал о гараже и машине, а как это, значит, — практически?

— Очень просто. Моя команда откроет народный банк в Загрязске и дешёвую кредитную линию. Дадим тебе работу по специальности и откроем кредит. Машину выберешь сам.

— Ловко! А не брешешь?

— Я в Загрязск работать приехал, сбежать не собираюсь.

...Часов шесть парил Колупаев горожан на предвыборной встрече. И уже никто потом не мог убедить их, что Соня Пучеглазова будет лучшим мэром.

Партия «Ядрёная Россия» и её лидер Мстислав Колупаев победили на выборах в Загрязске.

Дрюня пришёл в мэрию на приём одним из первых. Мэр без задержки и за просто принял его.

— Ты что же это, говнюк, позоришь меня, Соню, отца Амвросия? — тихо спросил Дрюня дрожащим голосом. — Брешешь, как сивый мерин! Бог накажет, язык отвалится...

Бедный Дрюня не находил слов, задыхался.

Мэр вышел из-за стола, энергично помахал ладошкой, призывая успокоиться.

— Что вы, Андрей Васильевич! К вам у меня претензий нет, и обид тоже. Вы не сделали мне ни одной пакости. Что же касается обидных слов с моей стороны... да, я приврал. — Насчёт раба и непосильной работы. Это — предвыборная риторика. Так все делают. Это же борьба! За мной партия, понимаешь? А добро я помню. Проси, что хочешь! Квартиру, машину... Для тебя всё сделаю.

Дрюня смотрел на маленькую стриженую голову юноши в светлом шёлковом костюме, в красном галстуке, в кожаных остроносых штиблетах и не узнавал Славика. Перед ним был вежливый чужой человек; и голос, и слова его были чужие.

Дрюня растерялся и пробормотал:

— Извини...

Новый мэр кивнул понимающе и погрозил длинным пальцем:

— А вот Соньке не прощу!

Прошёл год.

Что может сделать мэр за один год? Кроме, разве что, устройства личных дел и дел своих близких, друзей, людей из своей команды. А для Загряжска, для тети Моти и дяди Феди? — Мало чего, или совсем ничего. Как и в Урюпинске, как в Горелове, Неёлове, — как и по всей России тож... А ведь есть благородные порывы. — Поставить на ноги заводик, порт, больничку. Тротуары вымостить, детский садик построить, школу отремонтировать... Допустим, вымостит, построит, отремонтирует. Тем и закончится его выборный срок. Кто ему и сотням других мэров «спасибо» скажет, вспомнит хотя бы через год незлым тихим словом?... Кто теперь в Загряжке помянет Жеребцова, или Кукуй-Прискокова? Ни одна собака не помянет! А ведь жили. Работали. Руководили. Так и молодому честолюбивому Колупаеву отмерен свой срок и бесславный уход со своими «ядрёными» ребятами.

Но Славик Колупаев не зря вернулся в Загряжск...

Мэр приехал на кладбище сам, без шофера и помощников. Он нашёл Дрюню в дальнем углу погоста возле свежеврытой могилы. Смотритель обметал веником края могилы и что-то бормотал под нос. По старчески согбенной спине и подсохшему седому затылку Славик остро почувствовал, как сдал Андрей Васильевич, славный загряжский рыцарь и атаман.

— Кому место готовишь, отец?

Смотритель бросил веник под скамейку, сел, показывая гостю место возле себя.

— Учительнице своей, Евдокии Ивановне, — царство небесное... Чего тебе надобно?

— Мне рассказывали, как одно время в Загряжке отлавливали котов из-за переизбытка и бытового вредительства. И шили полушубки из кошачьих шкурок. Помнишь это дело?

— Как не помнить, сам по дурости участвовал...

Славик оживился.

— Вспомни, расскажи, пожалуйста, какие коты обитают в Загряжке? — В смысле цвета, роста, веса, бойцовских качеств?

— Да обыкновенные коты... Рыжие, рябые, серые, чёрные. Большие и маленькие. Зачем тебе коты?

Славик замялся, подыскивая слова.

— Э-э... Я и сам пока не знаю. Иностранцы интересуются. Нужны десятка три-четыре самых ловких экземпляров. Драчунов, как хорошие боксёры...

Дрюня, вспомнив что-то, засмеялся.

— Таких драчунов свет не видывал! Мы с отцом Амвросием сидели у меня в саду, выпивали и беседовали. Из-за спины моего друга вынырнул рыжий кот, схватил со стола кольцо копчёной колбасы и — ходу! Отец с палкой — за ним. У самого забора кот бросил колбасу и кинулся на священную особу. Порвал рясу, покарябал руку, шею и лицо. Я еле отбил разбойника! А он подобрал колбасу и скрылся в кустах!

— Вот-вот! — радостно вскрикнул мэр. — Именно таких разбойников мне нужно, и побольше!

По Загряжку поползли слухи, что в мэрии готовят какую-то акцию с котами. Отлавливают десятками и свозят на скотный двор за городом. Там их держат в

больших вольерах и кормят мясом. Готовят то ли на продажу, то ли на меховую фабрику.

По приглашению Колупаева в Загряжск приехал на своих «жигулях» профессор Южного университета, член Международной Кинологической Ассоциации, известный в России селекционер и фелинолог породистых кошек Тимофей Разуваев. Мэр принял его в своём кабинете, и вот какой состоялся разговор между ними.

— Профессор, сколько обитает в природе известных пород кошек?

Профессор был в широченной фланелевой клетчатой рубашке навыпуск с застегнутыми рукавами. Пухлые запястья были немилосердно исцарапаны. В царапинах, судя по всему, кошачьих, были также толстая шея, щека и даже затылок. Гость залпом выпил предложенный Колупаевым стакан минералки, облизал губы.

— Э..э, около двухсот признанных пород кошек.

— А какие из них бойцовские?

— Среди породистых агрессивные качества не культивируются.

— А среди диких?

— Среди диких — сколько угодно. В любой подворотне вы встретите вора и разбойника.

— А самые сильные?

— Бойцы?

— Да. Для каких надобностей?

— Для драки.

— Крысоловы, коты с тигровой окраской. Абиссинские древние кошки. Сиамские, конечно. Сибирские. Норвежские лесные. Американские жёстко-шерстные. Американские бобтейлы. Турецкие ангоры... Много, много замечательных особей. — Дерутся немилосердно. Есть много свидетельств, когда коты насмерть задирали собак, крупный рогатый скот, даже медведей...

— Даже медведей?

— Даже медведей.

— А где устраиваются кошачьи бои?

— Официально — нигде.

— А неофициально?

— В марте месяце, в каждой подворотне. Видите ли, молодой человек, в цивилизованном мире не принято проводить кошачьи бои. Насколько я знаю, прецедентов в Европе и даже в мире не было. Вы, полагаю, хотите организовать в Загряжске кошачьи бои?

— Именно так.

— Тогда это будут первые в мире кошачьи бои.

— Очень хорошо.

— Нет, это очень нехорошо, молодой человек. Вы не представляете, с какими проблемами вы столкнётесь.

— С какими?

— Будут большие препятствия со стороны международных организаций любителей кошек. Они — мастера устраивать скандалы в прессе, на телевидении, в интернете. Вы не боитесь скандалов и разоблачений?

— Я хочу, я жажду скандалов и разоблачений!

Профессор выпил ещё пару стаканов минералки.

Зааряжский пантеон

— Г-м... я, кажется, начинаю понимать. Вы — честолюбивый молодой человек, вы хотите подразнить общественное мнение.

— Именно так! И вы мне поможете, профессор! Не бескорыстно, конечно. Мы заключим договор.

Селекционера поселили в гостинице с видом на Дон. В просторном кондиционированном номере было всё для комфортной работы: ноутбук, принтер, домашний кинотеатр. Холодильник, забитый деликатесами и разноцветными флаконами дорогих напитков. Профессор много работал и много отдыхал.

Через месяц мэр Колупаев принимал проект первых в мире кошачьих боёв. Действо было секретное и проходило на загородной животноводческой ферме в одном из пустующих корпусов. Присутствовали ближайшие помощники мэра, Дрюня и профессор Разуваев.

Посередине корпуса поставили большую вольеру, обтянутую сеткой «рябица». С обеих торцов выступали карманы с задвижками. В карманы перед боем помещали котов. По сигналу — задвижки открывались, и бойцы выскакивали на арену.

Первыми вышли два замечательных экземпляра. Рыжий пятилетний кот Рататуй со шрамами на крупной костистой морде и старый чёрно-белый Разгуляй с квадратной грудью и толстыми, как у собаки, лапами. Оба были коренными загрязцами, родоначальниками многих семейств. Коты знали друг друга и не раз дрались за кошек до полусмерти.

Всё действо помощники мэра снимали на видеокамеры.

Коты, как бы не замечая друг друга, медленно сближались, нервно хлопая по бокам хвостами. Рататай подпрыгнул на месте и прижался брюхом к земле, уши его прилипли к затылку. Разгуляй выгнулся дугой, низко наклонил голову, оскалится, показывая прямые клыки и взял, как оперный певец, высокую ноту. Рататай подхватил тенором; дуэт, набирая силу, рванул вверх, в поднебесье. — Коты сшиблись, крепко обнимая друг друга; сучили ногами, комками выдирая шерсть, остервенело катались по земле, кусаясь, царапаясь, вопя, за-хлѣбываясь...

Котов разняли, сберегая их силы и форму до главного события. Котовед и профессор сказал:

— Уважаемый мэр! И Рататуй, и Разгуляй — выдающиеся экземпляры. Если сценическая сторона международного мероприятия приблизится к представленному показательному бою, то, уверяю вас, эффект будет оглушительный. Первые в мире кошачьи бои в Загрязске оправдают самые головокружительные надежды. В добрый час! Моя миссия завершена, меня ждут в универ-ситете. И... личная просьба: прошу выплатить гонорар, так как в данный момент испытываю... э-э, материальные затруднения.

Мэр дал указание своему помощнику, а профессору сказал:

— Наш уважаемый Андрей Васильевич также консультировал нас, но совершенно бесплатно...

Дрюня встал и, потупясь, перебил мэра:

— Только прошу учесть мою заявку... Дозвольте выставить на соревнования своего кота.

Колупаев улыбнулся скромности зрителя кладбища.

— Это — пожалуйста; оформите заявку, официально. Кстати, призы победителям будут... нет, не могу пока назвать суммы...

У Дрюни не было никакого кота. А желание поучаствовать в кошачьих боях

появилось в процессе отлова загрязжских котов и совместной работе с известным котоведом и профессором Разуваевым. — Мысль появилась раньше кота...

19

Мэр Колупаев запустил дезу в интернет. Якобы, американская Международная ассоциация Любителей кошек ТИСА официально обратилась к нему с просьбой провести первые в истории кошачьи бои в Загрязске. Выбор объяснили исключительно благоприятной средой обитания кошек и добросердечным отношением к этим животным местных жителей. По плотности обитания котов и кошек Загрязск входит в первую десятку городов мира. И так далее...

Опровержение последовало немедленно. В официальном заявлении Ассоциации говорилось:

«Мы никогда не вступали в сношения с мэрией Загрязска в России; тем более, с такими отвратительными богомерзкими предложениями, как кошачьи бои. Мы дорожим своей высокой репутацией среди фелинологических организаций во всём мире и официально заявляем о своей непричастности к по-пыткам организовать и устроить где бы то ни было кошачьи бои. Устав нашей Ассоциации прямо запрещает что-либо подобное в этом роде».

И пошло, и поехало. Интернет был переполнен и гневными, и одобрительными откликами. Более двухсот международных кошачьих организаций выступили с протестами против кошачьих боев, около двухсот таких же организаций приветствовали проведение первых в мире кошачьих боёв. И просили мэра российского города «Загурйяжска» организовать такое состязание. Посыпались письма, заявки, телеграммы... VIP-персоны обращались в посольства, консульства, в МИД России. Желających приехать на кошачьи бои в Загрязск увеличивалось с каждым днём.

Мэра Колупаева вызвал губернатор.

— Ты что натворил, сукин сын! Какие коты? Какие бои? С твоим рылом — в международные дела?!.. Где ты собираешься принимать Европу? В леваде?

Много наговорил губернатор. Колупаев спокойно слушал и даже кивал, соглашаясь. Но, когда губернатор сказал утомлённо:

— Я, наверно, оторву тебе голову.

Мэр решительно возразил:

— Только после мероприятия! — Лёд тронулся.

В Загрязск наведалься представитель президента. На двух джипах, с четырьмя охранниками.

— Ты что натворил, сукин сын! — закричал представитель прямо с порога. — Какие коты? Какие бои? С твоим рылом — в международные дела?!.. Где ты собираешься принимать Европу? В леваде? Я, наверно, оторву тебе голову.

Славик упрямо наклонил голову:

— Только после мероприятия! Лёд тронулся.

Мстислав Колупаев только на вид был молод и простоват. Нет, недаром он был босяком и беспризорником.

...Слухи дошли до Кремля. Поздно вечером уставший президент как бы между делом спросил помощника:

— Слушайте, что происходит в Загрязске?

Помощник помялся, почесал нос.

Загряжский пантеон

— Молодой амбициозный мэр решил провести первые в мире кошачьи бои. Ну, и пошла волна...

— Загряжск для меня очень дорог... Закон запрещает кошачьи бои?

— Нет, закон не запрещает кошачьи бои.

— Так в чём дело? Может, надо помочь мэру?

— Европейские организации по защите животных возмущаются и грозят международным судом...

— Можно подумать, они когда-нибудь одобряли наши инициативы. Нужно помочь молодому мэру!

Губернатор немедленно позвонил Колупаеву.

— Слушай, Президент на нашей стороне! Он за кошачьи соревнования. Готовь смету, мы подумаем, чем тебе помочь.

Позвонил и представитель президента.

— Не вздумай экономить! Делай по высшему разряду!

Дело развернулось нешуточное. Только иностранных гостей ожидалось не менее двух тысяч. По ускоренной технологии заложили пять отелей. Десять плавучих гостиниц-теплоходов пришвартовались у причала. От палаток-закусочных рябило в глазах по всей пойме. На стадионе построили трибуны с новыми пластиковыми стульями. Для прессы поставили огромный шатёр с космической связью, с Интернет-техникой. Для котов устроили специальную гостиницу с вольерами.

Загряжцы испытывали необыкновенный прилив патриотизма. Возле каждого дома, каждой хаты подмели, присыпали жёлтым песочком. Ни одного окурка не валялось на дороге. А на стадионе ярко зеленела подстриженная густая трава. Не синтетическая, не крашенная в пожарном порядке трава, а настоящая газонная, стадионная, из раскатанных накануне специальных рулонов.

Двадцать шесть держав сделали заявки на участие в первых в мире кошачьих боях. И двадцать шесть стран заявили протесты.

Буквально накануне Покрова стали съезжаться гости и участники кошачьего форума. Загряжск хорошо подготовился и размещал гостей в гостиницах и на теплоходах. Приезжих соотечественников направляли на частные квартиры. Были и такие экстремалы, которые разбивали палатки и сидели в плавках у костров и мангалов. Пели под гитары и пили пиво прямо из бутылок... В леваде раскохалось бабье лето. Золотом горели ясени, липы, ивы и тополя. Серебрились длинные нити паутины. Пронзительно кричали чайки. Загряжцы толпами валили на стадион. Распорядители состязаний делали последние приготовления.

Посередине стадиона стояла огромная вольера. Арена, понятное дело, была закрытой, чтобы бойцы не дали дёру куда попало. При входе на стадион продавали программки и буклеты с персональными данными участников боёв. Всего было около ста котов. Кошек не заявляли из-за многочисленных протестов международных организаций любителей кошек. — Только коты, осмотренные медиками и кинологами. Чтобы не было самодеятельности и неприятных сюрпризов.

И наконец, самое главное. Победитель получал миллион долларов. Не кот, понятно, а хозяин, или организация, представляющая кота.

Загряжцы поголовно рванулись заявлять своих питомцев, но нарвались на вежливое европейское «нет». Требовались коты чистых пород. С родословной, с прививками, состоящие на учёте в одной из кошачьих организаций. Не знали люди, что в Загряжске задним числом создали и зарегистрировали такую организацию. И там уже выдали документы на сорок котов. Одним из последних поставил на учёт своего кота Варфоломея смотритель кладбища Андрей Васильевич...

И грянул бой!

По количеству страстей на одно человеко-место кошачьи бои в Загряжке могли сравняться разве что с боями гладиаторов в известном Колизее. Мы не прибегаем к эмоциям, не подогреваем интерес, — только статистика, читатель, только документ!

За две недели состязаний на стадионе скончались от сердечных приступов: 3 чел.;

госпитализированы с нервным расстройством от перевозбуждения: 12 чел.;

имели место преждевременные роды: 2 случая;

семейные ссоры и конфликты по протоколам полицейского участка: 64 случая;

потерпевшие на азартных играх (ставках): 400 чел.

Бои проходили по системе отборочных матчей чемпионата мира по футболу. Зрелищность мероприятия, повторимся, была потрясающая. Кровавые победы и поражения, рёв стадиона и устрашающие вопли бойцов! Журналисты отметили, что по высоте и чистоте голоса некоторые коты превосходили голоса Пласидо Доминго и Лучано Паваротти!

Выделились, отличились фавориты: норвежский лесной кот Густав, абиссинец Тутанхамон, сибирский кот Куржавый, персидский Дарий, бенгальский Радж-Капур, американский жесткошерстный Билл, ангор турецкий Бузулук и загряжский кот Варфоломей... Тот, кто сделал ставки на этих бойцов сказочно разбогатели и, напротив, кто сделал ставки на других — в одночасье, если не разорились, то изрядно поиздержались.

Кот Варфоломей, как вы, наверно, догадались, принадлежал Дрюне. И это был сюрприз, настоящий кот в мешке первых в мире кошачьих боёв. Кота Дрюня долго выслеживал в пойменной чаще, в камышах. И поймал его с помощью капроновой рыбацкой сети. Это был выдающийся экземпляр матёрого камышового кота, больше похожего на рысь, чем на своих сородичей.

В полуфинале Варфоломей одолел норвежца Густава. Одолел с трудом, так как Густав был сильно лохмат, и Варфоломей наглотался шерсти, кашлял и срыгивал её комками. Густава санитары унесли на носилках, а разгорячённого Варфоломея с трудом поймали сетками и заключили в вольеру. Он успел укунуть одного санитаря за ногу, а второму сильно расцарапал голову... Дрюня усмехался и ладонью прятал нахальную улыбку.

Выдающиеся коты Рататай и Разгуляй, на которых большинство загряжцев сделали ставки, не дотянули до четвертьфинала. Их вышибли соответственно сибиряк Куржавый и перс Дарий. А последних соответственно вышибли бенгалец Радж-Капур и турок Бузулук. Все прогнозы пошли кувырком.

... В финале Варфоломей дрался с американцем Биллом. Американец был велик и страшен; наверно, около пуда весом и очень высок в ногах. Он употреблял виски и постоянно жевал резинку. Билл проявлял полное презрение к Загряжке и его жителям, а также к своему противнику Варфоломею. До сегодняшнего дня он не имел ни одного поражения на родине в штате Тенесси.

Без меры жрал говядину и индеек. Голова американца была круглой и твёрдой, как кормовая тыква, глаза закисли от алкоголя, он кашлял и пердел, как настоящий ковбой.

Варфоломей в отличие от американца жил природной жизнью, охотился на перепёлок, уток, куропаток, ловил рыбу на перекатах, коротко знал всех камышовых кошек и не щадил соперников. Он был на корпус длиннее своих со-

Загряжский пантеон

родичей, гибче и мускулистее; жёлтые тигровые зрачки мерцали тысячекратной неуютленностью. Варфоломей был умён, хитёр и не боялся никого на свете.

Ставки на Билла и Варфоломея разделились поровну, а Дрюня не мог сдерживать ехидной улыбки. Трансляция со стадиона велась по Евроньюс и ещё на двадцать восемь стран мира. А двадцать шесть стран клеймили позором организаторов и хозяев кошачьих боев и уже подавали иски в международные суды. Загряжск заполнил интернет и звучал на всех языках мира. Мэр Колупаев за день давал по двадцать интервью и по популярности сравнивался с американским президентом. Фото Варфоломея и Билла красовались на обложках популярных журналов и газет. Майки со знаменитыми котами продавались в Европе на каждом перекрёстке, а также в Америке, Австралии, в Африке, Индии и Китае. Бренд «Загряжск» гулял по всему миру, как пепси, грипп и жевательные резинки.

В последний день состязаний на финальный бой, по слухам, должен был прилететь президент России и главы стран Таможенного союза. Мэр Колупаев как-то загадочно опровергал эти слухи. А редактор «Загряжских ведомостей»

Певзнюк радостно потирал руки:

— Прилетит, как миленький! Коты ему до лампочки, у него тут любовница и сынок растёт. Он каждый год тайно прилетает.

20

Ударил колокол, скрипнули задвижки, коты с поднятыми хвостами выскочили на середину вольеры. Варфоломей сделал два прыжка, стремительно взмыл ввысь и в пике упал на спину Билла. Он клещом влип, врос в американца и зубами терзал, рвал его жесткошерстный затылок. Билл реванул голосом Поля Робсона, выплюнул жвачку, встал на задние лапы во весь чудовищный рост и грянулся оземь, сбрасывая противника. Сцепившись в объятиях, коты перекатывались по стадиону, истошно вопя, полосуя когтями друг друга, кусаясь, кровавая аквамаринную зелень стадионной травы... Американец тяжело дышал, бока раздувались, как кузнечные меха, и дрожали, опадая. Он всё чаще принимал стойку боксёра и бестолково отмахивался лапами-кулаками. Загряжец молниеносно менял угол атаки и рвал когтями раскабаневшую тушу американца, оставаясь неуязвимым. Он прыгал с места вверх, как взлетают орлы, и камнем падал на противника, сшибая его с ног, полосуюя клыками кожу и плоть...

Так продолжалось, наверное, с полчаса. Билл ушёл в глухую оборону, вжавшись брюхом в траву, примкнув уши к затылку; его круглая голова выделялась на стадионе, как тыква в огороде. Варфоломей с изяществом гимнаста делал круги, целясь, как снайпер, собирал мускулы в один удар. — Прыжок поплыл рыжим текучим миражом, кометой... Клыки сомкнулись на горле, американец замер от боли и страха. Варфоломей медленно давил, сжимая челюсти...

Разливали бойцов двое пожарных — из брандспойта.

Американца унесли санитары на носилках. Варфоломей покусал и исцарапал двух волонтеров-кинологов, вырвался из их рук, в три прыжка перемахнул стадион и рванул к Дону, в камыши...

Стадион ревел, вопил, топал. Много людей обписалось, — как сейчас говорят, от драйва. Интернет перегрелся и давал сбои. Трибуны скандировали:

— Ко-лу-па-ев! Ко-лу-па-ев!

Мэр вышел на середину стадиона и преклонил голову перед лучами славы. Не коты, не Варфоломей, а мэр Загряжска был победителем на этом празднике!

Перед тем, как объявить и вручить награду владельцу Варфоломея, в совещательную комнату ворвалась разъярённая американская делегация. Она требовала немедленно предъявить публике победителя. Так было предписано правилами игры.

— Вы не можете объявить виртуального победителя! Кот-призрак не может быть легитимным! Вы должны показать процедуру награждения онлайн!

Мэр Колупаев и все члены жюри согласились с требованиями американской стороны: победитель должен воочию стоять на пьедестале. Дрюне дали двадцать четыре часа, чтобы поймать и предъявить членам жюри беглеца-победителя.

— А как же награда? Миллион? — потерянно спросил Дрюня членов жюри.

— Только по предъявлению! — был неумолимый вердикт членов жюри.

Дрюня остался при своих интересах. Поймать Варфоломея на необъятной территории в джунглях камыша и кустарника было дохлым делом. Но члены жюри были тоже люди, и они имели сочувствие к Дрюне, как таковому.

— Наградить владельца сбежавшего кота Варфоломея именными наручными часами! — Таково было решение членов жюри.

Загряжск остался без кота-победителя, а Дрюня — без миллиона.

21

Первые в мире кошачьи бои в Загряжске ушли в историю и имели некоторые последствия для наших героев. Популярность мэра Колупаева была столь велика, что было бы грех ею не воспользоваться. Молодая команда выдвинула своего лидера кандидатом на пост губернатора.

Камышовому коту Варфоломею поставили медный памятник. Прямо напротив медного памятника атаману Платову. Герои строго смотрят друг на друга, как бы примериваясь перед поединком. Так смотрят друг на друга боксёры перед решающей схваткой. Понятное дело, в реальности никто бы не допустил драки кота с атаманом, но в искусстве всё возможно, фантазия скульптора воплотилась в замысле. Теперь это самое популярное место в Загряжске. Сюда приходят молодожёны и кладут цветы, у памятников назначают свидания. Здесь обсуждают самые свежие новости в городе. Молодые пьют пиво прямо из горлышка, старые пьют водку из пластиковых стаканов, а барышни и бабы — из чего бог послал. У памятников дерутся, мирятся, заключают и обмывают сделки по купле-продаже. Здесь знакомятся, читают стихи, поют песни под гитару и просто так, без музыки. У памятников постоянно работают фотохудожники, они делают не фотоснимки, а художественные портреты, пейзажи и натюрморты самой экзотической окраски. Здесь снимают эпизоды для своих триллеров известные кинематографисты. Здесь запросто гуляют звёзды шоу и кино. Как в Голливуде или на Мосфильме у Шахназарова. После кошачьих боёв Загряжск раздулся от важности.

У памятника коту Варфоломею познакомились Екатерина Ивановна Колупаева и зритель кладбища Андрей Васильевич. Женщина первая подошла к Дрюне и робко сказала:

— Я мать Славика Колупаева, а вы его приёмный отец. Будем знакомы.

Дрюня с интересом рассматривал свою родственницу. Она была хорошо одета, миниатюрна и сравнительно молода. Длинные ресницы, робость во взгляде, в опущенных глазах и некоторый признак неадекватности.

— Вы, наверно, слышали, что я сумасшедшая? Это было в прошлом, после Турции. Сейчас я здорова.

Дрюня наивно пожал плечами.

Зааряжский пантеон

— Слышал. Меня тоже считают ненормальным. Рад знакомству. Славик, наверно, нарисовал мой портрет?

— Нарисовал. Но оригинал интереснее.

С первых минут Дрюня почувствовал лёгкость разговора.

— Я видела вас на кладбище, у Егорьева Ключа. И в церкви, у отца Амвросия. И слышала о вас много от загрязцев.

Екатерина Ивановна говорила просто и умно, как со старым знакомым, и Дрюню подкупала её непосредственность.

— Не повезло с Варфоломеем, а могли бы стать богатым человеком?

— Господь отвёл от искушения. Зачем мне богатство?

— Богатство — это независимость.

— Богатство — это большая зависимость, и наш Славик пошёл по этому пути...

— Кстати, что вы сейчас думаете о Славике?

Дрюня строго глянул на Екатерину Ивановну.

— Не жду от него ничего хорошего.

Екатерина Ивановна надула губы.

— Напрасно, он делает добро людям. У него было трудное детство. Почему вы не верите в добро?

— В добро верю. Зачем он баллотируется в губернаторы?

— Что же в этом плохого?

— Молоко на губах не обсохло. Его сто раз съедят, и косточки выплюнут.

Екатерина Ивановна была огорчена разговором, и не скрывала этого. Впрочем, при следующей встрече она не помнила об огорчениях. Она пришла на кладбище, заглянула в церковь, поставила свечку и долго молилась. Потом Дрюня напоил её чаем. Она покраснелась и смело расспрашивала зрителя.

— А правда, что вы были атаманом и встречались с президентом?

Дрюня недовольно пожимал плечами и отвечал, как отвечают маленьким.

— Обо мне больше брехни сочиняют. Если что и было, то... так, по пьянке.

— Интересно. А жена действительно пела в Большом театре?

— Жена Клариса действительно пела в Большом театре.

Екатерина Ивановна помолчала и вздохнула.

— Я всю жизнь мечтала петь. У меня хороший голос. Да, я пела... Хотите, сейчас спою, для вас?

Она встала, наклонила голову, выгнула спину и покашляла в кулачок.

Белым снегом, белым снегом ночь метельная ту стёжку замела...

Дрюня внимательно слушал женщину, с жалостью и участием. Конечно, она тронутая, думал он, как и Клариса, как и все певицы, наверно. А поёт хорошо, замечательно поёт, почти как Клара...

По которой, по которой я с тобой, любимый, рядышком прошла...

— Ну как? — спросила Екатерина Ивановна с гордостью, глядя на удивлённо притихшего зрителя.

— Душевно! — восхищённо откликнулся Дрюня. — Пробирает! За что Господь посылает ко мне замечательных женщин, повреждённых на голову, красивых и с талантами? Чем я заслужил такую милость?

— Что вы! Что вы говорите! — Екатерина Ивановна возразила решительно и энергично. — Вы заслуживаете гораздо большего! Вы настоящий мужчина! Добрый и душевный! Я полюбила вас с первого взгляда! Я буду вам другом и сделаю вас счастливым. Вы много страдали, как и я, и заслужили счастье.

Катерина Ивановна жила одна в небольшой квартире, которую купил для неё Славик. Она настойчиво предлагала Дрюне переселиться к ней с «ужасного кладбища». Дрюня вежливо, но настойчиво отказывался.

— Тогда я буду жить у вас. Мы не должны расставаться.

Она смотрела на Дрюню влажными, тающими от счастья глазами, в них были жертвенность и порыв, мольба и надежда. Дрюня растерялся от женской искренности, вздохнул и перекрестился.

Катерина Ивановна надыхаться не могла на своего возлюбленного, ни на шаг не отходила от него и сопровождала всюду.

Дрюня стал замечать, что отец Амвросий при встрече отводил глаза в сторону и торопился по своим делам. Софья Ильинична выразилась откровенно:

— Бес в ребро! Найди здоровую нормальную девку из загрязских, и никто тебя не осудит. А эта сумасшедшая ночью ножиком пырнёт.

Дрюня везде чувствовал молчаливое осуждение и однажды не выдержал и сказал отцу Амвросию со злостью:

— Я тебя, друг мой любезный, не осуждал в своё время... Я не могу отвернуться от этой женщины, она больная и несчастная.

— Упаси Господь! — испугался настоятель. — Очень хорошо тебя понимаю. Только... узаконить надо ваш союз.

— Не твоё собачье дело! — Огрызнулся Дрюня и обиженно зашагал домой.

А с матерью объяснялся Славик. Он не церемонился и не стеснялся в выражениях.

— Зачем ты пристаёшь к зрителю кладбища? Позоришь меня в глазах загрязцев? Ходишь за ним, как собачка. В глаза заглядываешь?

Екатерина Ивановна плакала, как девочка, кулаком размазывала слёзы по щекам.

— Я люблю его...

— Дура! Он тебя считает дурой!

— Неправда, он любит меня!

— Это невыносимо! Это, наконец, невозможно накануне губернаторских выборов! Я вынужден принять меры, мама! Для моей и твоей пользы. Нам нужно пройти курс лечения, я устрою тебя в хорошую больницу. Там есть лекарство от любви.

Услышав слово «больница», Екатерина Ивановна вскрикнула, забилась в угол, закрыла лицо руками.

— Нет! — кричала она. — Не хочу в психушку! Я здорова, сынок, не надо меня лечить! Я хочу на кладбище, я хочу умереть на руках возлюбленного... Я не люблю тебя, я боюсь. Позовите Андрея, приведите милого Дрюню!

С ней случился нервный припадок. Всю ночь она бредила, вскрикивала, звала на помощь. Славик вызвал скорую, врач сделал укол, она уснула. Утром Славик сопровождал её в больницу, поговорил с главным врачом и уехал, не простившись с матерью.

хиатрическим заведением в хуторе Мишкине, в пригороде Новочеркаска. Небольшой хуторок растянулся на километры в пойменной чаше Дона, у подножья лысых крутых бугров, бывших в доисторические времена берегами великой реки. За годы и тысячелетия бугры покрылись промоинами-буераками, заросли терновником и лохом и являли живописные пейзажи в низовьях Дона.

Хутор Мишкин был вотчиной казаков Платовых, один из которых прославился в войне с французами в 1812 году. Матвей Иванович Платов, атаман, удалая голова, победитель и герой.

В старинной усадьбе Платовых, в белом доме с колоннами, в глубине парка располагался теперь главный корпус психиатрической больницы. По всему периметру усадьба обнесена трёхметровым железным забором, у входа и въезда круглосуточный пост охраны, как на военном объекте. Редко, но всё же бывали случаи побегов, среди пациентов числились в разные годы чемпионы по прыжкам, по бегу и скалолазанию. В общем, народ, как и везде в городах и весях нашей необъятной родины, всех национальностей и всех профессий. Проходил курс лечения и излечился полностью академик РАН, пациентами числились рабочие и крестьяне, солдаты и матросы, композиторы и госслужащие, полярники и домохозяйки, ветеринары и зоотехники.

Екатерина Ивановна Колупаева была одним из самых тихих и нетребовательных пациентов. Она глубоко погрузилась в себя и механически выполняла всё, что ей говорили окружающие и врачи: встать-сесть, выпить таблетки, идти на обед, на прогулку, лечь под капельницу.

Екатерина Ивановна находилась, благодаря сыну, в привелигированном положении. В палате среди вполне нормальных и вежливых людей. Конечно, со своими привычками, как и у здоровых. Например, капитан дальнего плавания, красавец с атлетическим торсом, ровно в двенадцать часов становился на кровать, открывал форточку, свистом передавал сигналы точного времени и голосом диктора Балашова сообщал в открытую форточку последние известия. Закрывал форточку, поправлял кровать и уходил восвояси. Никто не удивлялся, все с интересом слушали, что происходит в стране и мире. Информация капитана в точности соответствовала официальным сообщениям.

Шефство над новенькой взял английский подданный сэр Ролтон, рыжий и густо конопатый джентльмен, курносый, с разными глазами: один серо-зелёный, другой карий. Он с достоинством поклонился:

— Сэр Ролтон. Не удивляйтесь, я потерял паспорт и забыл английский язык. Меня принимают за сумасшедшего. Но как только я добьюсь встречи с английским посланцем, все недоразумения рассеются. Своё временное пребывание в этом нечужом для меня доме я скрашиваю чтением исторической литературы и общением с интересными людьми.

Сэр Ролтон оказался галантным и высококультурным человеком. С манерами джентльмена и аристократа. Это прививается от рождения при соответствующем образе жизни. Сэр Ролтон рассказывал Екатерине Ивановне удивительные истории. На прогулках он уводил новую знакомую в дальний угол парка под старую шелковицу. Они усаживались на скамейку и сэр Ролтон увлечённо рассказывал.

— Этот дом, любезная Катрин,— он перстом показывал на главный корпус больницы, — принадлежал моему предку, атаману донских казаков графу Платову...

Екатерина Ивановна слушала англичанина с некоторым испугом и восхищением. Ему это нравилось и он продолжал рассказ.

— Впрочем, всё по порядку. Граф Платов после кампании 1812 года, после триумфа в Париже и Лондоне... Особенно в Лондоне, где его путь устланы розами и носили на руках. Его приветствовал сэра Вальтер Скотт, а королева Елизавета наградила его рыцарским званием и преподнесла меч с драгоценностями... Впрочем, это отдельная тема. Граф Платов вернулся на Дон, в хутор Мишкин не один, а с моей прапрабабкой леди Элизабет Ролтон. Она влюбилась в атамана и следовала за ним самозабвенно и неразлучно. Графу было шестьдесят два года, он недавно овдовел, Элизабет исполнилось двадцать пять, и она была девицей.

На лице Екатерины Ивановны появился интерес и удивление.

— Они поженились, и вы их сын?

Сэр Ролтон поморщился и терпеливо объяснял:

— Они не поженились, к сожалению. Жили гражданским браком до самой смерти атамана в 1818 году. После его похорон Элизабет вернулась в Лондон и там родила моего прапрадедушку Матвея Ролтона. Внебрачный сын не мог унаследовать фамилию графа Платова. Но в моих жилах течёт кровь донского казака Платова. Я написал книгу о своём предке, рукопись храню под матрацом... Книга написана по-английски, но я забыл язык и не могу вспомнить содержание целиком. Это омрачает моё существование. А сделать перевод рукописи и издать на русском языке никак невозможно, нет средств. В обширной исторической литературе об атамане Платове, с которой я ознакомился в больничной библиотеке, нет даже упоминания о Элизабет Ролтон. Это несправедливо, и я хочу восстановить справедливость. Любезная Катрин, вы настоящая казачка и вы мне порекомендуете, к кому из известных людей на Дону можно обратиться за помощью.

— Да! — горячо отозвалась Екатерина Ивановна. — Я познакомлю вас с известным человеком, атаманом Дрюней! Андреем Васильевичем! Он умница, он замечательный. И он тоже потомок атамана Платова! Он ваш брат, и он непременно поможет вам!

Сэр Ролтон горячо благодарил свою собеседницу за участие и жаждал скорее познакомиться со своим русским братом.

23

Знакомство состоялось, родичи к обоюдному удовольствию, с одинаковым интересом относились к истории казачества, к судьбам предков, и особенно к семейным подробностям незабвенного Матвея Ивановича Платова. Дрюня обещал сэру Ролтону похлопотать насчёт перевода его книги на русский язык и об издании её в редакции «Загряжских ведомостей». Кроме того, он торжественно объявил, что передаст англичанину для его книги бесценный исторический документ. Записки друга и соратника донского атамана, знаменитого поэта-партизана Дениса Давыдова, а именно «Воспоминания о моём посещении графа Платова в его родовом имении Мишкине».

— Записки Дениса Давыдова хранились в нашей семье, — рассказывал Дрюня сэру Ролтону и Екатерине Ивановне во время свидания в больничном парке. — Рукопись передала мне на хранение моя мать Евдокия Кузьминична, а ей она досталась от её матери Марии Сидоровны, а ей — от её матери... имён

уже не помню. Матвеем Ивановичу ещё при жизни рукопись собственноручно передал его друг генерал Денис Васильевич Давыдов. Он не включал её в свои сочинения и никогда не публиковал. Из-за интимного содержания. Я тоже, как наследник, не давал в печать записки Давыдова и не давал в Зааряжский музей. Опять же, чтобы не бросить тень на светлый образ героя-атамана. Тебе же, потому что англичанки Элизабет, отдаю. От своего имени ты можешь обнародовать последнюю любовь атамана; ты — незаконный отпрыск его.

Конечно, Дрюня вначале сомневался в подлинности сэра Ролтона. Трудно было объяснить пребывание в психиатрической больнице в хуторе Мишкине английского аристократа из-за потери паспорта и полного забвения родной речи. Но также трудно объяснить его познания редких подробностей биографии Платова и англичанки Элизабет. Подробностей, которых не знали биографы атамана, его современники, и нынешние историки. А можно ли объяснить появление англичанина в бывшей родовой усадьбе Матвея Ивановича случайностью? Может ли случайный человек плакать и целовать рукопись Дениса Давыдова, где говорится о любви атамана и англичанки? Могла ли быть, наконец, случайной встреча двух потомков в родовом имении Платовых? Нет, размышлял Дрюня, это божий промысел, и это правда. В жилах сэра Ролтона течёт кровь атамана Платова, как она течёт и у Дрюни. Они потомки, и они братья.

Чувство родства с сэром Ролтоном не омрачило даже поведение подруги Дрюни, Екатерины Ивановны. Она воспылала любовью к сэру Ролтону, и стеснялась Дрюни. Щёки её вспыхивали при встрече глазами с недавно обожаемым ею Дрюней. Она робела, как школьница, и пряталась за спину англичанина. Впрочем, стеснение было недолгим. Екатерина Ивановна собралась с духом и решительно заявила:

— Андрей Васильевич, я хочу объявить вам очень важное решение! Поклянитесь, что не обидитесь и не станете преследовать меня. И ещё поклянитесь, что не скажете моей тайны Славику.

Дрюня с мрачным выражением лица поклялся не преследовать и не выдавать. Екатерина Ивановна с облегчением вздохнула и с радостью сообщила:

— Мы с сэром Ролтоном любим друг друга и просим вашего благословения.

Англичанин потупил глаза, уставясь на свои ботинки. Влюблённые взялись за руки и упали перед Дрюней на колени. Что мог возразить на это потомок атамана? Ровным счётом ничего, даже то, что он не священник и не монах, а большой грешник.

— Благословляю, если вы просите!

Екатерина Ивановна заплакала и призналась, что любит Дрюню почти также, как сэра Ролтона. А сэр Ролтон назвал Дрюню великим после атамана Платова казаком и обещал вставить его в свою книжку.

Дрюня выполнил своё обещание и в очередной свой приезд в хутор Мишкин привёз копию рукописи о своём предке атамане Платове. Сцена была долгая, трогательная, со слезами и клятвами. Дрюня испытал грусть в своём сердце и скоро удалился восвояси.

Сэр Ролтон и Катерина погрузились в чтение записок Дениса Давыдова «Моё посещение графа Платова в его родовом имении Мишкине». Присоединимся и мы, читатель, к чтению исторического документа.

«Визит мой на Дон к графу Платову замышлялся со времени триумфальной

поездки его с Государем (имеется в виду Александр I. — Авт.) в Лондон. Я готовил издание моих военных записок и хотел уточнить некоторые подробности участия казаков атамана Платова в кампании 1812 года.

Моя дружба с графом Матвеем Ивановичем началась ещё в бытность мою адъютантом главнокомандующего 2-й Западной армией князя Петра Ивановича Багратиона. Я был молод, честолюбив, любил гусарские пирушки, любил слушать воспоминания ветеранов об Очакове, Суворове, о славных победах русского оружия в Европе.

После Тильзита батальные действия против турок прекратились, и некоторое время армия отдыхала. Офицеры пили кислое валашское вино, стреляли уток и волочились за местными красавицами. В штаб-квартиру главнокомандующего явился Атаман Области Войска Донского генерал Матвей Иванович Платов. Князь Петр Иванович Багратион представил меня, атаман крепко пожал мою руку. Атаман был высок, строен, тёмноволос. В серо-голубых глазах огонь и отвага. «Орёл! — сказал он мне. — Пойдёшь служить ко мне?» Впоследствии атаман не раз звал меня начальствовать казачьим авангардом в его войске.

Мы вместе участвовали в трёх кампаниях, коротали время на бивуаках, подолгу вели душевные беседы и сошлись так близко, что нас называли «братушками». Это неизменное чувство я пронёс через всю жизнь и сейчас горячо благодарю бога, что судьба одарила меня дружбой этого великого человека.

Впрочем, к делу. Через пять или шесть дней утомительной дороги я оказался близ Черкаска у паромной переправы через Дон. Помолвившись на старинный Воскресенский собор, я с грустью бродил по улицам старинного городка. Увы, многих славных казаков-черкасцев, с которыми я воевал с турками на Дунае, с французами при Аустерлице и с Наполеоном в родном отечестве уже не было в живых. В Черкаске жил сын Матвея Ивановича, полковник Иван Матвеевич Платов, но я не стал разыскивать его, не предупредив о своём визите. Душа моя стремилась к любезному моему сердцу графу Матвею Ивановичу.

Изрядно поколесив по буграм от Аксая до Новочеркаска, и едва не свалившись вместе с бричкой и лошадьми в овраг на крутом спуске в хутор Мишкин, я предстал перед графом с радостным криком и объятиями. С горечью заметил перемены. Граф располнел, на лице глубокие морщины, на темени жёлтая проплешина, усы обвисли, как у старого запорожца. Но живость и темперамент по-прежнему горели в его молодых глазах, в жилах играла казацкая сила. За спиной старого атамана стояла огненно-рыжая красавица в длинном голубом платье.

— Это подруга моя из Лондона, мисс Элизабет Ролтон.

Я представился и спросил, не скучно ли ей после Лондона в деревенской глуши среди казаков. Платов рассмеялся и сказал, что мисс по-русски не понимает ни бельмеса.

— Как же ты объясняешься, ведь по-английски и ты ни бельмеса?

— А-а! — отмахнулся граф. — Тут дело не в физике, а в нравственном ашпекте. Мы довольно понимаем друг друга. Она дворянка, хорошего воспитания. А на лицо — рязанская баба, дебелая и белолицая.

— Йес! Йес! — Элизабет смеялась и хлопала в ладоши.

Я спросил графа, как ему удалось закомпаньонить такую красавицу. Он несколько смутился и сказал, что всё произошло как-то само собой, без особых усилий с его стороны.

— Привязалась, как собачонка. — Он отвернулся, чтобы не встретиться глазами с девушкой. — Ну и я, старый пенёк, поддался...

— Йес! Йес!

Мне показалось, что умная девушка понимает по интонациям, по *физиогномии*. Она понравилась мне необыкновенной живостью, понятливостью и искренностью. «Ай да граф! Ай да казак!» — думал я с завистью и грустью. Во мне ещё кровоточила рана измены моей невесты, полячки Лизы Злотницкой, накануне нашей свадьбы сбежавшей к столичному бонвиану, картёжнику и кутиле князю Петру Голицыну.

Мы прошли через густой роскошный парк по дорожкам из цветного гравия, поднялись на высокую террасу, где нас ждал накрытый белой скатертью богатый обеденный стол. Мы уселись надолго, наслаждаясь разговорами и сладкими воспоминаниями. Боже, сколько волнений, страстей и приключений мы пережили! Мы свидетели и участники роковых и блистательных событий в нашем отечестве. Мы говорили без умолку. Бедная Элизабет, слушавшая нас очень внимательно, в конце концов, стала клевать носом и граф отправил её с горничной в свою комнату.

— А не взяться ли тебе за перо? — предложил я Матвеем Ивановичем. — Твои воспоминания были бы бесценны для потомства.

— Нет, любезный Денис, бумагомаранье не по моей части, да и охоты нет. Мне бы с Новочеркасском управиться. Строительство много огорчает меня. Воруют! Движение леса, камня, железа и иного материала большое, денежный капитал велик, отсюда и соблазны. Наказания не помогают, скорее — способствуют казнокрадству. Да и то сказать, рубль проходит через тысячи рук... Вспоминаю незабвенного Александра Васильича Суворова. Как-то приволокли к нему несчастного интенданта: большая недостача провианта на складах. Требуют повесить виновного. Суворов давно знал бедного интенданта и не сомневался в его честности. Но словами трудно урезонить возмущение. Тогда генералиссимус приказал выстроить взвод в шеренгу, велел дать фланговому горсть муки и передавать по цепи. До конца шеренги муки не хватило.

— Вот! — сказал Суворов. — *К каждой руке прилипает!*

А у меня рук на строительстве много больше, чем в шеренге, и к каждой руке *прилипает*. Знаю, в Петербурге недовольны мной. Знаю, что администратор из меня никудышный. Моя стезя на поле брани. В двенадцатом году легче было, ей-богу! Если бы не Лиза, не знаю, что бы я делал. Она свет в окошке и радует меня на старости лет.

Со стороны конюшни послышалась возня, крики, на террасу поднялся с одышкой красномордый управляющий. Он запросто обратился к графу.

— Конюхи, Ваше сиятельство, спёрли в кухне окорок и пьянствовали на пруду. Поймали и привели их на конюшню. Как с ними быть?

— Выпороть!

В эту минуту появилась Элизабет. Она внимательно прислушивалась к рапорту управляющего и по голосу Матвея Ивановича поняла, в чём дело.

— Ноу, ноу!

Девушка умоляюще сложила руки на груди и смотрела на меня, ища поддержки.

— Ладно! — сказал граф управляющему. — Отпусти злоумышленников. Пусть благодарят Лизу. Она у нас противница телесных наказаний.

Я увидел налицо смягчение помещичьих нравов. Доселе, как мне говорили, граф Платов был сторонник розог и плетей для провинившихся. Элизабет любила вся дворня и соседи. Не зная языка, она свободно общалась со всеми. Люди называли её Миса, то есть — мисс, и ей это очень нравилось.

У графа была превосходная конюшня и отличные лошади донской породы. Каждый день втроём мы выезжали на прогулку верхом вдоль по пойме, по берегу небольшой речки Аксайки. Столетние вербы и вязы, по местному караичи, редко и живописно красовались широкими кронами среди зеленой муравы. Из-под каменистых бугров сочились, текли ручьями чистые и холодные родники. Мы останавливались и пили ключевую воду прямо из пригоршней. Степные орлы кружили в вышине, а внизу на вербах гнездились колонии грачей. Довольно часто прямо из-под конских копыт выскакивали зайцы, пугая лошадей. Элизабет смеялась, как дитя, а у меня щемило сердце при виде счастливой женщины. Мне хотелось любви...

Донские пейзажи напомнили мне детство в нашей подмосковной усадьбе в селе Бородино. Там было такое же высокое небо, огромные старые вербы и широкие зелёные луга. На лугах паслись кони, целые табуны, и конское ржанье стояло в ушах. Мир казался огромным и бесконечно счастливым. Вокруг было только солнце и счастье... Всё сгорело в Бородинском сражении: и усадьба, и счастье, и мечты.

Для своих военных записок я давно хотел спросить графа о его встрече с Наполеоном. Я много слышал об этом от князя Багратиона и от других достоверных свидетелей. Встреча обросла анекдотами. Правду для моих записок мог сказать только сам Платов. Я воспользовался возможностью поговорить напрямую и попросил графа вспомнить о Наполеоне, признавшись, что не могу почитать его за великого человека. Элизабет, присутствовавшая здесь, просила меня переводить ей рассказ Платова.

Граф рассмеялся и охотно стал рассказывать.

Я опускаю из рассказа состояние духа нашей армии. В главной квартире плелись интриги, сплетни. Открыто осуждались поведение Государя и его уступки Наполеону. Французы, ещё вчера стоявшие на Рейне, сегодня выдвинулись к самой нашей границе, к Неману. Ни у кого не было сомнений, что Тильзитский мир не остановит Наполеона, и вслед за Европой он пойдет на Россию. Высокомерное поведение маршалов возмущало наших офицеров. И Государь Александр, кажется, изменил своё отношение к Тильзитской встрече, не обманывался дружбой французского императора. На обеде Государь равнодушно слушал тонкую лесть Наполеона, — союз против англичан умер, оставшись на бумаге.

Вернёмся, впрочем, к рассказу графа.

— Дело было в июне 1807 года, в Тильзите, где ожидалось подписание мирного договора с Наполеоном. В этот день солдатам выдали водку, офицеры с утра пили шампанское, все были возбуждены и ждали главного действия — явление императора французов. Он должен был захватить за нашим Государем, чтобы вместе быть на обеде, устроенном французами. Свита Наполеона составляла до 300 человек. Адьютанты, придворные чины, офицеры генерального штаба, маршалы. Свиту сопровождал эскорт егерей. Знакомя Наполеона со своими придворными, среди коих были великий князь Константин, Беннингсен, граф Ливен, князь Лобанов-Ростовский, генерал Уваров, министр иностранных дел Будберг, Александр представил меня. Французам было известно о донских казаках и моё имя. Наполеон стал расспрашивать о нравах и обычаях казаков, об оружии, которое мы применяли против французских драгун, обратили в бегство конницу Груши. Я напомнил, что казаков называли степными купидонами, что с древности они превосходно владели стрельбой из лука. Император внимательно

Зааряжский пантеон

слушал мой рассказ и попросил показать оружие в деле. Принесли турецкий лук и колчан со стрелами. Я послал подряд три стрелы в соломенную мишень, и все три попали в цель. Раздались аплодисменты. Император достал из кармана золотую табакерку со своим изображением и подарил мне. Я в ответ подарил ему турецкий лук и колчан со стрелами. Наполеон спросил, желаю ли я служить у него. Я ответил, что я служу своему Государю. Вокруг этого короткого общения с Наполеоном сочинили много сплетен, не верь им. А в залог того, что я сообщил, дарю тебе Наполеонову табакерку. Лестно будет, что ты, как изрядный сочинитель, вставишь её в свою книжку.

Я поблагодарил графа и храню табакерку в шкатулке, как память нашей дружбы.

Однажды граф взял меня с собой в Новочеркасск. Город раскинулся на высоких буграх, он ещё был в лесах, мостовые проложили булыжником только по центру и вокруг Вознесенского собора, громада стен которого едва доходила до середины. Тысячи людей копошились вокруг стен и на лесах, тысячи лошадей и повозок тянулись из-под холмов, подвозя камень и лес к возводимым домам и усадьбам. Уже просматривались красивейшие улицы и бульвары, театр и военные казармы, гимназия и Войсковое правление, казначейство, почта, торговая площадь, двухэтажные дома богатых казаков, генералов и старшин. Город напоминал Петербург в уменьшенном виде.

Вокруг атамана тотчас образовалась свита до сотни человек. Граф как-то ухитрялся разговаривать одновременно со всеми. Он отдавал распоряжения то по-военному коротко, то балагурил, употребляя весьма крепкие выражения, то по-отечески увещевал группу толстопузых купцов, то немилосердно орал на чиновников из городской управы. Я совершенно потерялся в этом bestолковом общении и отстал от свиты, осматривая особенности архитектуры.

На углу одной из улиц, возле открытых дверей трактира просил милостыню безногий инвалид. На груди нищего блестела знакомая медаль участника Бородинской битвы. Я не мог пройти мимо и положил в шапку ветерана рубль. Он с достоинством поклонился и поблагодарил. Я спросил, в каком полку он служил.

— В отдельной роте Донской артиллерии, ваше благородие, при атамане Платове! — отвечивал казак.

— Получаешь ли вспомоществование от казны?

— Никак нет, ваше благородие. Таких обрубков, как я, много в Войске собираются. На всех казны не хватает. Спасибо, добрых людей много, не дают пропасть. На хлеб и водку, слава богу, хватает.

— Скажи своё имя, я прошение атаману подам.

— Э-э, нет, барин! Были у нас грамотеи, подавали прошения. Только вместо вспомоществования — их за шкурку и за город подальше, чтоб глаза начальству не мозолили.

Вечером я рассказал об этом Платову. Старик вздохнул и сказал сурово:

— Наши чиновники страшнее французов. И не Государь в том повинен!

— А кто же!

— Мы с тобой виноваты, вояки. В мирное время не можем защитить своих инвалидов и раненых. Я не могу в Новочеркасске построить дом инвалидов, простую богадельню. Чиновники из Петербурга следят за каждой копейкой, а сами аферы устраивают, каких свет не видывал. И всё шито-крыто, никакой сенат не дознается. Я, сам знаешь, всю жизнь провёл в баталиях и одолевал неприятеля

в невозможных условиях. А на административном поприще терплю поражения, как новобранец. Тошно мне, друг любезный, и безногому ветерану я, как и ты, могу подать только милостыню. Мне стыдно, что я граф и генерал. Давай-ка выпьем горилки с перцем, иначе можно вольнодумцем стать.

На политические темы мы больше не разговаривали, граф дал понять, что политика ему не по нутру. Он больше был погружён в дела многочисленного семейства. Усадьбу свою в хуторе Мишкине отдал в приданное дочери Марфе. Своего дома в Новочеркасске не имел и не хотел улучшать благосостояние в новом городе. Былые связи с Петербургом сошли на нет, новые люди при дворе не интересовали его. А други игрищ и забав молодости ушли в мир иной. Остались Новочеркасск и Лиза. Устройству нового города он отдавал последние силы, несмотря на нелюбовь к административной работе. А уж об Лизе и говорить нечего, он души не чаял в ней.

Есть женщины, поступки коих объяснить невозможно, их можно только понять сердцем, почувствовать. Элизабет была из этой редкой породы. Невозможно словами объяснить привязанность молодой девушки хорошего воспитания к нашему герою, старику, обременённому многочисленным семейством. Привязанность столь уважительную, что девушка оставила свою семью, оставила отечество, безоглядно устремила за кумиром в неведомую Россию, не зная нравов её и языка. Поистине, это награда неба нашему герою, коей только может удостоиться смертный человек. За свою жизнь я не видел любящей женщины, подобной Элизабет.

Время в хуторе пролетело быстро, настал день моего отъезда. Мы посидели на дорожку, по обычаю. Элизабет была весела и непосредственна, как дитя, граф пошучивал, но грустью отдавали шутки. Я вдруг почувствовал, что, может, это последняя наша встреча... Коляска тронулась, и скоро хутор скрылся за поворотом».

P.S.

Я не включил эти страницы в мои военные записки. Рукопись же переслал графу Платову по почте и получил от него короткое письмецо. «Любезный Денис Васильич! Сочинение твоё об хуторе Мишкине прелесть невозможная. Я совершенно с тобой согласен, на меня сошла милость Божия. За что до скончания дней буду благодарить Господа моего Иисуса Христа и добрейшую подругу мою Лизу».

25

Дрюня сдержал слово, передал переведённую, благодаря его хлопотам, на русский язык рукопись сэра Ролтона в типографию «Загряжских ведомостей». Он поехал в хутор Мишкин, чтобы сообщить об этом сэру Ролтону.

На проходной охранник сказал ему, что не может вызвать на свидание названных пациентов. Дрюня пояснил, что до сих пор не было никаких препятствий для свиданий.

— Невозможно! — сказал охранник.

— Почему?

— Из-за выбытия пациентов.

— Не может быть!

— У нас может! — строго объявил охранник и захлопнул дверь.

Дрюня пытался через дверь докричаться кому-нибудь, объяснить, что произошло с его друзьями. Потом стал стучать в дверь кулаками и ногами. Дверь

открылась, выглянул человек в белом халате, выразительно посмотрел на Дрюню и обратился к охраннику:

— Охрименко, взять его, и ко мне в процедурную!

Через полгода посредством хлопот и немалых денег Софья Ильинична вызволила Дрюню из лечебницы и привезла в Загряжск нашего героя. Он был равнодушен ко всему и не отвечал на вопросы. Сначала не обеспокоились — человек после больницы: отдохнёт, отоспится, и всё придёт в норму. Дрюня отоспался, отдохнул, но по-прежнему смотрел перед собой тупо осовелыми глазами и не реагировал на обращения. Пробовали разговаривать с ним Софья Ильинична, отец Амвросий, мэр Колупаев, но всё напрасно: Дрюня молчал и равнодушно смотрел на собеседников.

Мстислав Колупаев ездил в хутор Мишкин, пытался узнать о судьбе матери. Главный врач объяснил ему, что Екатерина Ивановна Колупаева после курса лечения выписана из больницы в удовлетворительном состоянии. О дальнейшем её передвижении он не имеет никакой информации.

Дрюню посадили возле церкви на паперти. Люди бросали мелочь в медную кружку, крестились и сожалели о печальной участи уважаемого и достойного человека. Дрюня застыл, затвердел в своём положении. Он сидел целыми днями у входа в церковь, бессмысленно глядя на прихожан, не реагируя на обращения. Софья Ильинична приставила к нему служку, сторожа складского хозяйства. Сторож водил его на обед и гулял с ним вокруг кладбища. Остальное время Дрюня смиренно сидел на паперти.

Жизнь в Загряжке шла своим чередом. Мэрия отняла у Сони Егорьев Ключ, доступ к источнику открыли для всех круглосуточно, и народ повалил, как в пивную. Гостиницы пустовали, но кладбищенский бизнес процветал. Покойников стало больше, и похороны становились богаче. Прибавилось молодых, стремительно *уходящих* на иномарках по дорогам и просёлкам, где дорожники не успевали делать ямочные ремонты. Впрочем, хватало покойников и на федеральных трассах с европейским комфортом. Чем лучше дорога, тем выше скорость и, значит, больше покойников. О, дороги, о, изменчивые, как женщины, иномарки! Вы добавили ускорение молодому веку и раздвинули погосты вокруг городов и посёлков, а вдоль дорог прибавилось жестяных пирамидок и пластмассовых цветов. Молодой народ уходит без покаяния, а суровый апостол Пётр скорбит о скоротечности человеческих желаний и потреб, о нераскаянности грешных душ.

Жив Дрюня, сидит возле церкви и глядит на свет Божий, но какая это жизнь? Не потянется утром с хрустом в костях. Не улыбнётся нахально соседке через плетень. Не спляшет на свадьбе у товарища гопака и не выпьет, запрокинувши голову, стакан горилки. Не споёт, не расскажет искромётной байки. Не померится силой в кулачном бою. Сидеть ему, болезному, безмолвно до скончания дней, и никто не утешит старого казака, не вдохнёт в него искру Божью.

Славик Колупаев близко к сердцу принял историю *выбытия* матери из больницы и возвращения из той же больницы несчастного Дрюни. Он не мог поверить, что мать *выбыла* бесследно, как не мог поверить, что Дрюня беспричинно стал безмолвным истуканом. Местные доктора советовали мэру свозить Дрюню в Москву, к известным светилам психиатрии. И мэр возил Дрюню к светилам. Известные психиатры созывали консилиумы и сделали заключение: больному вводили неизвестный науке депрессант. Применение обычных, даже сильных депрессантов (для буйных) не имеет последствий для здоровья пациентов.

Дрюню отдали Славику и сказали, что в лечении он не нуждается и не представляет для окружающих никакой опасности. Дрюню вернули на паперть с медной кружкой, где он приносил церкви немалую пользу.

Славик не стал участвовать в выборах губернатора и всецело отдался загрязским будням. Как-то ему доложили, что на приём просится директор кладбища. Мэр велел позвать просителя. Вошёл наш старый знакомый Тихон Павлович. Как служащий он осторожно сел перед начальником и осторожно произнёс:

— Имею сообщить некоторые наблюдения над батюшкой вашим Андреем Васильичем...

Мэр кивнул, и директор продолжал:

— К Дрюне, то есть к батюшке вашему, большой интерес не только загрязцев, но и пришлых туристов. Очень много разговоров.

— О чём говорят?

— Сочиняют сплетни о вашей персоне.

Славик встал и нервно заходил по комнате.

— Я так и знал! Я предвидел грязь, и вовремя отказался от выборов в губернаторы... Но в Загряжске не потерплю! Кто сочиняет сплетни?

Директор струхнул и, заикаясь, пояснил:

— Умысла, может, и нет, а так...

— Говори, говори...

Тихон Павлович продолжал уже смелее.

— Говорят, в психушку, мол, отца и мать ни за что. И Софью Ильиничну обидели...

— Это она тебя ко мне прислала?

— Тю-тю-тю! — возмутился Тихон Павлович. — Как вам в голову пришло такое!

— Так ты же первый сплетник в Загряжске! Обо мне и об отце всегда гадости сочинял! Говори короче, не могу тебя зрить!

— Товарищ Колупаев, не вели казнить, Дрюня на паперти влияет против твоего авторитета.

— Каким образом?

— Юродивые всегда раздражают людей против власти, Дрюню нужно убрать с паперти. Это отец Амвросий устроил наперекор вам...

— Говори яснее! — Мэр не мог уловить скользкую мысль Тихона.

Тихон же, видя затруднение мэра, осмелел и стал довольно развязно разъяснять, разжёвывать смысл.

— Когда отец сидит с кружкой на паперти, то люди на кого пальцем показывают? На сына! Когда за больным отцом присматривает недоумок, кого люди осуждают? Сына! Люди несут Дрюне, извиняюсь, отцу, пропитание — колбаски там, пивка, печеньеце. Кому укор? Сыну. А сын кто? Мэр. Законное возмущение против власти! Вот куда метит отец Амвросий, сажая на паперть известного и уважаемого человека в Загряжске. К тому же, я извиняюсь, отца вашего...

Славик Колупаев был далеко не глуп, он признал правоту сплетника Тихона и стал думать, как употребить положение Дрюни в свою пользу, и как можно приличнее устроить его в глазах общественности. В это самое время мэр инспектировал историко-культурные, краеведческие и туристические учреждения. И размышлял о пользе этих учреждений для юношества, для пробуждения патриотических чувств.

Зааряжский пантеон

В краеведческом музее мэр остановился у одного стенда и обратил внимание на ссохшуюся и выцветшую женскую сумочку «Кисет Меланьи».

— Какое значение имеет этот предмет в назидание потомству? — спросил мэр директора музея по фамилии Горобец.

— Совершенно никакого! — бодро ответил директор. — Значение имеет сама Меланья, как таковая.

— Чем она знаменита?

— Меланья — тёща знаменитого атамана. Хлебосольная хозяйка. Песельница. Красавица.

— Ну так сделайте её героиней Загряжска!

— Э-э... — сказал директор растерянно.

— Гм-м! — ответил мэр и молча направился к выходу.

Посещение музея подвигло мэра Колупаева найти героев в назидание современным потомкам.

26

В «Загряжских ведомостях» было короткое сообщение, что директор музея по фамилии Горобец освобождён от должности «в связи с утратой доверия» мэра Колупаева. Мэр приказал помощнику:

— Позови ко мне самого молодого сотрудника музея.

Маша Васина, недавняя выпускница исторического факультета, нынешняя сотрудница Загряжского музея робко предстала перед мэром, не зная, что от неё хотят.

— Я назначаю тебя директором музея.

Маша опустила глаза, не смея взглянуть на большого начальника. А он чеканил, диктовал, как полководец:

— Загряжск должен чтить своих героев. Я назову вам в назидание потомству имена, которые для музея будут священными. Отныне смыслом вашей работы станет жизнеописание и проповедничество деяний и подвигов знаменитых загряжцев...

Мэр наговорил столько, сколько бедная Маша не слышала на лекциях в университете. Она была ошеломлена доверием начальника. Список героев, который составила Маша Васина по рекомендации Мстислава Колупаева был невелик, но весьма выразителен. Первым значился мэр Загряжска Кукуй-Прискоков. Он причислен к героям «за яркие и смелые инициативы в руководстве городом, а также за сооружение Пантеона». За ним значился Костя Моцарт, как музыкант с мировой известностью. Далее — казак Гринька Вертий, житель Загряжска, укравший у турецкого султана дочь Зюлейку и женившийся на ней. В музейной программе было записано решение Первое мая (с года смерти Гриньки Вертия) отмечать в Загряжске как День молодой семьи. В герои записали и студента-каторжника Артёма Пучеглазова за покушение на Государя Императора Александра Третьего. Но каторжник не прижился среди героев, и Маша Васина совершенно справедливо вычеркнула его из истории. Своё место в списке занял дед Пахом, отличившийся примерной законопослушной жизнью.

Одним из объектов музейной программы стал Дрюня. Ему была отведена роль новейшего героя современного Загряжска. В короткой исторической характеристике Дрюни значилось: «Популярный тип из народных глубин. Попадает в разные истории, обрастающие юмором, доходящие до трагических поступков.

Любит товарищество. Встречался в Кремле с президентом России. Был женат на психически больной оперной певице из Большого театра, похороненной в Загряжске. В кулачном бою одолел турецкого чемпиона Хамлета и сжёг ночной клуб олигарха Курлюка. Дружит с отцом Амвросием и сидит на паперти кладбищенской церкви. Пользуется огромной популярностью. Его приёмный сын мэр Загряжска Мстислав Колупаев любит своего отца и собирается поставить ему памятник на городской площади».

Музейную программу стали наполнять содержанием. Издавались жизнеописания, фотоальбомы, каталоги, готовились новые экспозиции и выставки. Художники рисовали сюжеты по заказу. Например, Государь-император Николай Второй вручает пасхальное яйцо юнкеру Пахому. Или, Гринька Вертий выкрадывает у турецкого султана его любимую дочь Зюлейку. Или же, президент России принимает за праздничным столом в Кремле Дрюню. Или тот же Дрюня в кулачном бою побивает турецкого чемпиона Хамлета.

Экскурсии иностранных туристов по кладбищу и Пантеону проводила лично директор Маша Васина. Она начинала экскурсию у паперти, где сидел Дрюня. Её комментарии на английском языке звучали примерно так:

— Это русский рыцарь Андрей. Он родился и вырос в Загряжске. Здесь он совершал свои подвиги. Он покровитель бедных и страждущих. Он излечивал в Егорьевом Ключе калек и прокажённых. Его любят женщины и дети. Его не кусают собаки. Он знает всех загряжцев, и все загряжцы знают его. Вместе с котом Варфоломеем участвовал в первых в мире кошачьих боях и выиграл миллион долларов. Но по причине находящегося в бегах кота Варфоломея до сих пор не получил денежного приза. Недавно у него отнялась речь, но он слышит нас и всё понимает... Идёмте дальше, господа.

Дрюня первый при жизни удостоился памятника. Вылепил портрет загряжского рыцаря известный московский скульптор. Он изобразил героя широко раскинувшего руки для объятия. Буйный чуб, радостное лицо, готовность обнять всех, весь Загряжск в богатырском порыве. Скульптуру поставили в некотором отдалении от атамана Платова и кота Варфоломея, чтобы соблюсти пропорции и перспективу. И оставить место для других героев.

Открытие памятника стало большим культурным событием. Мэр Колупаев лично составлял сценарий и список гостей. Мэрия выделила немалые средства для всенародного праздника.

Маленький Загряжск не мог вместить потоки автомобилей. Полицейские отвели стоянки на въезде в город. Люди с цветами шли пешком по узким улочкам к центру, к памятнику. Здесь уже стояла трибуна с микрофонами. Журналисты с камерами устраивались поближе. Гостей рассаживали под огромным навесом. Загряжск никогда не видел столько народу.

Мэр под аплодисменты дёрнул верёвку, покрывало упало, и бронзовый Дрюня распахнул объятия живому Дрюне, который невозмутимо сидел в коляске и смотрел в небо неморгающими глазами. Грянула медь оркестра, толпа завопила, цветы посыпались к памятнику. Дрюне вложили в руки охапку роз, они немилосердно кололи ладони. Дрюня отпихивал цветы обеими руками и натягивал на голову пиджак. Люди кричали:

- Дрю-ня! Дрю-ня!
- Слава герою!
- Bravo!

Загряжский пантеон

Мэр Колупаев предоставил микрофон участникам праздника. Мы приведём здесь в сокращении некоторые выступления.

Мэр Загряжска Мстислав Колупаев:

— Открытие памятника герою знаменательно. Это символ демократии и народовластия. Мы чтим нашего земляка за его вклад в развитие духовности и человеколюбия среди наших граждан. Люди стали заметно меньше скандалить, драться, пить крепкие спиртные напитки и выражаться матерными словами. И заметно больше стали пить прохладительные напитки, посещать музей и церковь.

Директор музея Маша Васина:

— Товарищи! Сегодняшний праздник выше всех других праздников. Выше Нового года, выше Первого мая, Восьмого марта, Первого сентября и Дня танкиста... Это памятник всем нам. Мы будем праздновать его в каждом доме, в каждой семье, на улице и на площади. Ура!

Директор кладбища Тихон Павлович:

— За время нашей совместной работы на кладбище Дрюня, извиняюсь, Андрей Васильевич, вырос профессионально и творчески. Он научился провожать покойников так заботливо и по-отечески, что жалобы прекратились, ритуалы стали краше и наряднее. Этот памятник — дань уважения и от покойников.

Представитель государственной Думы, г. Москва:

— Кланяюсь кормильцу нашему, так сказать, сеятелю и хранителю. *«Природа-мать, когда б таких людей ты иногда не посылала миру, заглохла б нива жизни»*. Вечная память тебе, Иван! Спи спокойно.

Из толпы засвистели, засмеялись, заулюлюкали.

— Жив, жив Дрюня!

Московского гостя стащили с трибуны. Какая-то старушка подошла к памятнику, постучала палкой по бронзовой голове и произнесла слова, которые озвучили на всю страну:

— Надсмехаетесь над хорошим человеком! Поставили чугунок на площади, и цветов навалили. А живой человек на паперти с кружкой сидит. Сынок, председатель Загряжска Колупай, на спине отца в председатели вылез. Глаза безсовестные водкой залил и не видит, что отец на кладбище, как собака, живёт. И отец Амвросий хорош! Морду воротит от несправедливости. Стыдно, батюшка, когда над твоим другом надсмехаются! Проклятые! Чтоб у вас очи повылазили! Прости меня, Господи...

К трибуне рвался старый человек с растрёпанной бородкой в цветастом вельветовом пиджаке, с медалькой на лацкане.

— Прошу! — истошно кричал человек. — Слова прошу! Я поэт Дона тихого, член ревизионной комиссии...

Мэр поморщился, тихо спросил Машу Васину:

— Это из ваших?

— Нет! — испуганно сказала Маша. — Это бродячий самодеятельный поэт Петрищев. Он выступает на всех юбилеях и похоронах. И печатает всякие гадости о Загряжске в своей газетке.

— Гоните его отсюда! — крикнул в микрофон Колупаев.

Несмотря на некоторые издержки, праздник удался. До позднего вечера продолжались народные гулянья. Песни доносились из левады, от пристани, с другого берега и, казалось, из самой гущи камышей. Песельники были всюду. А Дрюня тихо посапывал на лежанке в своём кладбищенском домике.

27

Софья Ильинична пришла к отцу Амвросию со своим горем: заболел сынок Вася. Она рассказала ему всё по-порядку.

— С тех пор, как появилась эта лошадь, я потеряла покой. Боялась, что она лягнёт копытом. Или укусит, или выкинет из седла. Ведь мальчик с первых дней самостоятельно садился в седло и выезжал на пойму. Я просила людей, чтобы они сопровождали его, Вася смеялся над моими страхами и отказывался от всякой помощи. Он не расставался с Фросей и держался в седле, как заправский казак. Даже излишняя полнота исчезла. Я радовалась, конечно. И боялась, как мать. Ведь мальчику всего семь лет, и его сверстники играют в песочнице. Фрося всё больше нравилась мне. Такая понятливая интеллигентная лошадка. Она любила Васю и понимала его с полуслова. Она лизала ему руки, целовала в щеку. Всюду следовала за ним. Это была настоящая дружба. Я даже не подозревала, что у животного могут быть такие чувства. И вот Фрося пропала. Она всегда паслась на лужайке за воротами. Фросю искали по всей пойме, за городом, в парке. Спрашивали людей. На Васю было больно смотреть. В первую ночь он не сомкнул глаз, сидел у окна, подперев голову руками.

Почти ничего не ел. Если и засыпал, то не больше часа-двух. Во сне вскрикивал и звал Фросю. Потом появился жар, он начал бредить. Вызвали доктора, он дал снотворное и велел соблюдать полный покой. Доктора вызывали несколько раз, ничто не помогало. Вася ничего не ест и худеет на глазах. Что делать, батюшка?

Отец Амвросий пришёл к мальчику вместе с Дрюней. Софья Ильинична посадила гостей у кровати и сказала:

— Вася, к тебе пришли твои друзья. Они найдут Фросю.

Мальчик твёрдо повторил:

— Я знаю, они найдут Фросю.

— Мы найдём Фросю, — сказал отец Амвросий.

У Дрюни дрогнули губы.

Через день пропал Дрюня. Славик Колупаев поднял на ноги милицию. Искали несколько дней, искали везде. Обращались к людям по радио, объявляли в газете. Расклеили листовки с просьбой опознать и найти человека.

Дрюня явился сам вместе с Фросей. Он нашёл лошадь в соседнем районе на ярмарке у цыган. Лошадь рванулась к Дрюне и уткнула голову в грудь. Цыгане не стали даже спорить, только махнули рукой, мол, промашка вышла.

Вася выздоровел, его дружба с Фросей стала ещё крепче. У мальчика появилось нешуточное желание. Он однажды объявил матери:

— Мой папа был министром. А я буду президентом.

Мальчик заигрался и стал весьма требователен к своим полномочиям. Подбирал людей в свою команду придирчиво и характеризовал без снисхождения. Вася утром подъезжал на Фросе к кладбищенской церкви, здоровался с Дрюней за руку и садился с ним рядом на паперти.

— Дядя Андрей, когда я стану президентом, то почту за честь назначить тебя советником.

У Дрюни после возвращения Фроси появилось некоторое оживление мимики. Он внимательно смотрел в глаза собеседнику и понимающе кивал головой. Дрюня обнял мальчика.

Зааряжский пантеон

— Я несколько не сомневаюсь, что ты будешь верен президенту. — С чувством сказал мальчик. — Если бы у меня были помощники, как ты, я бы мог принести пользу России. Ты только не смейся, у меня много проектов, как сделать людей счастливыми. Не веришь?

Подошёл отец Амвросий и молча стал сзади. Вася сказал ему:

— Вы несколько не помешаете нам. Я даже буду благодарен вам за внимание. К тому же, я верю вам, и доверяю. Всё, что я скажу, пришло ко мне во сне, и пришло от отца. Он часто снится и рассказывает о проектах государственного устройства. Его никто не слушал и не понимал. Он ушёл в отставку и рано умер. Своим друзьям он сказал, что сын продолжит дело. Я действительно готовлюсь к государственному поприщу.

И Вася в присутствии близких ему людей поделился некоторыми мыслями.

— Все ошибки правителей России сводились к двум причинам. Хорошее начало и плохой конец. Надежды нового царствования и разочарование уставшей власти. Молодость и старость условны. Мальчик в своих поступках может быть зрелым мужем, а зрелый муж неразумным мальчиком. Если государь живёт среди подданных открытой полноценной жизнью и первенствует, благодаря уму и природным талантам — счастливы подданные и государство. Это редкая гармония. У каждого народа есть выдающиеся представители. И благодаря таким правителям человечество сохраняет своё разумное существование. Ещё пока сохраняет.

Так, или примерно так говорил юный Вася Пучеглазов, готовясь к государственному поприщу самым серьёзным образом.

Отец Амвросий имел беседу с Софьей Ильиничной о необыкновенном увлечении мальчика. Софья Ильинична не без гордости рассказывала:

— В этом году Вася пойдёт в первый класс, и я не знаю, что он там будет делать. Он свободно читает и пишет с четырёхлетнего возраста. У него феноменальная память. Вася самостоятельно изучает древнегреческих и древнеримских авторов, русских историков. Он удивляет моих знакомых из профессорской среды. Иногда мне становится боязно от его навязчивого желания стать президентом. Понимаю, что это игра, фантазия...

— Это не игра, и не фантазия, — перебил её отец Амвросий. — Это дар Божий. Мальчику нужен руководитель, образованный и деликатный. Он будет учителем и воспитателем. Вы, думаю, сумеете найти такого. Лет за пять-шесть Вася вполне усвоит школьную программу и подготовится в университет. Значит, такова стезя одарённого отрока, такова его планида. Его ждёт большое будущее.

Отец Амвросий перекрестился трижды и торжественно провозгласил:

— Час добрый! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь!

Над Васей подтрунивали в Зааряжске, снисходительно посмеивались. Здоровались шутейно:

— Привет, всенародный!

Вася верхом на Фросе проезжал мимо, не моргнув глазом. А на обычные просьбы помочь деньгами отвечал серьёзно:

— Можно.

Соскакивал с седла и подходил к бездельникам, лениво цедившим пиво на лужайке у шашлычной.

— Охотно дам вам денег, — говорил Вася, — но вы должны их заработать. Приходите завтра с утра, я дам вам работу.

— Нашёл дураков! — Отвечали бездельники. — Ты просто так дай, из благородства.

— Нет, — твёрдо отвечал Вася. — Вы придёте ко мне завтра, и я дам вам работу.

Однажды его избили самым немилосердным образом. Взрослые пацаны, старшеклассники, заманили Васю на леваду, окружили и стали скалить зубы.

— Мы тут президентов ловим. Ты случайно не президент?

— Почему без охраны?

— Выпиши нам кредит на мильон!

Вася улыбался и отвечал с достоинством:

— Я с удовольствием выслушаю вас, только без глупых шуток.

Пацаны заулюлюкали, засвистели.

— Без шуток? Ну, получай!

Сначала только толкали, потом пошли кулаками. Норовили в лицо, в голову. Разбили губы, нос. Вася вытирал рукавом кровь и говорил обидчикам:

— Я не боюсь вас. Завтра вам будет стыдно...

Вася терпел обиды. Терпел солёные шутки взрослых. Даже девчонки старались побольнее «укусить» мальчика. Он успокаивал обидчиков:

— Вы себя унижаете, это пройдёт.

Софья Ильинична достала как-то из почтового ящика конверт с надписью «Лично в руки Василию Пучеглазову». Вскрыла конверт и прочитала:

«Вот решила написать. Мне обидно, что тебя дразнят президентом, а Лёнька Косолапый из второго «б» обещал надавать тебе. Не бойсь, я сама ему надаю. Ты мне нравишься, и я первая признаюсь. Если ты не против, то приходи вечером к памятнику Дрюне. Незнакомка».

Софья Ильинична улыбнулась: вот и у сына началась личная жизнь. Отдала конверт Васе:

— Извини, я вскрыла конверт.

Вася прочитал записку.

— Ничего, это Настя Конопатая.

— Незнакомка?

— Настя, из второго класса.

— Ты с ней дружишь?

— Нет ещё...

Скоро каждая собака в Загряжске знала, что Вася Пучеглазов хочет стать президентом. Общественное мнение стало меняться. Родители ставили Васю в пример своим отпрыскам:

— Не бандитом стать хочет, — президентом! Не курит, не матерится, как некоторые...

— Дитё, а задача, как у взрослого.

— Всё лучше, чем воровать...

Вася как-то зашёл в магазин, поздоровался. Люди повернулись одновременно и дружно ответили:

— Здравствуйте!

Где бы не появлялся мальчик, теперь уже не было глупых шуток, или почти не было. С ним обращались, как с уважаемым человеком. Если мальчик появлялся верхом на Фросе, его фотографировали туристы. Всегда находился знающий человек, который охотно рассказывал.

— Это местная достопримечательность. Мальчик хочет стать президентом.

Разговоры, конечно, оставались разговорами, и все рассказы про будущего

Загряжский пантеон

президента были бы местной достопримечательностью, пока в «Загряжских ведомостях» не появилась заметка «Мальчик помог с пенсией». Случай необычный для наших дней, и мы приводим здесь заметку полностью.

«При начислении трудового стажа мне не учли военные годы, когда я подростком работала в колхозе. Куда ни обращалась, везде отказывали: нет документа, справки. Много лет я получала маленькую пенсию. Соседка посоветовала обратиться к человеку, у которого рука в Кремле. Я пошла к человеку по фамилии Пучеглазов и пожалилась на маленькую пенсию. Он написал письмо мэру Колушаеву и ещё позвонил куда надо. Нашлись свидетели, подтвердили, что я работала в тылу. Добавили стаж, добавили пенсию. Спасибо мальчику Пучеглазову. Говорят, он будет президентом, я высказываюсь за него. Бабушка Нюра, пенсионерка».

Заметку из «Загряжских ведомостей» перепечатала одна центральная газета. Приезжала телевизионная группа, сняли очень выразительный репортаж. О необыкновенном мальчишке узнали в Москве. Васю пригласили на новогоднюю ёлку в Кремле. Он сфотографировался с президентом и получил от него в подарок телефон с Интернетом и личным номером главы государства. При этом глава государства сказал:

— От президента нынешнего — президенту будущему. Звони мне в любое время.

Встречу в Кремле широко транслировали по телевидению. Всем запомнился крепкий высоколобый мальчик с крупными кулаками и твёрдыми недетскими глазами.

В Загряжске заметили, что мальчик похож на Дрюню больше, чем на отца, покойного министра Дениса Пучеглазова. Пошли разговоры.

— Они двоюродные братья, не удивительно.

— Сын обычно бывает похож на отца, а не на его брата.

— Ты хочешь сказать, что сын Дениса Пучеглазова не его сын?

— Я не говорил этого.

— Ты хочешь сказать, что малец сынок Дрюни?

— Я не говорил этого.

— Ты хочешь сказать, что это сплетни?

— Брешут люди.

— Ох, брешут!

— Мальца на оглядины в Кремль возили?

— Возили. С президентом под ручку стоял.

— Ну, значит, правду брешут, новый президент из загряжских будет.

— Говорят, они тоже похожи.

— Кто?

— Наш президент и Васька Пучеглазов.

— К-г-м..

Впрочем, в Загряжске и не такие брехни распускают. Если все собрать, то не поместятся в «Загряжских ведомостях».

28

Вася Пучеглазов привязался к Дрюне. Мальчик целые дни проводил на кладбище, вдвоём с Дрюней они ходили по чистым дорожкам между могил, и Дрюня молча слушал рассуждения своего умного племянника.

— Я нигде не могу прочитать, куда деваются человеческие мысли? — спрашивал мальчик, заглядывая Дрюне в глаза и продолжая рассуждать. — У моего отца, согласишься, за целую жизнь накопилось много опыта. И ничего не осталось. Тело истлевает, а мысли? Если они вместе с душой там. — Мальчик хворостинкой показал на небо. — То почему не доходят до нас? Сигналы из космоса доходят, а от бессмертной души нет? Почему мысли умирают вместе с человеком?

Дрюня показал на церковь, изобразил человека в рясе: иди к отцу Амвросию.

— В силу юных лет ты не можешь постичь сию тайну, — отвечал мальчику батюшка. — Мудрость открывается человеку, когда он приближается к Богу. Смысл самой жизни открывается перед Богом. А мысли человеческие никуда не деваются, они витают вокруг нас, аки ангелы небесные. В книгах, в общении, в науках, в Интернете, во сне, в фантазиях, в природе, в тварях бессловесных. Человеку доступны мысли давно умерших людей. Дондеже есмь, покуда жив человек, не одичал, не выролдился...

Мальчику льстило, что священник разговаривает с ним, как с ровней. Его всегда тянуло к взрослым, к старикам. Отец Амвросий был человеком знающим и авторитетным. От него Вася перенял много из житейской философии и законов человеческого общежития. Отец Амвросий понятно и просто толковал Евангелие, жития почитаемых святых. Его слова были чисты и правдивы.

— Тебя, мой друг, ждут большие испытания. У тебя нет отца, нет руководителя, а в житейском море трудно без навигации. Ты сам будешь принимать решения. Великие разочарования ждут тебя, но и радости земные познаешь полной мерой. Познаешь человека в очаровании, а тако же в подлости и унижении. Велик человек и слаб человек, испытание сие стоит перед каждым. Крепкая опора от рождения дадена человеку, вера в Господа нашего, Спасителя и заступника. В вере будь твёрд и радостен. А я помолюсь за тебя.

После разговора отец Амвросий приглашал мальчика к себе в дом, угощал чаем. Вернее, угощала попадья, матушка Людмила, красивая полная женщина. Вася нравился ей, и она старалась угодить. Подавала варенье из крыжовника и земляники, подкладывала домашнее печенье и пампушки, которых он сроду не пробовал.

— Ешь, ешь, маленький, умненький... Приходи к нам почаще.

Матушка Людмила нежно целовала Васю полными тёплыми губами в затылок и совала ему в карман кулёчек с печеньем. Вася возвращался на паперть к Дрюне и вручал ему кулёчек.

— Это от матушки Людмилы, она тебя любит.

Между тем, тучи сгущались над самим отцом Амвросием. Давняя неприязнь и притеснения со стороны настоятеля монастыря отца Павла обрели новые искушения. Умер владыка Антоний, на его место прислали молодого архиепископа. Новый владыка был строг и непрекаем. По старому месту службы он прославился нетерпимостью к житейским слабостям священнослужителей, даже малым нарушениям церковных канонов и внутриерархической дисциплины.

Отец Павел написал очередную жалобу в епархию. К старым обвинениям в нарушении обета безбрачия отца Амвросия прибавились новые. Похороны в Загряжском пантеоне человека с криминальной репутацией. Карстовые провалы. Владыка не стал вникать в подробности, принял решение сослать отца Амвросия в дальний скит.

Зааряжский пантеон

Директор кладбища Тихон быстрым шагом подошёл к Дрюне и возбуждённо сообщил:

— Слышал? Новый владыка твоего дружка раскулачивать будет!

Сидевший в полудрёме на паперти зритель схватил своего начальника за шкирку и изо всей силы дал ему пинка.

— Скоро и твоя власть кончится! — Завопил Тихон, почёсывая задницу.
— Герой зааряжский, тьфу!

Софья Ильинична, наблюдавшая сцену из своего офиса, позвала Тихона.

— Зачем ты обижаешь несчастного? — Спросила она строго.

— Он сам кого хочешь обидит!

— Какую новость ты ему сообщил?

— Новый владыка попа Амвросия из Зааряжска выселяет!

— Не может быть!

— Может! — Дерзко ответил Тихон. — Туда ему и дорога вместе с вашим возлюбленным Дрюней!

Софья Ильинична онемела от хамства со стороны своего подчинённого и не нашлась, что ответить.

Отец Амвросий собрал своих друзей на последнюю службу. Он читал акафисты с особым вдохновением. Голос звучал торжественно, проникновенно, лицо светилось радостью и умилением. Оно светилось от любви к Господу, к своей церкви. К своим друзьям, к своим прихожанам, к Зааряжску, к родному пепелищу...

Он стоял на клиросе в праздничном облачении, крестился, читал высоким, почти девичьим голосом. Маленький, вдохновенный, непокорный.

— Верую!

Верую в единого Бога Отца, который всё держит в своей власти, сотворил небо и землю, всё видимое и невидимое.

Верую!

И в единого Господа Иисуса Христа Сына Божия, рождённого от Отца прежде всякого времени, истинного Бога, света от света, — а не сотворённого, Который одного существа с Богом Отцом и через Которого всё произошло.

Верую!

Сошедшего с неба для нас, людей, и для нашего спасения, принявшего тело от Духа Святого и Марии Девы и сделавшегося человеком.

Верую!

Распятого за нас при Понтии Пилате и страдавшего, и погребённого, и воскресшего в третий день, как было предсказано в Писании, и вознёсшегося на небо, и сидящего по правую руку Отца, и Который опять придёт во славе, чтобы судить живых и мёртвых, и Его царству не будет конца.

Верую!

И в Духа Святого, Господа, дающего жизнь, Который исходит от Отца, Которому мы поклоняемся и Которого славим одинаково с Отцом и Сыном, Который говорил через пророков.

Верую!

В единую Святую, Соборную и Апостольскую церковь.

Верую!

Я верую в одно крещение для очищения от грехов.

Верую!

Я ожидаю воскресения мёртвых и жизни будущего века.

Верую!

Аминь.

Попадья наотрез отказалась отпустить мужа одного. Сборы были коротки. Взяли из одежды самое необходимое. Сыновья-школьники отдельно собрали свой чемодан. Матушка Людмила упаковала в коробки постельное бельё, кое-какой кухонный скарб. Погрузили всё в микроавтобус и вышли проститься с людьми. Собралась большая толпа, в ней были чиновники мэрии и сам мэр Мстислав Колупаев. Заметно было отсутствие настоятеля монастыря отца Павла, в адрес которого звучали нелестные слова и даже проклятия.

Отец Амвросий земно поклонился всем и сказал слово.

— Смиренно и радостно принимаю послушание. Буду служить и молиться Господу моему, где укажут начальствующие иерархи, и где я могу приносить пользу церкви и епархии. Загряжск же, и вы, любезные моему сердцу братья и сестры, пребудете со мной до скончания дней моих. И утренняя молитва моя будет начинаться о здравии вашем и благоденствии. Загряжск дал мне крепость душевную и бесценную дружбу замечательных людей. Здесь я познал любовь и счастье земное. Ближе стал к Господу моему, и слова мои стали чище и благодарнее. За всё благодарю и умиляюсь. Да будет воля Твоя! Аминь!

— Аминь! — Выдохнула толпа.

У многих стояли слёзы в глазах. Дрюня сутулился и насупленно смотрел в сторону, на левады, на Дон. Софья Ильинична старательно вытирала платочком глаза. Вася крепко держал её за руку и чесал кулаком нос. Мэр Колупаев, задрал голову, смотрел на колокольню, на стаю ворон. Директор кладбища Тихон стоял в сторонке, упершись лбом в старую акацию. Женщины и мужчины перешёптывались. Были слышны отдельные слова, реплики. «Господь не оставит», «Везде люди живут», «Поищи-ка такого батюшку», «Кто теперь людей слушает».

Семья отца Амвросия сидела уже в автобусе, когда Дрюня сорвался с места и буквально ворвался в салон. Никто не проронил слова. Отец Амвросий понимающе кивнул головой. Автобус тронулся, медленно обогнул пантеон, церковь, посигналил пронзительно и скрылся за оградой.

ЭПИЛОГ

Загряжск пребывал в новом качестве жизни. Всё старое отступало и уже отступило на задворки. Быстро забылись привычки и обычаи ещё вчерашние, ещё свежие. Новое стучалось во все окна, звучало на улицах, на площади, в леваде и в супермаркетах.

Куда подевались вокруг Загряжска общественные стада коров, лошадей, гурты овец, козы, индюки, гуси, утки. Захирел знаменитый рынок, и нет уже сладких лечебных помидоров, янтарных слив, краснобоких яблок, пудовых арбузов и медовых дынь. Не купишь на рынке крупных, как омары, донских раков, не узришь истекающих жиром рыбцов и шемаек, не закажешь в местном кафе божественного шулюма из молодых грачей... Жизнь, куда ты спешишь! Зачем мелькают дни за окном!

Зачем растут, как грибы, коттеджи и виллы в пойме Дона? Зачем столько иностранных, да и своих уже, авто в маленьком Загряжске? Гудит небо и пространство от шума, стука и грохота машин и автоматов, шелестит и шевелится

Загряжский пантеон

исполинский Интернет, и нет от него спасения. Господи, дай ещё подышать под старой тютиной во дворе. Дай посмотреть и послушать синичку под окном. Помолиться в тиши и уединении.

Софья Ильинична стала болеть и почти совсем оставила свой бизнес. В офисе на кладбище сидел теперь её управляющий Тихон. Он разбогател, женился, ездил с шофером на «мерседесе». В Егорьевом Ключе опять лечат калек и душевнобольных. Гостиница забита паломниками. В церкви служит новый батюшка, отец Сергей. Он стар, худ, вежлив, плохо слышит и часто протирает очки платочком.

В пантеоне теперь хоронят за большие деньги. И перезахоронение богатых эмигрантов, уроженцев Загряжска, стало обычным делом. Среди старых дедовских могил появились бронзовые надгробия и скульптурные памятники, на которые за деньги ходят смотреть туристы. Местным вход бесплатный. Разрешение на похороны даёт лично мэр Колупаев, и порядок здесь строже, чем на Новодевечьем кладбище и в Александро-Невской лавре.

Маша Васина начинает экскурсию у памятника:

— Это русский рыцарь Дрюня. Он родился и вырос в Загряжке. Здесь он совершал свои подвиги. Он покровитель бедных и страждущих. Популярный тип из народных глубин. Попадает в разные истории, обрастающие юмором, доходящие до трагических поступков. Любит товарищество. Встречался в Кремле с президентом России. Был женат на психически больной оперной певице из Большого театра, похороненной в Загряжке. В кулачном бою одолел турецкого чемпиона Хамлета и сжёг ночной клуб олигарха Курлюка. Дружил с отцом Амвросием и сидел до недавнего времени на паперти кладбищенской церкви. Сбежал вместе с отцом Амвросием в отдалённый монашеский скит, где оба спасаются в трудах и молитвах...

Туристы спрашивали Машу Васину:

— Есть ли мобильная или иная связь с рыцарем?

— У него никогда не было мобильного телефона.

— Но почтовый-то адрес должен быть?

— У меня лично нет почтового адреса.

— Не может известный человек бесследно затеряться на просторах России!

В толпе обязательно находился человек, который встречал:

— Очень даже может! Вот расскажу вам случай...

И разговор переходил на другую тему.

Мэр Мстислав Колупаев стал очень смелым и открыто показывает свою власть. Муниципальную землю для частного строительства выделяет лично, без его подписи не совершается ни одна сделка купли-продажи. В городе открыто говорят, что мэр берёт взятки. Ему прочат скоро или тюрьму, или повышение. Директор кладбища Тихон, как самый информированный человек в Загряжке, и сам не пренебрегающий мздой, терялся в догадках:

— Он берёт больше Самого, больше прокурора, больше начальника таможни — и никто из них даже рта не открыл. Значит, у нашего мэра рука там, — Тихон выразительно показывал пальцем вверх. — Там ему готовят тёплое местечко. Как пить дать, готовят.

Вася Пучеглазов делает успехи. Он разработал программу общественного устройства, выиграл президентский грант для одарённых детей и едет учиться в Лондон. Он по-прежнему выезжает на прогулку на своей лошадке, и загряжцы

первые здороваются с ним. Без насмешек. Здороваются и туристы, отмечая необычную внешность подростка. Глубокие внимательные глаза, взрослая осанка, большая породистая голова, крупные руки. И вместе с тем что-то от отца, от Дрюни, доверчивое, телячье.

А что же Дрюня?

Загряжский герой вместе с семейством своего друга отца Амвросия устроился в монастырском доме старинного казачьего хутора в четырёхстах километрах от родного Загряжска. От хутора осталось десятка два полуразрушенных домов, и только в двух из них жили-доживали глубокие старики. Вокруг хутора на версты вокруг едва заметно выделялись квадраты остатков фундаментов, густо заросшие сиренью и шиповником. В бывших усадьбах — остатки богатых садов, выродившиеся в дички яблони и груши. Сотни лет здесь кипела жизнь, вольно и богато царствовали казаки на своей земле, и не было на свете лучшей доли, чем родиться казаком. И не было на свете отважнее и вольнее рыцаря, чем донской казак.

В первые дни Дрюня молча бродил по остаткам старинного хутора, рассказанного, раскулаченного, сожжённого и вычеркнутого из всех карт и справочников. Слезы текли из глаз старого казака. Много человеческого горя он повидал на своём веку, много пережил и перестрадал сам. Но это мёртвое безмолвие бывшего хутора дышало прямо в лицо, стояло близко.

Трудовая повинность друзей заключалась в уходе за пасекой и изготовлении кагора для нужд епархии. Главная ягода — вишня. Её требовалось много, ради неё устроили здесь скит. В каждом дворе был вишнёвый сад, и от вишен ломались ветки. Каждый год приносил обильные урожаи, «рясные», как говорили хохлы. Из вишни делали настоящий кагор, отец Амвросий был знатоком старинной технологии. И лучшего кагора не было в епархии. Отдельно делали вино из красного винограда, из тёрна. Этих ягод также было в изобилии в одичавших садах.

Друзья просыпались с рассветом, умывались и натошак шли пешком в ближнюю станицу за шесть километров. В местной церкви стояли заутреннюю службу и возвращались домой. Весь день они собирали ягоды и в корзинах сносили в большой флигель. Здесь в бочках бродило вино. Здесь его цедили, разливали в другие пропаренные бочки, добавляли сахар, вставляли водяные затворы и оставляли бродить при определённой температуре.

Попадья с сыновьями Петей и Федей работали наравне с мужчинами. Петюк и Федюк, как их именовали домашние, ходили пешком в станичную школу и наотрез отказались поселиться в интернате. Они смотрели на жизнь по-взрослому, и ходить пешком в школу за шесть километров не считали трудностью или особой заслугой.

Все вместе прямо за двором собирали травы, грибы. Здесь было много зверобоя, душицы, шалфея, бессмертника. Чуть дальше, в сосновой лесополосе в изобилии росли маслята. А зайцев, куропаток и фазанов встречалось, наверное, больше, чем маслят. Но в нашем семействе, слава Богу, не было охотников.

В скиту жили без телевизора, без телефона. По вечерам слушали старый, ещё советский, транзистор. По радио в первую очередь сообщали только плохие новости, и слушать их у домочадцев не было никакого желания. Хорошими новостями радовала только природа. Петюк и Федюк наловчились ловить карасей в стоячей, заросшей ряской речке Кундрючей. Каждый день они приносили

Зааряжский пантеон

десятка по два медно-красных почти квадратных полукилограммовых красавцев. Попадья жарила их с луком и сметаной, подавала на стол в огромном подносе вместе с огурцами и помидорами. Сообщала:

— Сегодня собрала три ведра огурцов и ведро помидоров!

Раз в месяц приезжал грузовичок из Загряжска. Привозил из монастыря муку, сахар, масло, консервы. Забирал готовое вино, сушёные фрукты, грибы, травы. Шофёр рассказывал новости, записывал заказы и увозил приветы загряжцам. Других гостей в скиту не бывало. И без гостей здесь не скучали. Неторопливая жизнь среди первобытной тишины была наградой этим людям. Только с годами человек начинает ценить и замечать малую птаху на ветке, свежесть поздних цветов, жаркую гроздь калины, роящийся белыми султанами песка родник под столетними вербами. И вековую тишину. Люди не только не роптали за отдаление от привычной городской жизни, но благодарили Бога за дарованную милость. Они молились каждое утро и славилы Бога за каждый прожитый день.

В последние дни перед Новым годом в глухой деревеньке на Тамбовщине местные жители обнаружили в чистом поле двух обессиленных людей, мужчину и женщину. Они едва могли говорить от холода и плохо соображали, что с ними происходит. В доме престарелых, куда бедолаг определили с помощью муниципальных властей, странники отогрелись, отоспались, наелись досыта и могли, наконец, отвечать на вопросы. Мужчина назвал себя английским подданным, сэром Ролтоном. Женщина представилась Катериной Ивановной, возлюбленной сэра Ролтона. Никаких документов у странников не было. Англичанин все несчастья объяснял внезапной утратой родной речи и уверял, что, как только встретится с английским послом, все недоразумения рассеются, подобно лондонскому туману. Сэр Ролтон — дворянин, живёт в графстве Сэндвич, в сотне миль от Лондона, в собственном доме, Ролтон-холле. В его усадьбе лужайка для гольфа, большой парк, пруд, редкая коллекция орхидей. Он потомок графа Платова по материнской линии. Прапрабабка Элизабет Ролтон родила от графа незаконного отпрыска, предка нынешнего сэра Ролтона. Потомок атамана приехал на родину своего знаменитого предка, чтобы закончить книгу о своей прапрабабушке и её любви к атаману. В России, на родине Платова, сэр Ролтон нашёл русскую девушку Катерину. Он полюбил её, как Ромео юную Джульетту. Как только он встретится с английским послом и восстановит своё общественное положение, сэр непременно женится на Катерине и увезёт её на свою родину. История влюблённых нашла горячее сочувствие в обществе дома престарелых. Пожилые люди вспоминали свою безвозвратную молодость, со слезами на глазах слушали рассказы сэра Ролтона и горячо одобряли возвышенные намерения английского аристократа.

— Совет да любовь! — Говорили старички, неподдельно радуясь чужому счастью.

Вздыхни с облегчением, читатель! Редко в наше время житейские истории заканчиваются по-человечески.

Аминь!

Станица Старочеркасская, декабрь 2013 г.

Людмила Малюкова

О СУБЪЕКТАХ, ПАНТЕОНАХ И «ВОИСТИНУ ЖЕСТОКОМ ВЕКЕ»

Послесловие к публикации

Можно лишь сожалеть, что романы Василия Воронова «Загряжский субъект» и «Загряжский пантеон», как, впрочем, и всё его творчество, не получили широкого отзыва. А ведь в них всё о нас, о нашем сегодняшнем бытии, катастрофическом и подчас неразрешимом. Едва ли ошибусь, определив их жанровую разновидность, как роман-размышление, с глубоко выраженным философским подтекстом, в котором нередко сквозь грустную улыбку или грубоватый юмор вдруг начинают вибрировать вопросы, вопросы: жгучие и непроверяемые, идущие «кругами» в растревоженном сознании. Вот уже закрыта последняя страница и невольно задумываешься: «загряжский субъект» и «загряжский пантеон», — как сопрягаются они? Что в них универсального, идущего сквозь века, а что порождение нашего разрушительного времени? Как случилось, что на русской земле пантеоны вытесняют погосты, объявляя им войну? В результате — гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» и российский «Что делать?», чтобы состояться и «быть», икают неотступно и мучительно.

Принято считать, что в русском романе всегда есть элемент автобиографичности. Оба романа Василия Воронова сохраняют за собой это право. Неторопливо, издали начинает он повествование «Загряжского субъекта» о трагической истории зарождения степного городка на Дону — времени царствования Алексея Михайловича, когда казаки, разграбив государевы корабли, жестоко расправились с его слугами — боярами Загряжиными, не забыв при этом назвать город в

Людмила Николаевна Малюкова, член Союза писателей России (2008), литературовед, критик, доктор филологических наук. Окончила в 1964 году историко-филологический факультет РГУ. Автор книг: «Русская советская литература», «Русская философская поэзия 1946–1980-х гг.», «Анна Ахматова. Эпоха. Личность. Творчество», «Поэтический космос Бориса Пастернака», «Русская литература. Забытые и неизученные страницы», «Под звон надломленной осоки», «И закурились бездны...», «Мы никогда больше не встретимся», «И покатился с грохотом обвал...», «И с ним говорила морская волна». Живёт и работает в Таганроге Ростовской области.

их честь. Но вот автор переходит к рассказу о современном Загряжске, обнажая «вялотекущую противоположность», где рядом с вековыми курениями возникают роскошные особняки с высокими заборами, за которыми можно разве что ходить «во фраке» и пить «охлаждённую пепси». Отчего возникает одно только слово: «Скучно». И авторское «Я» как-то сразу начинает обретать свой неповторимый «имидж»: не по нутру ему вся эта новаяоявленная чопорность и чужеродный антураж. Ближе нечто обыденное, разбавленное неувядаемым народным юмором, вот как в этом непринуждённом диалоге с «замечательной женщиной», «украшением Загряжска», Антониной Светличной: «Афанасьевич! — Что, Антонина? — Ты не хочешь, чтобы я сдохла? — Не хочу. — Тогда дай десятку опохмелиться. — Даёшь не то, что без возражения, а даже с готовностью». Впрочем, образ «высокого забора» — это своего рода сакраментальный символ, который скрывает в себе нечто порочное, амбициозное, противостоящее естественной открытости. Экс-министру Пучеглазову, вернувшемуся в родные места и страдающему от одиночества, один из героев Загряжска советует снести «трёхметровый забор и по утрам разговаривать с соседом через дорогу», а в ответ на его несогласие («Стёкла побьют, обворуют») отвечает: «Тогда иди в монастырь».

Конечно, «автобиографическое» в романах В. Воронова гораздо глубже проявления внешней лёгкости общения. Оно и в том душевном напряжении, за которым открывается некая имманентная сопричастность. Автор очень тонкий наблюдатель, глубокий психолог, великолепный знаток природного мира и быта российской провинции. Такое знание отечественной фауны и флоры не часто встретишь в современных романах. А здесь открывается столь широкое изобилие разнотравья, что только дух захватывает: высокие фиолетовые метёлки шалфея, мать-и-мачеха, заячий холодок, калмыцкий кермек, купыри, чабрец, зверобой, душица, полынок, бессмертник... С интересом узнаёшь повадки и голоса птичьего мира: оказывается, совы бывают весьма агрессивны, а кобчик, оберегая своё гнездо, может и «глаза выклевать», орлан-белохвост «державно» оглядывает пойму жёлтыми глазами, гулко отдаётся «гремучая дробь» дятла, «резко и отчётливо сверлит тишину» соловей, «диким хохотом отзываются стаи» бакланов, кукушка издаёт «человечьи клики»... А как образно динамичны космические явления! Вот, например, картина грозы: «...Молнии кроили, рвали небо, гром отвесно падал вниз, гулко давя землю. Дождь лил стеной, гудел, дышал надрывно, тяжело...» Удивительно точны сравнения и метафорические приёмы: «купола искрятся, как брызги шампанского», «мысли бегали, как воробьи по веткам», «рынок забит, как макитра с варениками», «краснобокие абрикосы пахнут сказками Шахерезады»... Сверкающим разноцветьем врзается роскошная картина донского базара. Что-то гоголевское, идущее от Сорочинской ярмарки, открывается в ней. Вот лишь некоторые зарисовки этого экзотического мира: «От овощей и фруктов на прилавках рябит в глазах — горы, разноцветные холмы. Тут и морковь, и дыни, похожие на тыквы, и тыквы точь-в-точь, как дыни... Рубиновой чистоты вишни и чёрную смородину продают на баночки. Яблоки с зеркальным отливом — пепин, шафран, белый налив — на ведра... Винным зноем дышат виноградные кисти, горки малины и земляники... Дальше круглые, толстогубые чушки-сазаны с чешуёй в пятак величиной, серебряного литья цимлянские чебаки, утконосые серые шуки, иные с колоду размером...» За всем этим, несомненно, встаёт богатство и красота родного края. В них и радость, и грусть, но более всего — безмерная тревога, выводящая романы за границы бытописательства.

Оттого диапазон видения писателя широк и многогранен. История и современность взаимодействуют постоянно. Вот мягко с огромной скоростью мчится

по узкой полоске асфальта «горбатый джип», а внизу по тополёвой леваде расположился цыганский табор: дымится костёр, пасутся стреноженные кони, в воде визжат цыганки, двое цыган тянут бредень. И тут же автор вставляет свою оценку: «Было в этом что-то сказочно-древнее, стихийное, как ветер и солнце». «Как метки, на огромном циферблате» стоят в заводях редкие лодки рыбаков, а в небе «чертит голубизну серебристый самолётик». Фешенебельный автомобиль сворачивает с дороги прямо к древнему роднику с деревянной часовенкой, где люди умываются, пьют целебную воду, как и много веков назад. А вот один из героев, Андрей Качура, проходя по старинному кладбищу, останавливается возле угловатого валуна с корявой надписью «Казак Вертий, зять турецкого султана. Умер 33-х лет от водки. Год 1480...» И сейчас же разговор переключается: а нынче «не те, конечно, казаки... Поди заставь кого-нибудь из загрязцев сесть на вёсла и через Чёрное море — в Босфор! Да он, слабак, до хутора Рогожкина не дотянет. Нету таких, как казак Вертий...»

Между тем, романы В. Воронова и глубоко интеллектуальны: постоянно в его художественный мир врываются разноплановые пласты национальной культуры. Классика разлита всюду. Она и в реминисцировании безответного гоголевского вопроса («Где край и что конкретно человеку нужно... Кто-нибудь даст ответ? Никто не даёт ответа»), и в обращении к философскому афоризму Достоевского («Смирись, гордый человек»), и в идее «допотопного» ужаса онтологического стихотворения Ф. Тютчева «Silentium», и в ироническом подтексте вскрывающем невежество персонажа, как например, в мистификации актёра Окунутова пушкинской строки «Но я другому отдана...» («Но я другому отдалась»)...

Без всех этих отмеченных особенностей, как впрочем, и без ряда других, романы В. Воронова и представить трудно. В них «квинтэссенция» его знаний и представлений. Но кто же их герой, к которому тянутся сюжетные линии и вокруг которого завязываются конфликты? Если одним словом, — народ, живущий на Дону в легендарном Загрязске. Но сквозь этот неизвестный читателю город отчетливо проступают контуры станицы Старочеркасской. Его состав неоднороден, разноречив и изменчив. В центре — судьба казачества, в которой отразилась и судьба всей России последних двух десятилетий, что, несомненно, весьма сложно «ухватить», ещё труднее обобщить, т. к. то новое, что ещё не устоялось, клопочет и рвётся на каждом шагу. И только диву даёшься, как вероломное время изменяет человека, расправляется с ним, словно с «винтиком» истории, то бросая на самое дно, то поднимая на гребень капризной фортуны. Впрочем, подъём этот нередко для человека губителен, т. к. облечённый властью в экстремальных обстоятельствах он не справляется с ней, становясь монстром, ловким приспособленцем, меняющим своё обличье в угоду своенравной мамоне.

Очень сложную проблему — власть и народ — поднимает В. Воронов. Созданная нашим тектоническим временем, она, несомненно, требует глобального философского осмысления. В связи с этим сошлюсь на размышления глубочайшего мыслителя минувшего века С. Булгакова. «Государство есть в нас, — утверждал он, — и потому только существует вне нас, иначе бы без этого предположения существование власти было бы совершенно непостижимым чудом, и государство было бы всегда побеждаемо анархией... из анархии никогда не родилось бы государство». Определённые принципы гражданственности и морали, отработанные веками, генетически свойственны каждому народу, органически живут в нём, направляют и организуют. Когда они разрушаются, внутренняя энергия,

называемая стихией, вырываясь наружу, захлестывает пространство. Автор постоянно проводит нас через разные типы власти, сопрягая всякий раз её отношение с народной средой. Порою даже кажется, что он затевает своеобразную игру с «непосвящёнными» в тайны управленческих структур, соблазняя лёгкостью и абсолютной свободой. «А ведь какая это прекрасная должность — мэр! Наверное, собрались самые умные и самые уважаемые из людей. И решили придумать для человека должность, какой сроду не было. Всё обдумали, примерили... Хочешь прилюдно пугнуть матом человека и плюнуть — пугни и плюнь. Нужен тебе сейчас миллион — возьми миллион... Захотелось поехать в Чугуев — катись в Чугуев. Боже, какие желания исполняются при такой должности! Бесконечно грустно оттого, что нас с вами никогда не призовут управлять мэрией». Этот «провокационный» панегирик будет опровергаться всем ходом повествования: власть — это тяжкое бремя, огромная ответственность, мудрость, железная дисциплина и воля. Лучше всего о её неизмеримой тяжести в «Загряжском пантеоне» скажет атаман Платов, принявший на себя бремя государственной власти: «Всю жизнь провел в баталиях и одолевал неприятеля в невозможных условиях. А на административном поприще терплю поражения, как новобранец».

Но есть ли в романах В. Воронова личность, обладающая столь необходимыми качествами государственного деятеля? Увы, её нет. Более того, идёт постоянное отпадение от истинных критериев власти, власть утрачивает органическую связь с народом. Её действия сориентированы не на благо народное; строит она для себя фешенебельные «Шалаши», «Клубы друзей», Пантеоны, устраивает фантастические форумы на мировом уровне типа «Кошачьи бои» с плавучими отелями и невиданными вольерами... С трудом пробивался в секретари обкома коммунист Илья Жеребцов, хорошо зная цену тайной зависти, предательства и открытой вражды. Но, заблуждаясь, он искренне верил в прекраснодушные идеи «равенства и братства». Когда система социализма «приказала долго жить», его честность была вне сомнения: от двадцати лет службы государству остались лишь трёхкомнатная квартира да двадцать тысяч рублей сбережений, которые тут же были съедены гайдаровской реформой. Его сын, Иван Жеребцов, продвинутый новой номенклатурой в мэры Загряжска, уже лишён всякой веры в гражданские идеалы и свою службу начинает с расплаты «долгов», открывая все тайны предвыборного марафона. Обиженным коллегам за продажу пивоваренного завода московской компании он чистосердечно отвечает: «На выборах мэра города одного из кандидатов поддержали его друзья-бизнесмены. Вложили свои капиталы. Кандидат стал мэром. Должен он отплатить благодарностью за поддержку? Должен. Друзья-бизнесмены получили высокие посты в мэрии. И друзья друзей получили. И знакомые друзей». И всё-таки, перед нами личность, сохранившая в глубине души мерцание совести, которая не даёт покоя, заставляет вести речь о тупиковых положениях. А тут ещё старый партиец отец берedit её своими наставлениями: «Ты, сынок, попал в поганую компанию. И власть твоя поганая... Отрекись, пока не поздно». Сын отойдёт от отца, который, всеми забытый, кончит в сумасшедшем доме. Но перед «власть придержавшими» он всё-таки выступит с открытой критикой. «Слаб оказался мэр на благодарности, — признаётся он. — ...Хотел свою команду подобрать, а оказался в одиночестве. Команда стала руководить мэром... Мэр надеялся, аппетиты поубавятся... Надо же в городе что-то делать — кругом нищета, безработица, разруха. Люди ненавидят мэрию. Власть мэрии висит на волоске. Вот я и спрашиваю вас, господа:

как дальше быть? Загонять мэра в яму ещё глубже или дать ему возможность поменять команду и работать самостоятельно?»

Кажется, после такого откровенного заявления что-то дрогнет в сознании мэровской команды. Но не тут-то было: «господа» не услышали — «загрязский пирог» оказался слишком аппетитным. Кончилось тем, что власть Ивана Жеребцова лопнула, распалась и его команда. Впрочем, её персонажи с невероятной энергией вскоре всплывут в иных привилегированных сферах. Особенно непотопляемым среди них предстанет «великий комбинатор» Фома Курлюк. Флагман теневого бизнеса, вначале он незаметен. Роль «зама» ему особенно удобна: меньше ответственности и не так на виду. После Загрязска он внезапно всплывает у себя на родине — в Забалуеве, став президентом холдингов и компаний, прихватив в придачу и жену Жеребцова — предприимчивую Эвелину. Но и на этом его послужный список не кончается: ловкий махинатор тянется к овладению человеческими душами, к обожествлению собственной персоны. Выстроив в глухом углу города роскошный особняк «Клуб друзей», цель которого всё знать о каждом, далее он и вовсе меняет свое «обличье»: становится главой известной на всю Россию богоборческой секты, несущей народу страдания. Его имя теперь — Учитель, а из портрета, нарисованного художником, сквозь иконописную отрешённость смотрят устрашающие сила и воля.

Но вот мэра с «проблесками совести» сменил «уникальный мэр», которого «не сыскать по всей России», — Кукуй-Прискоков: молодой человек без всякого опыта, с боксёрским прошлым и «квадратными челюстями», ненавидевший всех. Прибывшему по протекции столичного дяди «для строчки в биографии», ему уже отчётливо маячил пост министра в столице. Но своенравная фортуна неожиданно изменила: кремлёвский дядя проворовался, и племяннику пришлось утверждаться собственными силами. И ничего не изменилось в «загрязском королевстве», разве что мэрия разрослась ещё двумя особняками да новый правитель учредил клуб профессионального бокса, отчего загрязжцы стали поголовно боксировать друг друга, переполнив травмпункты «индивидами» с поломанными носами и рёбрами. И ещё мэр решил создать Пантеон для захоронения именитых людей, который воссиял бы не хуже Новодевичьего кладбища и Александро-Невской лавры, усмотрев в этом «перст Божий».

Что же касается Зайчонка, «вертлявого хлопца» Забалуева, он и вовсе, находясь во власти Курлюка, лишь занимает почётное место мэра.

Но не чета всем градоправителям оказался Славик Колупаев, приёмный сын Андрея Качуры. Сбежавший от нового родителя и объявившийся через десять лет в Загрязске, чтобы стать главой города, он, как никто другой, сфокусировал в себе весь набор негативных качеств: гибкость авантюриста, беспринципность и ловкость, азарт игрока и лживость. В период предвыборной компании каждому он обещает от коттеджа и автомобиля до счёта в банке и на столе мясо и масло. Примечательно, что писателя интересуют в индивидууме такие критерии, которые на пике взлёта в корне перестраивают его натуру, разрушают исконное.

Один из них — тщеславие. Чтобы возвыситься, оно способно рождать в сознании не только причудливые планы, для достижения которых все методы хороши, но в случае неудачи и свести в могилу. Очумелый Кукуй-Прискоков умер от того, что на организованные им царские похороны 109-летнего деда Пахома никто из приглашённых (ни президент, ни губернаторы, ни патриарх, ни представители кадетских корпусов) не приехал. Но всех градоначальников

переиграл Славик Колупаев, поставив историю города на службу собственной персоне объявлением героями: Кукуй-Прискокова «за яркие и смелые инициативы в руководстве городом и за сооружение Пантеона», Костю Моцарта, порвавшего с народными традициями и превратившегося в «заморского попугая», за певческий дар мирового масштаба, а день смерти Гриньки Вертия, укравшего дочь турецкого султана и умершего от водки, объявил Днём семьи. Выше всех в этом созвездии поднялся Дрюня — «популярный тип из народных глубин». Экскурсовод, демонстрируя его живого, тут же объявляет «святым рыцарем» и «покровителем бедных и страждущих». На этой волне популяризации коммерческая машина работает безотказно: в честь Дрюни щедро продаются красочные альбомы, книги, каталоги. А скульптор «увекочивает» его широкую натуру: вот он — отец мэра! Изошрённый ум Славика измышляет даже международный кошачий форум, на котором во время боя некоторые коты «голосами превзошли» самого Лучано Паваротти.

Однако не диапазон звучания важен для автора (ирония его понятна), а то допущение, в результате которого так изуверски «распинают» природу, делая её заложником человеческого корыстолюбия. Между тем, такими зрелищами, привлекая народ, власть манипулирует его гражданскими чувствами. Один из персонажей в своей притче замечает: «А то правда, что за тыщу лет народ очумел от учителей и народников». Перед боями загряжцы «испытывали необыкновенный прилив патриотизма». А во время баталий «стадион ревел, вопил, топал, трибуны скандировали: «Ко-лу-па-ев!» Но разве не слышится в этой затее авантюрная ловкость игры бессмертного Остапа Бендера, сулившего узколобым участникам шахматного клуба г. Васюки международный реванш, тем самым подогревая их легковесный патриотизм? Не осквернение ли национального, знакомого по «тараканьим бегам» в гениальной пьесе «Бег» М. Булгакова, ощущается здесь? Так или иначе, но сатирическое воспроизведение, доведённое подчас до гротеска, в романе В. Воронова впечатляет и вызывает чувство горечи за несовершенство гражданского сознания народа. И, как ответ на его заблуждение и доверчивость, звучит ирония автора: «И не коты, а мэр был победителем на этом празднике».

И всё-таки, где-то на уровне традиции, не погасла в народе мудрость, не исчезло здоровое начало отличать истинное от ложного. О памятнике живому Дрюне в народе говорят: «Поставили чугунок на площади и цветов навалили. А живой человек на паперти с кружкой сидит. Сынок, председатель Загряжска, Колупай, на спине отца в председатели вылез. Глаза бессовестные водкой залил, и не видит, что отец на кладбище, как собака живёт... Проклятые, чтоб у вас очи повывлазили! Прости меня, господи...»

Панораму градоначальников завершает «грядущий» мэр — Вася Пучеглазов, тайный сын Андрея Качуры, уникальный мальчик, разработавший программу общественного устройства. Характерен его портрет: большая породистая голова и «что-то от отца, доверчивое, телячье». Но он уезжает учиться в Лондон. Вероятно, «большая голова» и «доверчивое, телячье», не те качества, которые способны перестроить судьбу России.

Несомненно, В. Воронов художник-реалист: пишет без отстранения, «прямым чувством жизни». Он не идеализирует массы и отчётливо представляет, к чему ведёт безвластие, и чем заканчивается российское долготерпение. Когда в августе 1991 года возник в стране всеобщий развал, богатейший регион России — Загряжск уподобился тоталитарному «гуляй-полю», на котором бесчинство-

вала необузданная стихия: «...возбуждённая разношерстная толпа ворвалась в старинный особняк обкома партии, с криком «Конец коммунякам!» вышвырнула перепуганных обкомовцев и начала грабить. Тащили всё, что попадало под руку... Власть, какая была, затаилась по углам, милиция, молча, наблюдала за происходящим». А в октябре 1993 года будущий мэр Загряжска с ужасом наблюдает в Москве, как «русские стреляют в русских». Народовластие потонуло в распрях и переделах. Весьма характерен эпизод сна Андрея Качуры, в котором президент упрекает казаков за их бесшабашность: «Сколько денег вам отвалили! А что сделано? Срам!.. Земля ваша, казачья — берите, владейте. Нет, в фермеры пошли хохлы и кацапы, а вы гребуете. Лампасы шьёте. И погоны цепляете. Сколько у вас генералов?... Деньги профукали, от земли отказались. Обещали взять под контроль рынки, заниматься коневодством, рыбоохраной и рыбозаводством, восстанавливать храмы Божьи... Где всё это, я спрашиваю... Кругом промашка! Передрались, поделались. Войско там, войско тут. Кругом одни атаманы, и все просят поддержки президента...»

Правда, завершит президент свои обвинения верой в казачество и Загряжск, как «уникального субъекта». Но вся эта гипотетичность реального ответа не даёт. То, что происходит в Загряжске и в соседнем Забалуеве, не имеет выхода. Народ власть ненавидит, отстраняется от неё. В раздумьях Андрея Качуры, человека свободного, случайно оказавшегося в государственном аппарате, это отражено особенно остро. «Нет, ребята, — размышляет он, — кушайте друг друга,.. а я погляжу. Жировали-хамилы, а теперь потерять боитесь. Дрюне терять нечего, окромя штанов с лампасами... А потом куда завтра фортуна вырулит? Конечно, походить в начальниках греет. Но холуём он не будет, это точно. Служи, Дрюня, служи, да оглядывайся». В этих размышлениях и умение увидеть «корень» событий, и предвидение их конца, и стремление предостеречь себя от падения, сохранить человеческое достоинство и в экстремальные моменты. Таков этот персонаж, ярко выделяющийся из казачьей среды. Какие только должности не отпускала ему, прямому потомку атамана Платова, сумасбродная жизнь! От художника-реставратора и начальника местной правительственной дачи «Шалаши» до казачьего атамана и смотрителя городского кладбища. Вольнолюбив и непокорен он, отринувший даже семейные узы. Но что ему воля, человеку одинокому, которому и поговорить то не с кем, кроме разве дворняги, «друга Тоньки», под пьяную руку задающему ей тревожные вопросы: «Как пригадать, чтоб овцы целы и волки сыты? Кто в Загряжске живёт по правде?» На этот счёт у него есть свой, казалось бы, безукоризненный ответ: «Если б я был мэром, то отделил бы овец от волков железной загородкой». Но на деле всё это оборачивается тщетными мечтами: слишком ловки и неуязвимы волчьи стаи. Между тем народ в ответ на все противозакония безмолствует: «турнули» Качуру из атаманов без всяких объяснений и «никто из казаков не восстал, не возмутился». Где-то подспудно возникает беспокойная мысль: одно безответное преступление порождает множество других. А пока недовольство властью проявляется лишь словесно: в частушках пьяного гармониста да в угрожающих репликах мнимому президенту, разыгранному в спектакле местной сказительницы Нагой.

Перелом в судьбе Качуры происходит неожиданно, через роковую любовь к женщине: мудрой и деликатной, талантливой певицы, почувствовавшей в нём творческий дар. Ради неё он оставляет родной Загряжск и переезжает в сумбурный Забалуев. Смерть её по вине Курлюка рождает в нём чувство великой нена-

висти к «сильным мира». Кажется, протест одиночки едва ли что-то способен изменить. Но «и один в поле воин»: Качура сжигает дотла особняк Курлюка. А тщательно спланированное им уничтожение пантеона известного криминала Басана, захоронению которого не в силах были противостоять ни церковь, ни общественное мнение, произвело движение в сознании народа. Так и осталось неизвестным: то ли карстовые воды унесли прах злодея, то ли Божья кара настигла его после смерти. Могила оказалась бездонной, и фешенебельный пустой гроб обнаружили лишь у турецких берегов. То же возмездие постигло и мэра «по неволе» Кукуй-Прискокова, определившего себе бессмертное место в пантеоне. Эти едва ли не символические картины постулируют мысль: были и не были — ушли, не оставив и следа на русской земле.

Не менее остро в романах В. Воронова поставлена и проблема русской интеллигенции, — класса, о котором когда-то говорили, как о воспалённой совести нации. Наиболее эффектно она сфокусирована в «адептах» «Клуба друзей» города Забалуева, олицетворяющего эдем нового мира, похожего скорее на дьявольский вертеп. Возникший в болотистом месте Стародонья и огороженный высоким забором и ярким прожектором «Объект под охраной. Стреляют!», он поражает как ошеломляющей роскошью, так и устрашающими чучелами: медведей, волков, диких котов и жутким балуем, повязанным красным платком. Да и само сооружение, похожее на две хлебные ковриги, по свидетельству автора, напоминало «что-то древнее, языческое». Так готовится почва для обнажения имманентных качеств тех, кто окажется под крышей этого выморочного здания, и кто будет говорить о себе только «правду». Вот они пришли и открылись: но как измельчали и деградировали именуемые (и очевидно, не без авторской иронии) «достоинейшими, уважаемыми и лучшими»! Даже такое уникальное чувство, как любовь, для них пустой звук, «воспоминание» о пошлости («Инженер человеческих душ» «вещает»: «Бегите от женщины. Она несёт гибель и сеет смерть. И нет спасения от её любви, она прах и пепел»). Все эти архитекторы Курошуповы, писатели Забурунные, не выходящие в своих писаниях за границы лжи, актёры Окунутовы, удивляющие зрителя воплощением Сталина, как личности «загнанной в угол», несчастной и подавленной, и иже с ними, способны лишь пополнить зоологический паноптикум своего времени. Чего стоит один только Подмочиллов, техник-осеменатор, выплывший на волне человеческого невежества и общественного коллапса в академики, а затем и в Нобелевские лауреаты за выведение умопомрачительного балуя: гибрида африканского страуса и донской утки.

Характерно, что подобная научная тема имеет исторический контекст. Её истоки возвращают нас к эпохе 20-х годов XX века, когда новая идеология жарко приветствовала рождение нового индивида (*homo sapiens*). Тогда же появилась в науке целая плеяда учёных, работающих над этой бредовой идеей: Богданов экспериментирует методы переливания крови от здоровой особи к больной, проф. Иванов из Африки привозит обезьян, надеясь пересадкой их желез женщинам создать интернациональный гибрид. Открывается целое направление под названием «Евгеника», в основе которого вживание генов простым людям от одарённых. В качестве сагиры такие эксперименты великолепно отразились в повести М. Булгакова «Собачье сердце». На новом этапе этот пройденный путь в качестве фарса повторяют аферист Шишок и скудоумный Подмочиллов — порождение «хрущёвской оттепели». Но речь идёт уже не столько о селекции

птиц или животных, и, конечно, не о новом духовном человеке, а сколько о «зоологическом» типе, физически сильном и выносливом, безотказной рабочей силе. «Коммертизация» потребует и выведения таких инплантантов, которые станут средством обогащения салонов красоты, куда очередь тянется на несколько лет вперёд. Образ напористого мошенника и невежды Фомы Гикало, принявшего олигофрению собственного сына, с ярко выраженной «криворыльностью» и в пять пудов веса к шести годам, за результат пересадки семенников хряка, — выразительный образец современного олигарха, стремящегося поставить на службу своим интересам и науку. Но что же делать в такие времена истинному учёному? Как не оказаться за бортом и найти способ выживания в энтропии жизни? Судьба Акима Загрязина, несостоявшегося ученика Подмочилова, в какой-то мере приоткрывает такую страницу. После многих ударов судьбы на авантюрное предложение Гикало испытать «настоящую жизнь» путём «обмана клиентов» он отвечает отказом. В результате приходит на службу к Зинаиде Верёвкиной в её «благотворительный дом». Но образ, задуманный в начале как иронический и переведённый на трагический уровень, воспринимается как незавершённый. И возникает вопрос: что делать Загрязиным с их бескорыстностью «в развороченном бурей быте»? Сложно им и одиноко. Науку без денег не сделаешь.

Есть в романах В. Воронова универсальный образ, неуловимый и непостижимый, с «технологией» вечного бега. Имя ему — Время, которому весьма созвучны строки Н. Некрасова: «Бывали хуже времена, / Но не было подлей». Его шквальные приливы «выбрасывают на гребень» такие типы, которых, кажется, в природе и не должно быть. И здесь ни образование, ни интеллект, ни тонкие душевные качества, как бы, и не в счёт. Главное — ухватить то, что не принадлежит тебе. Внезапная прыть и железная хватка открывают самые прочные двери: запретов нет. Школьница, ставшая жрицей любви, Соня Пучеглазова, ловко пробивающая дорогу через богатых покровителей, — один из таких образцов. В итоге под её контролем оказываются не только кладбище с пантеоном: и вечный, принадлежащий народу, целебный Егорьев Ключ. Но и Соня уходит с авансцены (человек — игрушка в руках судьбы). Её сменяет несусветный враль Гонимый. Уходит и образованная Эвелина Жеребцова, ставшая разменной монетой в руках ловкого авантюриста Курлюка. Кто следующий займёт их доходное место? Бескорыстная Зинаида Верёвкина, отдавшая на благо сирым и убогим случайно доставшееся ей наследство? Она лишь хрупкая «частичка». Не поглотит ли её турбулентность клокочущего мира? Слишком мала её обитель, принимавшая бомжей столицы и всей обескровленной России.

Между тем, многие герои В. Воронова не столько ищут путей, сколько задумываются над собственной судьбой, над тем, куда уйти от суетного мира. Порою сама судьба бросает их на такие обочины дороги, что именно они и представляются единственно возможными и верными. Потому в романах так много страниц о тех, кто стремится вернуться к своим родовым истокам, кто перестрадал и перечувствовал, независимо от собственного положения и характера. И потому так тянутся они к монастырям и тихим местам. Зинаида Верёвкина, это рано повзрослевшее дитя, соединив свою судьбу с цыганом, мечтательно произносит: «Меня, как магнитом, тянет в святые места. В монастыре, наверное, хорошо жить». А Илья Жеребцов, экс-секретарь обкома, в ужасе от творимого вокруг, пророчески восклицает: «На Россию идёт вредитель, от которого нет спасения... Имя этому вредителю — бомж!.. Идите в монастырь. Мэрию и власть — всё отдайте в монастырь. Спасайтесь!» Его сын Иван замкнётся в себе и обратится к

чению Евангелия. Зинаида Верёвкина построит обитель для обездоленных, но и стены этого заведения не спасут от беззакония. После гибели майора Миши, искалеченного афганской войной, Антонина Светличная произносит: «Закрывай свою богадельню, это насмешка над человеком». Нет согласия и среди духовной братии, нет у неё и инструмента воздействия против вездесущего зла. На вопрос Андрея Качуры, что делать фермеру, которого сгоняют с собственной земли и избивают, отец Амвросий отвечает: «Есть вопросы, на которые нет ответа. Разумного ответа...»

В художественном мире В. Воронова немало безумцев: врождённых (сынوك красавицы Люси Карасёвой и губернатора, отпрыск олигарха Фомы Гикало Витёк) и впавших в неистовство в результате ожесточения мира. Во второй плеяде — «сошедший с нарезки» Данька Печёнкин, объявивший себя итальянским графом Фуэнца, Катерина Колупаева и сэр Ролтон. Все они — своеобразная аллюзия на идею вырождения человечества. Характерно, что безумцы в литературе появятся лишь со времён Платона, когда несовершенство человеческой среды начнёт прогрессировать: «Илиада» и «Одиссея» исключали их. В русской литературе таких персонажей немало, особенно в произведениях Ф. Достоевского, о котором В. Розанов заметил: «По его произведениям можно изучать всю Россию». Их представляли вестниками, провидцами. В какой-то мере эту традиционную роль они выполняют и у В. Воронова. Но его «провидцы» способны лишь прозреть минувшее и настоящее: о грядущем они молчат. Свои рассуждения «граф Фуэнца» завершает интерпретацией гоголевской тройки: «О держава! Куда несёшься ты? Дай ответ! Нет ответа».

Заметим, что образная и композиционная система романов несходна. Если в «Загряжском субъекте» больше массовых, коллективных эпизодов, и имя Андрея Качуры занимает место наряду со всеми, в «Загряжском пантеоне» он — главный герой событий. В нём больше задумчивости, размышлений и тайных действий, к тому же, очевидно: чувствуется нечто непосредственное или подспудное авторское. Но способен ли Андрей Качура быть героем-предводителем, воздействовать на взбаламученную среду? И что это за тип в национальном историческом контексте?

Роман «Загряжский субъект» заканчивается элегической картиной разгромленного погоста, где ещё после войны стояли старинные надгробья. Грустные мысли овладевают автором, проходящим по этому запустению: «С годами чувствительнее душа... Вот как устроен человек! Когда молод и здоров, то не чувствуешь естественного желания поднять голову и смотреть на ночное небо, не замечаешь, как проклёвываются первые почки. ...А теперь не могу сдерживать слёз, слушая человеческие крики кукушки в пойменном лесу...» Что-то забытое из «Суходола» И. Бунина слышится во всём этом. Только он «пропел литургию» об уходящем классе в его необратимой естественной неизбежности, у В. Воронова здесь вторгается и человеческий фактор: память о предках уничтожает городская власть, изымая каменные надгробья для дорог и тротуаров. Так к проблеме памяти подключается и проблема нравственности, начинает звучать вопрос ответственности перед историей и современностью.

В начале «Загряжского пантеона» Андрей Качура — смотритель кладбища и такой зачин воспринимается, как своего рода разбег в тему памяти. Кладбище — связующее звено мёртвых и живых. Это обострённо чувствуют и герой («Может быть, потому перешёл жить на кладбище, что мёртвых уважаю больше, чем живых»), и автор («И сочувствия, и утешения всё больше ищешь — у мёрт-

вых. Мёртвые живут с нами»). Потому так ревностно Андрей Качура охраняет врученные ему владения. Не может его чуткая натура вынести прогрессирующего зла. Если в «Загряжском субъекте» он поджигает клуб всеильного Курлюка, в «Загряжском пантеоне» с уникальной недоказуемостью уничтожает помпезные захоронения Кукуя и криминального деда Басана. Всё более его тревожат онтологические вопросы: что там, за предельной чертой, и встретится ли он в мире ином с любимой Клариссой и родными. И когда отец Амвросий ему отвечает: «Царство Божие внутри нас. Верить — значит есть... Мысль имеет свойство материи», — он успокаивается. И кажется: предел достигнут. Но не таков этот персонаж: новые грани продолжают открываться в нём. Особенно преломились они в библейской притче: «Велик человек и слаб человек». Слабость «личная», обычная — на питье и женщин. Однако женщины, которые встречаются в жизни Дрюни, приносят ему не столько счастье, сколько беды. Кларисса, кто впервые почувствовала в нём творческую личность, ушла из жизни по вине злодеев, Катерина Колупаева ушла к сэру Ролтону по своей прихоти, Антонина Светличная, любившая его без памяти, не вынесла ухода к другой. Герой самозабвенно берётся за воспитание беспризорного ребёнка, усыновив его, но тот жестоко предаёт приёмного отца. И даже кот Варфоломей, которого он готовил для кошачьего боя, после реванша сбегает от него в камыши. И вместо положенного победителю миллиона Дрюня получает за свой патриотизм лишь примитивные часы. Как устоял такой бескорыстный человек, — тайна. Вероятно, в этом скрыт кантовский императив, в поэзии провозглашённый Пушкиным: «Самостоянье человека — залог величия его».

Качура самодостаточен: понятия совести, стыда и чести внутри него. Кларисса, поверившая в него, даже в то, что он может построить храм Христа Спасителя, произносит: «Когда с ним происходит несправедливость, — он прячется от людей, пьёт водку и плачет». Стало быть, и вторая его слабость (любят на Руси питье) имеет своё оправдание. После всех жизненных «переплётов» не озлобился он. Народ видит в нём воплощение демократии и свободолюбия, не представляя себе Загряжска без него. Может быть, ещё и потому, что начисто лишён меркантильности. «Богатство, — говорит он, — это большая зависимость». (Вопреки утверждению другого персонажа: «Богатство — это свобода»). От жизненного комфорта, предложенного экс-министром Пучеглазовым, Качура, не задумываясь, отказывается. Он весьма хорошо понимает те бездны, которые открываются перед людьми алчными, завистливыми, преступившими все исконные человеческие законы и рвущимися к власти. Шельмоватому Тихону Качура говорит: «Чем отличается ужака от орла? Рождённый ползать не может летать». Не находит он места своей гармоничной натуре в этом узурпированном мире безудержного произвола. Тот памятник, который организывает ему, живому, приёмный сынок ради собственного престижа, как бы инспирирует его заблаговременный уход из опостылевшей среды. В таком контексте дорога в тихую обитель, удалённую на сотни километров от адава мира, для Дрюни, вероятно, единственный выход. Он врывается в этот мир, как безумный, словно, боясь, что двери в него захлопнутся, и он не успеет вскочить на подножку рванувшей машины. (Примечательно, что в этом эдеме неслучайно окажутся гонимый священник Амвросий со своей возлюбленной, а позже в другую обитель попадут и безумцы Катерина Колупаева и сэра Ролтон.)

История русской литературы знает немало примеров душевного спасения личности в монастырских скитах (Никита Артамонов из романа М. Горького «Дело Артамоновых», князь Касаткин из повести Л. Толстого «Отец Сергей»). Сегодня эта мессианская идея особенно актуальна: храм оберегает, в какой-то мере очищает, спасает. (Таков синтез романов В. Аксёнова «Остров Крым» и

Е. Чижовой «Лавра»). Андрей Качура бежит от мира в монастырский скит не столько с верой в Бога, сколько спасаясь от мировой скверны. За четыреста километров от Загряжска, среди развалин когда-то ухоженных усадеб, по которым жёстким серпом прошёлся каток рассказывания и раскулачивания, он обретает покой. Но каков теперь стимул этого отдохновения? Чем наполнена израненная жизнью душа героя? Его окружают остатки когда-то роскошных садов, одичавшие кустарники и люди, большей частью доживающие свой век старики, сохранившие опыт ведения натурального хозяйства, не утратившие старинные рецепты приготовления удивительных вин и необыкновенных яств. Они бесхитроствы, и сердца их просты. Первозданная природа гармонична им. Тишь и благодать. Но что же происходит тем временем в легендарном Загряжске, который так внезапно покинул Андрей Качура? На кладбище теперь хоронят по строгому распоряжению Колупаева, пантеон только для очень богатых людей, мэр потонул во взятках и ему пророчат скорую тюрьму. «Захирел рынок, куда подевались общественные стада... Но растут, как грибы, коттеджи и виллы в пойме Дона... иностранные авто, гудит небо и пространство от гула машин, шелестит исполинский Интернет, и нет от него спасения...» Да ведь это же картины грандиозного Интеграла романа Е. Замятина «Мы»! Сбылось страшное пророчество писателя. Потому так пронзительно звучат элегические интонации в романе В. Воронова: «Господи, дай ещё подышать под старой тютюной во дворе... Дай посмотреть и послушать синичку под окном. Помолиться в тиши и уединенье...»

И возникают сакраментальные вопросы: как соединить безболезненно новое, рвущееся из берегов, с уходящим? Как противостоять неудержимо растущему злу? Что будет с личностью? Сумеет ли она сохранить в себе «энергетику» души или окончательно уничтожит себя под натиском меркантильности и техноцизма? Есть ли инструмент воздействия этому? И кто ответственен за надвигающуюся катастрофичность мира? Всё это, как и многое другое, поднимают романы В. Воронова. Известно, что все цивилизации ведут к унификации. Но какая грядёт из них? Или нам «не дано предугадать», и мы, как и два века назад последуем за поэтическим изъяснением: «Громада двинулась и рассекает волны. Плывёт... Куда ж нам плыть?» (А.Пушкин). Думайте, господа, обобщайте... Поставленные вопросы в наше время — это уже много.

Геннадий Иванов

ТОСКА ЕЩЁ НЕ УКАЧАЛА...

В ПОЛЯХ ПОД БЕЖЕЦКОМ

Я себя тут радостно неволю:
Целый день восторженно хожу –
Целый день, как плуг, хожу по полю
И своё, незримое, пашу.
Я смотрю, как травы-богомольцы
От ветров склонились на восток,
Как вокруг солнца воссияли кольца,
Как в траве ребром лежит листок...
Стрекоза запуталась в сплетенье
Трав сухих – и бьётся, и шуршит...
Я помог ей... даже с умилением
Поглядел, как вдаль она летит.
Поглядел на старые осины,
Поглядел на молодой лесок,
Думая о жизни, о России, –
Что заколосится поле в срок...
Что пройдут мирские заблужденья,
И опять Микула Селянин
Встанет из великого забвенья –
Да для новых былей и былин.
И тому положено начало
В эти годы, и надежда есть:
Нас тоска ещё не укачала...
Не устали ждать благую весть.

Иванов Геннадий Викторович, поэт, Первый секретарь Союза писателей России, автор нескольких поэтических сборников. Стихи поэта в подборке «Тоска ещё не укачала» публикуются впервые. Живёт и работает в Москве.

Тоска ещё не укачала...

Мы люди последних времён.
Нам выпала доля такая:
Земли и воды слышать стон,
К ним собственный стон прибавляя.
Мы люди последних времён.
Опоры надёжные сбиты,
И катится мир под уклон...
Помогут ли чьи-то молитвы?
Помогут ли наши труды?
Задумано – так и случится:
Рассеются наши следы,
И только дымок будет виться...
Галактики гибнут, а тут
Какая-то мелкая сошка –
Земля; этот «замысел» крут,
И ждать нам осталось – немножко.

Но замысел есть и другой:
Чтоб мы до последнего вздоха
Любили бы берег земной –
Неважно, какая эпоха.
Любили бы лист золотой,
Любили бы снег над рекой,
Полей плодородных покой...
Людей, с их великой тоской.

Куда-то ехал, до какой-то станции.
Летел... И плыл – и напрягал весло...
Поэзия – последняя инстанция.
Когда уже ничто не помогло.
Когда оставил все заботы, промыслы.
Когда не надо никуда бежать,
Всё позади – все поиски и полосы...
Тогда приходит эта благодать:
Стихи писать... Неторопливо, вдумчиво.
Стихи писать – как главное из дел.
И радоваться, по такому случаю,
Что день настал такой, и ты успел...

Крутояр

Евгений Астапенко

ДОНСКИЕ КАЗАКИ КРАСНОВЫ

Исторический очерк

Многие донские казачьи роды отличились на многотрудном поприще служения Дону и России. И среди них одно из почётных мест занимает донской казачий род Красновых.

Первые Красновы появились на Дону в XVII столетии. Они происходили из камышинских крестьян.¹ Иван Иванович Краснов (1800-1871) писал, что его дед Иван Казьмич Краснов (1752-1812) «как-то нечаянно счёлся с ними родством; это были простые мужики в лаптях, пришедшие на Дон для заработков».²

Иван Казьмич Краснов, генерал-майор русской армии, был первым из известных представителей этого рода. Он родился в 1752 году в станице Букановской, на севере Земли Войска Донского.³ Детство его было самым обыкновенным для казака. Краснов и Андриянов (донской войсковой атаман — Е.А.), как писал И.И. Краснов, «родились в половине XVIII столетия в одной из самых глухих верхних станиц, Букановской, куда тогда и слух не достигал об образовании. Детство и первые годы юности провели они в сельских работах и до первого выхода на службу едва ли имели случай научиться грамоте; но на службе обнаружилось и быстро развились отличные их способности. Они не только научились хорошо читать и писать, но сделались искусными по тогдашнему времени грамотеями и скоро выслужились в офицеры». И.И. Краснов отмечал, что дед его «всё время провёл в военной службе. Почти всегда отправляясь в полки охотником, он участвовал во всех войнах славного царствования Екатерины, заслуживал чин за чином и приобрёл имя храброго воина».⁴

Как записано в его послужном списке, службу он начал 15 сентября 1773 года в полку донского полковника Каршина.⁵ Потом в составе полка походного атамана Янова содержал пограничные кордоны на реке Буг.

17 Ноября 1781 года Ивана Казьмича произвели в сотники, а через два года, 13 января 1783 года — в есаулы. 4 сентября 1785 г. он стал поручиком русской армии.⁶ С 1 августа 1786 года Краснов в составе казачьего полка Пантелеева находился в кордоне в «Задонской стороне», год спустя получив армейский чин капитана.

В августе 1787 года Турция, мечтавшая о возвращении потерянного четыре года

Астапенко Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, член Союза журналистов России, историк, публицист. В 1997 году окончил исторический факультет Ростовского госуниверситета, в 2003 — аспирантуру. Автор более 70 статей и 10 книг по истории донского казачества и станицы Старочеркасской. Живёт и работает в станице Старочеркасской Ростовской области.

назад Крыма, объявила войну Российской империи. Донские казачьи полки появились на полях сражений в Молдавии и на Дунае. В одном из них находился Иван Краснов.

1 октября 1787 года Краснов, будучи ординарцем Александра Васильевича Суворова, принял участие в знаменитом сражении на Кинбурнской косе Чёрного моря. Превосходящие силы турок числом свыше 5300 человек пытались разгромить здесь русские войска во главе с Суворовым, насчитывавшие чуть более четырёх тысяч бойцов (в том числе девятьсот донских казаков). В разгар кровопролитного сражения, когда турки начали теснить русских, Суворов послал Ивана Казьмича к стоявшему неподалёку пехотному батальону с приказом немедленно ударить в штыки.

Прискакав сюда на взмыленной лошади, Краснов увидел, что батальон уже пострадал в сражении, что почти все офицеры либо убиты, либо ранены.

— Братцы! — крикнул, обращаясь к солдатам Иван Казьмич. — Суворов приказал ударить в штыки. Ура! — и сам повёл батальон на неприятеля, что способствовало общему успеху русских. Сам Краснов, получивший пулевое ранение в правую ногу,⁷ был упомянут в рапорте Суворова о Кинбурнской победе.

В военной кампании 1788 г. Краснов с небольшим отрядом казаков-храбрецов по тонкому льду перешёл Днестр у крепости Бендеры и в коротком бою уничтожил турецкий сторожевой пост, взяв в плен его начальника. Несколько позже он захватил на Дунае турецкое речное судно.⁹

В период боевой кампании 1789 г. Иван Казьмич во главе небольшого отряда конницы был послан М.И. Кутузовым на разведку в сторону крепости Бендеры. Встретив по пути неприятельскую конницу, он напал на неё и после ожесточённого боя обратил её в бегство, захватив пленных. За этот подвиг он был произведён в секунд-майоры.¹⁰ В дальнейшем он участвовал в сражении на реке Ларге, взятии крепостей Бендеры и Аккерман.

Летом 1790 г. И.К. Краснов, занимавший со своим отрядом позиции на берегу Дуная, у устья Прута, захватил небольшой турецкий корабль со всей командой, следовавший из крепости Браилов. Судьба всей кампании 1790 г. должна была решиться у неприступной крепости Измаил, где русскими войсками командовал А.В. Суворов. Накануне штурма А.В. Суворов отправил И.К. Краснова с командой промерить измаильские рвы. Это задание, как отмечено в его послужном списке, «исполнил с хорошим успехом».¹¹

В морозный день 11 декабря 1790 г. Иван Казьмич принял участие в кровопролитном штурме этой мощной крепости, которую оборонял 35-тысячный гарнизон турок. В бою Краснов захватил и доставил Суворову три пушки. Его имя было упомянуто в числе отличившихся офицеров в донесении А.В. Суворова князю Г.А. Потёмкину о штурме и взятии Измаила.¹² Императрица Екатерина II наградила И.К. Краснова похвальным листом. Отличился Иван Казьмич и в сражении с турками 28 июня 1791 года при деревне Мачине, в котором неприятелю было нанесено сокрушительное поражение, после чего он запросил мира.¹³ В этом сражении Иван Казьмич, находясь в передовой группе войск, захватил два турецких знамени. В конце этой войны И.К. Краснов, по представлению А.В. Суворова, получил от императрицы Екатерины II золотую медаль на Георгиевской ленте.

В 1792 г. началась так называемая Конфедератская война против Польши. И.К. Краснов в составе казачьего полка Василия Орлова (будущего войскового атамана) вступил в пределы Польши. В авангардных боях при Мурафе, Меркушеве, Полонцах он со своими казаками разгромил три эскадрона польской кавалерии, нанеся потом поражение и польскому отряду, состоявшему из двенадцати эскадронов, которыми командовал князь И. Понятовский.¹⁴ Чин подполковника венчал его подвиги этого периода. За взятие нескольких польских орудий под Варшавой Краснов

Донские казаки Красновы

был награждён орденом Святого Георгия 4 степени, а за захват 48 неприятельских пушек на Висле он стал полковником русской армии. С 1798 г. полковник Краснов во главе пяти казачьих полков содержал пограничные кордоны в Молдавии, не допустив в пределы России чумы, свирепствовавшей в Турции. Его служебные успехи были отмечены чином генерал-майора и орденами Святой Анны 2 степени и Святого Иоанна Иерусалимского.¹⁵

В 1803 г. И.К. Краснова «в проявлении уважения своего к опытности и благоразумному начальствованию» император Александр I назначил войсковым атаманом вновь образованного Бугского казачьего войска.¹⁶

В 1812 г. граф М.И. Платов писал Ивану Казьмичу из Петербурга, что государь-император изъявил согласие на назначение его в действующую армию и что он (Платов), надеется иметь в нём (Краснове) доброго помощника.¹⁷ «Скоро, — вспоминал Иван Иванович Краснов, — весть об отправлении деда в поход разнеслась по ближайшим станицам и хуторам. К вечеру прискакало к нему много казаков; одни вызывались следовать за ним охотою, другие просили взять с собою детей своих. В числе охотников было много стариков, давнишних сослуживцев деда. В великую среду, отслужив напутственный молебен, дед собрался в дорогу... Выехав несколько вёрст за слободу нашу, он велел остановиться, помолился ещё раз на нашу старую церковь, крест которой виднелся издали, распростился со всеми... и, посадив с собою отца моего и меня в коляску, махнул рукой. Скоро после светлой недели ушла в поход под начало к Краснову и команда из более чем ста казаков-добровольцев, среди которых находилось два других внука Ивана Казьмича».¹⁸

С началом Отечественной войны 1812 г. с Наполеоном Краснов был назначен командовать 9-ю казачьими полками в армии князя П.И. Багратиона. Назначение это было произведено по просьбе знаменитого атамана М.И. Платова, весьма ценившего Краснова как воина и военачальника.

Иван Казьмич отличился в ожесточённых боях с французами при Поречье, под Романовым, Смоленском, у Можайска. Особое отличие генерал показал и, по словам Платова, «способствовал много победе» 27-28 июня в знаменитом сражении при Мире, где встретились корпус Платова и авангард корпуса маршала Даву. В этом первом серьёзном столкновении русской конницы с доселе непобедимыми наполеоновскими войсками были наголову разбиты 9 французских полков. Краснов взял в плен двух штаб-офицеров и 218 солдат. Обрадованный генерал Багратион объявил Ивану Казьмичу «искреннейшую благодарность».¹⁹

С отбытием атамана Платова в Москву на встречу с императором Александром I на Краснова было возложено командование всеми донскими казачьими полками, которые находились в центральном аръергарде генерала П.П. Коновницына. Иван Казьмич Краснов погиб 25 августа 1812 г. накануне Бородинской битвы в сражении у Колоцкого монастыря: в момент атаки французов ему ядром раздробило правую ногу. Когда его занесли в палатку, он успел сказать своему соратнику генералу Иловайскому 5-му: «Отражай врагов, а я умру радостно, услышав, что враг побеждён». Пытаясь спасти храброго генерала, доктор Виллие ампутировал ему правую ногу, но Иван Казьмич угасал на глазах.

— Приподнимите меня, я сам посмотрю, что наши делают, — попросил он.

— Бьют французов, ваше превосходительство, — ответил стоявший тут же есаул Галдин.

— Дай Бог! — облегчённо сказал Иван Казьмич и хотел перекреститься, но рука бессильно упала на грудь...²⁰

И.К. Краснова похоронили 27 августа 1812 г. в Москве на территории Донского монастыря, с правой стороны от собора, рядом с могилой войскового атамана Алексея Ивановича Иловайского (1736-1797).²¹ Позже на могиле Ивана Казьмича его сын поставил памятник с надписью:

*Сей памятник отцу сын нежный посвящает;
В его делах пример – делам своим встречает.
Кто славу чтит отца, к бессмертью тот идёт;
Краснов, не умер ты: твой сын тобой живёт.*²¹

Сохранилось несколько портретов И.К. Краснова, часть из которых находится в Государственном Русском музее в Петербурге.

26 Августа 1814 г. высочайшим повелением имя Ивана Казьмича Краснова было присвоено 15-му донскому казачьему полку, который с этого момента стал называться «15-й Донской казачий генерала Краснова 1-го полк». Этот полк в дальнейшем отличился в войнах с Турцией и Персией 1826-1829 гг. и в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и имел полковое Георгиевское знамя.²²

Сын И.К. Краснова **Иван Иванович Краснов 2-й** родился в 1777 г. Службу начал 1 мая 1790 года в полку бригадира В. Орлова, который находился на театре военных действий против турок в Молдавии. 11 декабря 1790 года он принял участие в штурме крепости Измаил, отличился и был произведен в сотники.²³ 28 Июня 1791 года И.И. Краснов принял участие в сражении с турками при Мачине, в котором русские войска разгромили сильную турецкую армию, после чего турки вынуждены были пойти на мирные переговоры.

С июня 1792 года он вместе с отцом, в составе полка Василия Орлова, принял участие в Конфедератской войне против поляков. Иван Иванович отличился в боях при Острогаве (15 июня), Владимирце (26 июня), Дабениафе (7 июля) и Маркамове (15 июля).²⁴

9 Августа 1792 года он получил есаульский чин, отличившись потом в бою под Полонцами 29 апреля 1793 года. Здесь он был ранен в правую руку.²⁵

В дальнейшем И.И. Краснов успешно сражался в боях с поляками при Щекочихе (26 июня 1793 г.), под Песочной (28-29 июня). 29 Сентября 1793 года он отличился в сражении при Мачеевице, а 23 октября — при очищении от неприятельских войск деревни Ляль.

В конце октября 1794 года И.И. Краснов участвовал во взятии войсками А.В. Суворова города Варшавы, особо отличившись при штурме Праги — сильноукрепленного района Варшавы. 13 Января 1795 года он получил чин капитана.²⁶ В конце июня того же года Краснов стал майором.

В 1798-1799 гг. майор Краснов во главе команды казаков находился «у содержания по окружию Войска Донского пограничных кордонов», в начале 1800 г. был произведён в подполковники, а в конце этого года повел свой полк в Прибалтику, к городу Риге, где содержал кордоны по побережью Балтийского моря. Но многообещающая карьера Ивана Ивановича рано оборвалась. С 1802 г. он находился на Дону, вышел в отставку и занялся имением отца. Справляя, впрочем, время от времени некоторые должности по гражданскому управлению. В 1808 году он сменил Андрианова, избранного ассессором Войсковой канцелярии, в должности судьи Хопёрского начальства и одновременно по просьбе директора училищ А.Г. Попова принял на себя звание смотрителя Алексеевского малого училища. А.Г. Попов не раз потом «изъявлял признательность свою в старании о выгодах училища г-ну смотрителю подполковнику Краснову».

Сын И.И.Краснова 2-го **Иван Иванович Краснов** родился в 1800 году, сделал блестящую военную карьеру, дослужился до чина генерал-лейтенанта. Детские годы И.И. Краснов провёл в слободе Краснополье, в доме деда и отца. Получив основатель-

Донские казаки Красновы

ное домашнее образование, он был затем определён отцом в пансион Харьковского университета, где увлёкся литературой, историей и иностранными языками.

Военную службу И.И. Краснов начал в 1817 году в Лейб-гвардии казачьем полку, стоявшем в Петербурге, в чине урядника.²⁷ В январе следующего года Краснов был произведен в корнеты, и радость его от производства в офицеры была безмерной. В 1821 году И.И. Краснов получил назначение на должность адъютанта к знаменитому герою Отечественной войны 1812 года генерал-адъютанту, графу В.В. Орлову-Денисову, который командовал в то время 2-м кавалерийским корпусом, и хорошо знал его отца и деда.²⁸ В ноябре 1825 года, когда в Таганроге умер Александр Первый, гроб с его телом при лейб-казачьем карауле повезли на санях в Петербург. Командиром кортежа был Орлов-Денисов, а Краснов вместе с ним участвовал в доставке гроба в столицу и в церемонии погребения.²⁹

В 1826 году Иван Иванович возвратился на фронт, и в рядах Лейб-казачьего полка принимал участие в русско-турецкой войне 1828-1829 годов и польской кампании 1831 года. Будучи уже ротмистром и командиром 4-го льготного эскадрона, он привёл в 1828 г. своё подразделение с Дона под город Варну. Весной и летом этого года его эскадрон состоял при императорской главной квартире и охранял ставку Николая I. Краснов участвовал в боях с турками и особенно отличился 14 июля в деле близ села Мадирда. В 1831 году уже полковником он командовал 5-м эскадронами и двумя эскадронами полка.³⁰ Как написано в одной из его биографий, «блистательное мужество Ивана Ивановича в делах этих кампаний было засвидетельствовано пожалованием ему орденов Святого Владимира 4 степени, Святой Анны 2 степени и золотой сабли с надписью «за храбрость»».³¹

В январе 1838 года И.И. Краснов получил генерал-майорский чин и был избран помощником донского наказного атамана по гражданской части. В среде донского дворянства он в короткий срок организовал сбор 100 тысяч рублей на устройство в Новочеркасске военного училища. Однако, училище не было основано, и на эти деньги были образованы войсковые стипендии для донских казаков в Полтавском и Воронежском кадетских корпусах.³²

Затем И.И. Краснов снова вернулся на военную службу и с 1841 года в ранге походного атамана донских казаков сражался с горцами на Кавказе. Иван Иванович впоследствии писал, что при нём на Кавказе «полки Краснова 2-го и Богаевского, занимавшие вместе с генерал-лейтенантом Зассом новую Лабинскую линию, и полк Сычева, находившийся под начальством генерала Фрейтага при устройстве укрепления Куринского, служили отлично и не раз давали славные уроки черкесам и чеченцам, когда они осмеливались беспокоить их отряд».³³

В апреле 1843 года Иван Иванович был назначен командиром лейб-гвардии Казачьего полка и командовал им около пяти с половиной лет, причём одно время исполнял обязанности командира 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, часто бывал при дворе, многократно встречался с царём. Должность командира лейб-казачьего полка была одной из самых значительных для казака. Полк при Краснове представлял собой великолепную часть и не раз отличался на смотрах и учениях.³⁴ За это время Краснов получил награды: в 1844 году орден Станислава I степени, в 1847-м орден Святой Анны I степени и Святого Георгия 4 степени за 25 лет службы в офицерских чинах.³⁵

Осенью 1853 года сильная коалиция государств в составе Англии, Франции, Турции и Сардинии объявила России войну, стремясь отторгнуть от неё побережья Чёрного и Балтийского морей, захватить Крым и Кавказ. Верное патриотическому долгу защиты Родины донское казачество выставило на поля сражений этой войны 83 полка и 14 артиллерийских батарей. Боевые действия, в основном, развернулись на Дунайском и Кавказском фронтах.

В 1854 году война пришла и на донскую землю. Несмотря на то, что Керченский пролив был заграждён затопленными русскими судами, а по берегам его, в Еникале и

Чушке, стояли артиллерийские батареи, англо-французские суда сумели прорваться в Азовское море. Особое место в планах неприятеля занимал Таганрог — один из крупнейших российских портов. Здесь, а также в соседнем Ростове-на-Дону, были сосредоточены огромные запасы продовольствия, боеприпасов и снаряжения, которыми снабжалась русская армия, сражавшаяся с неприятелем в Крыму.

Войска, которые должны были защищать Таганрог и Азовское побережье, возглавил Иван Иванович Краснов, получивший чин генерал-лейтенанта. Оборону по побережью занимали немногочисленные казачьи полки: от Чонгарского моста до реки Миус — полки Зарубина № 62, Кострюкова № 66 и Краснянского № 68. В городе Мариуполе находилось 2 казачьи сотни, в Таганроге — гарнизонный полубатальон и жандармская команда, в Ростове-на-Дону — особый отряд генерал-майора Краснова.³⁶ Как всегда, не хватало оружия и боеприпасов. «Народ пылает духом беспредельного усердия и мужества, в случае надобности готов заменить свою пику на пехотное ружьё и штык, но у нас нет оружия и артиллерии», — сообщал военному министру наказной атаман генерал Михаил Хомутов.³⁷

21 мая 1855 года корабли англо-французской флотилии, состоявшей из 18 больших пароходов, 20 винтовых канонерок и 50 мелких судов показались на рейде города Таганрога, не имевшего ни сильного гарнизона, ни мощных пушек, ни укреплений. Противник, знавший это, считал, что захватит город без особого труда. С целью захвата города без боя в Таганрог на шлюпке прибыл английский парламентар, предложивший сдать город без сопротивления. В ответ на это предложение командование Таганрога решительно ответило, что «военная честь запрещает уступить без боя город».³⁸ Тогда захватчики подвергли Таганрог варварскому обстрелу и сделали несколько попыток высадить десант. В результате обстрела полностью сожжено 19 казённых зданий и частных домов, 77 магазинов и лавок, частично повреждено 4 церкви, 4 казённых здания и 52 частных дома.³⁹

После того, как орудия умолкли, к городу устремились многочисленные шлюпки с десантом. Вскоре на берегу развернулось сражение. После ожесточённой схватки казакам 68-го Донского полка удалось мощной атакой обратить врага в бегство. Однако, сильная группа англичан и французов стремительно продвигалась в районе мыса, стремясь закрепиться на возвышенности около Константиновской церкви. Оборонявшаяся здесь рота таганрогского гарнизонного полубатальона во главе с полковником Македонским встретила неприятеля прицельным огнём, вызвав в его рядах замешательство. Потом рота перешла в контратаку и в результате короткой рукопашной схватки сбросила англичан и французов в море. В своём рапорте о ходе сражения Иван Иванович отметил, что при обороне Таганрога особо отличились казаки Ефим Спиринов, Емельян Суворов, Ефим Попов, солдаты и жители Таганрога Калашников, Борисов, Ладыгин, Герасимов и другие. Касаясь действий самого Ивана Ивановича в этом бою, начальник штаба Войска Донского в своём рапорте главнокомандующему русской армии в Крыму писал: «... Командующий в Таганроге походный атаман генерал-лейтенант Краснов встретил этот десант местным гарнизонным полубатальоном и милицией и опрокинул его до канонерских лодок».⁴⁰ Из показаний пленных офицеров Краснов узнал, что «их правительство приказало истребить все города и деревни по берегам Азовского моря».⁴¹

Понеся значительные потери и поняв тщетность десантных попыток взять Таганрог, англичане и французы покинули таганрогский рейд. Краснову снова пришлось вступить в борьбу с неприятелем в начале июля 1855 года. Подойдя к Таганрогу, англичане и французы открыли по незащищённому городу мощный артиллерийский огонь, в котором гибли люди и строения. Так продолжалось до 24 июля, когда под прикрытием пушечного огня враг предпринял попытку высадить десант. В своём рапорте главнокомандующему генерал-адъютанту Горчакову Краснов сообщал об

Донские казаки Красновы

обстреле 24 июля 1855 года так: «3 парохода с 20 судами разного размера в час дня подошли к городу и около Воронцовской пристани остановились в боевом порядке; в 6 часов вечера с трёх пароходов и трёх баркасов началась стрельба; неприятель выпустил более 300 выстрелов ядрами, бомбами и картечными снарядами. Меньшие суда, приблизясь к берегу, производили беспрерывную пальбу из штуцеров. Артиллерия наша не могла отвечать неприятелю, потому что недалность выстрелов её, в сравнении с морскими орудиями, могла подвергать её только бесполезной трате людей».⁴²

Высадить десант неприятелю не удалось, т. к. в распоряжении Краснова на сей раз находились достаточные силы. Усилиями казаков 70, 74 и 76 Донских полков, 2-й Донской батареи, а также стараниями 800 матросов враг был отброшен от города.

12 Июля 1855 года, ведя разведку гирл Дона, английская паровая лодка «Джаспер» села на мель. Донские казаки, посланные на шлюпках Красновым, атаковали лодку и захватили её. Английский экипаж с трудом спасся от плена, пересев на подошедший им на помощь корвет.

Третью попытку захватить Таганрог И.И. Краснову пришлось отражать в середине августа 1855 года. Полагая, что в городе нет дальнобойных орудий, как это было в прошлые их пиратские набеги, французы и англичане, приблизившись к Таганрогу, открыли пушечный огонь. Каково же было их изумление, когда артиллеристы Краснова ответили дружными и точными залпами своих пушек. Ошеломлённый неприятель даже не сделал попытки высадить десант и навсегда покинул артиллерийский рейд. «В плохо укреплённом Таганроге мы встретили неожиданное и отчаянное сопротивление русских. Сюда как бы долетал дух упорства, владевший защитниками Севастополя. Стойкость русских поражала», — писал один из английских офицеров.⁴³

Отстояв Таганрог и побережье Азовского моря, Краснов и его войска не дали врагу возможности прорваться в низовье Дона и овладеть Ростовом. Этим самым были сохранены важные коммуникации, по которым снабжалась Крымская армия. За умелое руководство войсками и личное мужество И.И. Краснов был награждён орденом Святого Владимира 2 степени и назначен на должность походного атамана донских казачьих полков, находившихся в Крымской армии. Позже он описал эти события в своём очерке «Оборона Таганрога и берегов Азовского моря в период Крымской войны».

Позже, когда в ноябре 1856 года Таганрогу вручалась высочайшая грамота «за победу над неприятелем», Ивану Ивановичу была оказана честь командовать парадом войск, специально собранных по этому поводу в Таганроге.⁴⁴

После окончания Крымской войны Иван Иванович был назначен окружным генералом 4-го военного округа Войска Донского. Среди наград И.И. Краснова, полученных им за боевые заслуги, известны: ордена Святого Георгия 4 степени, Святого Станислава 1 степени, Святой Анны 1 степени, орден Белого Орла и некоторые другие. Его биограф, характеризуя заслуги Ивана Ивановича, писал: «Одинаково искусно владея и саблею, и пером, будучи храбрым вождём и искусным администратором, Иван Иванович был вместе с тем гуманнейшим и образованнейшим человеком».⁴⁵

Сын И.И. Краснова **Николай Иванович Краснов**, отец известного атамана и писателя, родился 17 января 1833 года.⁴⁶ Окончив 1-й Кадетский корпус в Петербурге, с 1851 года в чине прапорщика служил в лейб-гвардии донской батарее. В 1855 году он окончил Николаевскую Академию Генерального штаба. В том же году, уже будучи сотником, перевёлся из Петербурга в Таганрог, в 3-ю Донскую конно-артиллерийскую батарею, защищавшую Таганрог от англо-французских войск.

12 Июля 1855 года, проведя предварительную разведку акватории и установив вешки, английская канонерская лодка «Джаспер» на полном ходу вошла в Таганрогский

залив. Англичане не знали, что донские рыбаки, видевшие установку англичанами вешек, переставили их с глубоких мест на мелкие. «Джаспер», ориентируясь на опознавательные знаки «взбежал на мель на самых сильных парах, так что ни в коем случае сам не мог сняться».⁴⁷

Когда об этом стало известно И.И. Краснову, он велел из охотников (добровольцев) 74 Донского полка сформировать отряд для снятия пушек с «Джаспера»: в число добровольцев вошёл и Николай Иванович. Вместе с казаками он на лодках подошёл к «Джасперу», снял пушки и другое ценное оборудование. Англичане, видя это, открыли по своей лодке огонь из мощных корабельных орудий и после усиленного обстрела потопили её. Гибель «Джаспера» воодушевила защитников Таганрога, придав им новые силы для отражения натиска неприятельского десанта.

Н.И. Краснов в дальнейшем участвовал в отражении всех попыток англичан и французов захватить Таганрог. После того, как враг окончательно ушёл с таганрогского рейда, и угроза захвата города миновала, Николай Иванович был отправлен отцом в действующую в Крыму армию, где состоял ординарцем при военном губернаторе графе Толстом.

После окончания Крымской войны его опять откомандировали в Петербург, а в 1860-1862 годах он преподавал военные дисциплины в Новочеркасской гимназии. Через год в составе 5-й кавалерийской дивизии генерала Козлянинова Николай Иванович принял участие в подавлении восстания поляков. Он отличился в бою под Порецком, заняв город с небольшим отрядом казаков. За это дело он был награждён орденом Святой Анны 3 степени с мечами.⁴⁸ С начала октября 1864 года Краснов в чине капитана состоял офицером для особых поручений при начальнике Главного управления казачьих войск.⁴⁹

Стремясь помочь братскому болгарскому народу освободиться от турецкой зависимости, 12 апреля 1877 года император Александр II подписал манифест об объявлении войны Турции. На поля сражений с турками отправилось 53 Донских казачьих полка и 24 отдельные Донские батареи.⁵⁰

Н.И. Краснов тоже отправился на войну. В качестве командира одного из казачьих полков третьей очереди он занимал позиции на австрийской границе.⁵¹ После окончания войны Краснов вернулся в Главное управление казачьих войск. Затем он последовательно занимал должности начальника межевого и статистического отделения и члена комитета казачьих войск в качестве представителя Войска Донского.⁵²

Краснов посвятил Главному управлению и тесно связанным с ним казачьим войскам лучшие годы своей служебной деятельности. При нём было проведено много весьма существенных законодательных вопросов, в разрешении которых он принимал самое живое участие до самой своей отставки. Он внёс большой вклад в развитие межевого и статистического дела в Войске Донском и других казачьих войсках, подготовил множество военно-статистических материалов. В течение четверти века на нём лежала крайне ответственная тогда обязанность составления для царя всеподданнейших отчётов по Главному управлению. За всё время своей службы Николай Иванович пользовался неизменным уважением и любовью своих сослуживцев.⁵³

В конце 1891 года Н.И. Краснов вышел в отставку по возрасту и вскоре поселился в Таганроге, где помнили его самого и отца его с памятных дней обороны города в 1855 году от англо-французских войск. Вместе с тем, даже в это время Николай Иванович «принимал близкое участие в местных делах в качестве почётного мирового судьи. Особенно памятна его деятельность в неурожайные годы, когда он являлся одним из первых, приходивших на помощь страдавшему от недорода местному населению».⁵⁴

Одним из выдающихся представителей донской дворянской фамилии Красновых

Донские казаки Красновы

является **Андрей Николаевич Краснов** (1862-1914) — учёный-естествоиспытатель, один из основоположников экологического направления в естествознании и географии. Первоначальное образование будущий учёный получил дома, а затем — в 1-й Петербургской гимназии. Ближайшим другом Краснова-гимназиста стал Владимир Вернадский, впоследствии великий русский и советский учёный, академик и основоположник геохимии, биогеохимии и радиогеологии. Юный Андрей сам выращивал цветы, составлял гербарии, собирал коллекции насекомых и записывал наблюдения в тетрадь. Коллекция насекомых, собранная Андреем Николаевичем ещё в детстве, оказалась столь значительной, что много лет спустя он смог передать её в один из биологических кабинетов Харьковского университета.⁵⁵

Но, кроме того, А.Н. Краснов много читал, писал даже стихи. Биографы Краснова отмечали и его способности в изучении иностранных языков. «Классическими языками он владел блестяще, читал в подлинниках греческих и римских классиков: Геродота, Тацита, Цезаря, Ливия, Вергилия, Овидия и многих других. Во время экскурсий по Карелии Андрей часто вступал в разговоры и настолько изучил язык, что перевел в стихах с финского на русский язык «Калевалу». Он мог свободно разговаривать на немецком, французском и английском языках».⁵⁶

По инициативе Краснова гимназисты стали выпускать рукописные иллюстрированные журналы, где Андрей Николаевич был редактором и автором сначала небольших очерков о насекомых, потом литературно-критических и исторических статей. Вместе с Вернадским Краснов всерьёз изучал историю борьбы римлян с галлами, начал брать уроки музыки. Потом вошёл в гимназический кружок, который сначала занимался шахматами, а затем стал критически разбирать литературные произведения. Андрей Николаевич очень увлекался тогда Некрасовым и, подражая ему, продолжил в том же духе поэму «Кому на Руси жить хорошо». По рукам товарищей ходили поэмы Краснова «Два казака» и «Элли и Маати». Первая из них была посвящена осаде Очакова, а вторая давала художественное описание водопада Иматра. В старших классах гимназист очень увлёкся ещё и языкознанием, особенно трудами Макса Мюллера.

Окончив гимназию в 1880 году с золотой медалью, А.Н. Краснов поступил в Петербургский университет, на естественное отделение физико-математического факультета. Краснов создал в университете «кружок маленьких ботаников», в котором бывали не только студенты-энтузиасты, но и известные в то время ботаники, среди них А.Н. Бекетов,⁵⁷ М.С. Воронин. Андрей Николаевич стал активным участником «Студенческого научно-литературного общества», сблизился с «Приютинским братством», разрабатывавшим идею усовершенствования личности, и вместе с Вернадским посещал кружок Калмыковой, из которого потом возникло известное книгоиздательство народнического направления «Посредник». Среди тогдашних друзей Краснова были Н.И. Кузнецов (впоследствии известный ботаник, член-корреспондент Академии наук СССР), Г.И. Танфильев (впоследствии основатель отечественного болотоведения), С.Ф. Ольденбург (впоследствии один из создателей русской школы индологии, академик), князь Д.И. Шаховской (в будущем известный земский деятель и публицист, один из лидеров кадетов и министр Временного правительства) и другие.⁵⁸

Летом 1882 года, ещё будучи студентом 2 курса, А.Н. Краснов участвовал в экспедиции с целью естественно-исторического изучения Алтайского горного округа, обследовал Бийский округ, Катунские белки и Бухтарминскую долину, собрал свыше 750 видов растений. А в 1883-1884 гг. новая экспедиция — геоботанические исследования Симбирской и Новгородской губерний под личным руководством В.В. Докучаева, который высоко оценил работу Краснова.⁵⁹ Тогда же, в 1884 году, А.Н. Краснов представил на тему о ботанике труд «О происхождении чернозёма», получив золотую медаль.⁶⁰

В 1885 году он блестяще окончил университет и был оставлен в нём для «приготовления» к профессорскому званию. Летом того же года Краснов совместно с геологом и географом И.В. Мушкетовым⁶¹ исследовал в геоботаническом отношении калмыцкие степи Астраханской и Ставропольской губерний.⁶² За изучение калмыцких степей Андрей Николаевич удостоился звания действительного члена Русского географического общества и его серебряной медали. В следующем году он отправляется в экспедицию по изучению ледников Хан-Тенгри с инструкцией, составленной И.В. Мушкетовым и П.П. Семёновым-Тяншанским, исследует природу Балхаша, сыртов Хан-Тенгри и южных склонов Тянь-Шаня, до него никем не изучавшихся. На водоразделе Сыр-дарьи и Таримы учёный открывает новые ледники, один из которых называет именем Мушкетова, взбирается на пик Хан-Тенгри, долго считавшийся самой высокой вершиной Тянь-Шаня. В экспедиции было пройдено 3700 вёрст. Результатом явилась коллекция растений в 1200 видов, собранная Красновым нередко там, куда не ступала нога человека. Он публикует несколько работ, сдаёт магистерский экзамен и отправляется в поездку по Западной Европе. Здесь Краснов изучает растительность ледниковых областей швейцарских и французских Альп, спускается в кратер Везувия, осматривает неапольский аквариум с его панорамами. В германской столице избирается действительным членом Берлинского географического общества, участвует в Международном геологическом конгрессе в Лондоне, знакомится с выдающимися учёными, работает в ряде научных центров и напряженно трудится над своей диссертацией.⁶³

18 Марта 1889 года А.Н. Краснов, защитив диссертацию на тему «Опыт истории развития флоры южной части Восточного Тянь-Шаня», стал магистром ботаники. Диссертация получила золотую медаль Русского географического общества.⁶⁴ В том же году А.Н. Краснов в возрасте 27 лет, по рекомендации В.В. Докучаева,⁶⁵ А.Н. Бекетова и ещё четырёх профессоров был назначен на должность экстраординарного профессора по кафедре географии Харьковского университета, производил ботанические исследования в Полтавской губернии. В 1890 году он вместе со студентами совершал экскурсии по Сванетии (на Кавказе), чем положил в России начало географических экскурсий, которые и сам затем повторял со студентами.

Осенью того же года Андрей Николаевич побывал в Северной Америке, проехав от Нью-Йорка до штата Утах. За это время он участвовал в Международном геологическом конгрессе в Вашингтоне, где выступал с докладом о почвах южнорусских степей, за что был избран членом washingtonского Геологического общества. По окончании конгресса совершил путешествие по Америке, посетив Чикаго, прерии, Солёное озеро, Иеллоустонский парк, Ниагару, мексиканские степи.⁶⁶

Весной 1892 г. на собственные средства Краснов совершил кругосветное путешествие с научными целями. Путь пролегал через Стамбул, Красное море, Цейлон, Сингапур, Японию, Индонезию, Китай и Сахалин. Наконец исполнилась детская мечта Андрея Николаевича: он попал в тропики. О результатах путешествия Краснов писал в официальной докладной записке:

«Коллекции, мною собранные, состоят из:

- 1. 350 фотографий типов народов, посещённых стран и ландшафтов...*
- 2. более 2000 видов растений Сахалина, Явы и Японии, из коих, по моим наблюдениям, должно быть до 5% новых, ещё не описанных видов;*
- 3. полной коллекции почв девственных лесов... и соответственных им изменений в северных странах, равно как и всех типов сахалинских почв;*
- 4. коллекции продуктов извержения японских и яванских вулканов и горных пород острова Сахалина;*
- 5. коллекции типов кораллов и снимков различных стадий образования коралловых островов;*

Донские казаки Красновы

6. коллекции семян тропической зоны Явы;

7. продуктов изменения горных пород в пустынях побережий Красного моря».

Вернувшись из путешествия, А.Н. Краснов приступил к подготовке диссертации на степень доктора географии. Она была издана в 1894 году под названием «Травяные степи Северного полушария» и содержала в законченном виде новую теорию о роли рельефа в развитии степей. Краснов пришёл к выводу, что существование травяных степей обусловлено топографическими, а не климатическими и геологическими причинами. Защита диссертации, происходившая в том же году в Московском университете, вызвала сильную полемику с Красновым, в которой участвовали Д.Н. Анучин,⁶⁷ И.Н. Горожанкин,⁶⁸ К.А. Тимирязев,⁶⁹ А.П. Павлов,⁷⁰ но диспут закончился присуждением Андрею Николаевичу докторской степени. Это была первая в России защита докторской диссертации по географии, а Краснов стал первым в стране доктором географии. Вскоре он был избран ordinарным профессором.⁷¹

В 1895 году А.Н. Краснов отправился в новое кругосветное путешествие, длившееся около года и пролежавшее через Египет, Индию, Цейлон, Китай, Японию, Гавайские острова, США, Мексику, Италию и Германию. Вернувшись, Андрей Николаевич опубликовал двухтомную работу «Чайные округа субтропических областей Азии» и прекрасные популярные очерки, объединённые затем в книгу «Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного путешествия». «Двенадцать даров Востока», привезённые экспедицией, — чай, мандарины, хурма, строевой бамбук, рами, ямс, таро, леспедза, масляное, лаковое, восковое и бумажное деревья, — были посажены в виде опыта недалеко от Батуми, в удельном имении Чаква.⁷²

С 1906 года А.Н. Краснов развивает идею создания на самом юге Кавказского побережья акклиматизационного ботанического сада, который проложил бы путь к превращению заболоченной Колхиды в цветущий край цитрусовых садов, чайных и бамбуковых плантаций. В 1912 году профессор Краснов подаёт в отставку и покидает Харьков. В возрасте 50 лет он уходит с созданной им кафедры географии, отходит от преподавательской деятельности, которой отдал лучшие годы, и, несмотря на подорванное здоровье, переезжает в край с совершенно иными климатическими условиями, где часто свирепствовала малярия.

Краснов просил правительство выделить под ботанический сад сто десятин земли в выбранном районе Батуми, но эта земля принадлежала царской семье. Удалось лишь добиться соизволения Николая II на обмен 65 десятин на равноценный участок казённой земли. Андрей Николаевич разработал подробный и оригинальный проект сада, который должен был состоять из шести отделов: Америки, Японии и Дальнего Востока Азии, Гималаев и тропических гор, Чили, Австралии и Новой Зеландии. В 1912 году Краснов был назначен директором ботанического сада, избран товарищем председателя Батумского ботанического общества и редактором журнала «Батумский сельский хозяин», тотчас переименованного в «Русские субтропики».⁷³

Ещё в 1911 году А.Н. Краснов писал: *«Задачею Батумского ботанического сада должна быть более широкая, чем та, которую брали на себя ботанические сады тропиков. Влажный субтропический климат Батума есть климат давно минувших геологических эпох. Большая часть тропических растений вымерла, другие изменились в современные флоры тропического мира и формы умеренного и холодного поясов. Немногие формы древней тропической флоры сохранились лишь в субтропических странах вокруг Тихого океана, далеко разбросанные друг от друга. Ботанический сад Батума может их вновь заставить, как в старину, расти друг возле друга, давая возможность посетителю его ходить в той обстановке, в какой*

*из первичных млекопитающих формировались ныне живущие породы животных и людей».*⁷⁴

Андрей Николаевич Краснов задумал Батумский сад как ботанико-географический, ландшафтный, акклиматизационный. По своему глубокому содержанию, оригинальному замыслу, по своеобразию территории сад не должен был походить на ботанические сады Европы.⁷⁵

3 Ноября 1912 года состоялось торжественное открытие ботанического сада, давнишняя мечта Краснова становится реальностью. Сразу же начинается работа по закладке сада. Нередко работают не только днём, но и ночью при свете прожекторов. Как будто зачарованный своей идеей Краснов с исключительной для его возраста и здоровья энергией и настойчивостью весь отдается ей, её воплощению, в смутном страхе, что дни его сочтены.⁷⁶

Здоровье А.Н. Краснова тем временем быстро и резко ухудшалось. В Батуми Андрей Николаевич трудился уже, будучи, в сущности, тяжело больным. Уговоры беречь себя совершенно не действовали — напротив, мысль о возможном близком конце заставляла учёного использовать каждый час. В 1913 году, показывая жене и дочери свой сад, Краснов на аллее кипарисов неожиданно сказал: «Это аллея к моей могиле, здесь я буду лежать, я не расстанусь с садом!»⁷⁷

Летом 1914 года учёного уговорили всё же ехать на лечение во Францию, но начавшаяся мировая война заставила его спешно вернуться на Родину. К Батуми подошёл турецкий флот, и Краснов вынужден был уехать в Тбилиси, терзаемый беспокойством за судьбу своего детища. 29 Ноября в Кавказском отделении Русского географического общества он сделал доклад, в котором заявил: «Я глубоко верю, что не пройдёт и 10 лет, как наше Батумское побережье станет в Европе как бы живою выставкою природы и культур всех влажных субтропиков. Оно станет предметом удивления и восхищения всех приезжих не только из России, но и из лишённых этой природы стран Западной Европы».⁷⁸

19 Декабря 1914 года Андрея Николаевича не стало. Гроб с телом учёного перевезли, согласно его завещанию, в Батумский ботанический сад. Ещё при жизни он выбрал место для своей могилы высоко над морем, с видом на Чакву и горы, в конце тенистой аллеи, у двух увитых лианами одиноко стоящих над обрывами тополей.⁷⁹ Краснову было пятьдесят два года, он находился в расцвете творческих сил.

Средний сын Николая Ивановича Краснова, **Платон Николаевич** родился 5 апреля 1866 года. Окончил 1-ю Петербургскую классическую гимназию и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, курс которого с отличием завершил в 1888 году. По окончании учёбы был оставлен для подготовки к профессорскому званию, и в следующем году сдал экзамен на степень магистра чистой математики. Но преподавательская деятельность не привлекла Платона Николаевича, и он поступил на государственную службу, сначала по военному министерству, а впоследствии перешёл в министерство путей сообщения, где состоял вплоть до 1910-х годов.⁸⁰ Краснов стал видным железнодорожным деятелем и среди прочего участвовал в разработке тарифных вопросов. К началу Первой мировой войны, постепенно продвигаясь в чинах, он был произведён в действительные статские советники.⁸¹

С ранних лет у Платона Николаевича появилась страсть к словесности, и ещё в восемнадцатилетнем возрасте он начал литературную деятельность, поместив в журнале П.И. Вейнберга «Изящная литература» несколько своих стихотворных переводов из Ленау, Лонгфелло и Томаса Мура. В год окончания университета началась и журнальная деятельность Краснова: в «Неделе» появились его первые статьи по вопросам среднего и высшего образования. В этом же издании, а также в журнале

«Труд» помещал критические статьи по новейшей русской литературе.⁸² Среди его литературно-критических и историко-литературных работ много статей, книга «Граф Л.Н. Толстой — великий писатель земли русской в портретах», изданной в павленковской серии «Жизнь замечательных людей», книга «Анной Сенека, его жизнь и философская деятельность». П.Н. Краснов превосходно знал несколько языков, в том числе древних, и в «Журнале Министерства народного просвещения» помещал переводы древних поэтов, в особенности Тибулла. Позже отдельными книгами вышли переводы «Письма Сенеки к Люцинию» и «Размышлений» Марка Аврелия. Переводил также много новых поэтов, и в 1901 году опубликовал книгу «Из западных лириков», в которой поместил в своём переводе стихи Бодлера, Верлена, Малларме, Мюссе, Готье, Гюго, Ламартина, Парни, Гейне, Лонгфелло, Мура, Андерсена, Мицкевича, Петефи. Здесь же были переводы из Платона, Катуллы, Овидия, Горация, Проперция, Марциала.

Увлекался Платон Николаевич, главным образом, лирикой, но иногда переводил стихи с острым социальным содержанием. Так, в переведённом им стихотворении французского поэта Ришпена «Тот голоден, другой, и тысячи, и сотни...» речь идёт о богаче-демагоге, после завтрака обещающем голодным беднякам райскую жизнь на том свете. Перевёл Краснов и «Протест» Ленау, в котором автор заявляет, что не желает воспевать «деспотов-князей» и что его рука скорее отсохнет, чем он начнёт славословить сильных мира сего.⁸³

С 1896 года П.Н. Краснов выступает в качестве писателя и публициста по экономическим вопросам и специально по железнодорожному делу, публикует свои работы в «Новостях», «Торгово-промышленной газете» и «Вестнике финансов». В числе трудов этого рода необходимо упомянуть «Сибирь под влиянием железнодорожного пути», помещённый в «Экономическом обозрении» за 1902 год. С 1900 года Платон Николаевич состоит сотрудником «Нового мира», где помещён целый ряд критических очерков по современной литературе, стихотворений, заметок по общественным вопросам и т. п. Наиболее крупными его статьями в «Новом мире» являются философские очерки «О благах жизни», печатавшиеся в 1900 году.⁸²

В 1914 году исполнилось 25 лет службы Платона Краснова, который, как отмечал известный журналист М.О. Меньшиков, «по своей скромности уклонился от... юбилея его государственной службы, весьма, как слышно, почтенной». «Одновременно математик, классик, критик, поэт — согласитесь, для казака... любопытное превращение», — удивлялся тот же автор.⁸³

Подводя итоги первой главы, можно сказать, что предки П.Н. Краснова были храбрыми воинами и умелыми военачальниками, принимавшими участие во всех войнах России II половины XVIII-XIX вв. Кроме того, Красновы принимали активное участие в общественной и политической жизни Дона и России. Многие представители этой известной на Дону фамилии были к тому же ещё талантливыми учеными и публицистами. Но это тема отдельной статьи.

Используемая литература и комментарии:

¹Маркедонов С. Казачество Дона: диалог цивилизаций. // История и культура народов Степного Предкавказья и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1999. С. 104.

²Королев В.Н. Старые Вешки: повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1992. С. 191.

³ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. Л. 17.

⁴Королев В. Н. Старые Вешки: повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1999. С. 192.

⁵ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. Л. 17.

⁶Там же.

⁷ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. Л. 17.

⁸ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. Л. 17.

- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. Л. 18.
- ¹² А. В. Суворов: документы. М., 1951. Т. 2. С. 563.
- ¹³ ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. Л. 17.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Л. 18.
- ¹⁶ Там же. Л. 20.
- ¹⁷ ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. Л. 20.
- ¹⁸ Цит. по: Королев В. Н. Старые Вешки. С. 207
- ¹⁹ Королев В. Н. Указ. соч. С. 207.
- ²⁰ Лютенсков В. М. Указ. соч. С. 219.
- ²¹ Там же.
- ²² Ровинский Д. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1887. Т. 1. Стлб. 1125.
- ²³ Казачьи войска. Справочная книга императорской Главной квартиры. Составил В.Х. Казин. СПб., 1912. С. 89.
- ²⁴ ГАРО. Ф. 341, оп. 1, д. 1, л. 309.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ГАРО. Ф. 341, оп. 1, д. 1, л. 309.
- ²⁷ ГАРО. Ф. 341, оп. 1, д. 1, л. 309.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ ГАРО. Ф. 341, оп. 1, д. 1, л. 309.
- ³⁰ Королев В. Н. Указ. соч. С. 212.
- ³¹ Там же.
- ³⁴ Богаевский Л. В. Краснов Иван Иванович // Донцы XIX века. С. 211.
- ³⁵ Богаевский Л. В. Краснов Иван Иванович. С. 211.
- ³⁶ Королев В. Н. Указ. соч. С. 212.
- ³⁷ Там же. С. 213.
- ³⁸ Богаевский Л. В. Указ. соч. С. 212.
- ³⁹ Наш край: документы по истории Донской области. Ростиздат, 1963. С. 124.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Наш край... С. 125.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. С. 128-129.
- ⁴⁴ Наш край... С. 135.
- ⁴⁵ Наш край... С. 135.
- ⁴⁶ Наш край... С. 125.
- ⁴⁷ Там же. С. 138.
- ⁴⁸ Богаевский Л. В. Указ. соч. С. 214.
- ⁴⁹ Донцы XIX века. С. 220.
- ⁵⁰ Лунин Б. В. Очерки истории Подонья-Приазовья. /Ростиздат, 1951. Кн. 2. С. 194.
- ⁵¹ Попов И. П. Краснов Николай Иванович // Донцы XIX века. С. 221.
- ⁵² Сыны степей донских. /Ростиздат, 1973. С. 106.
- ⁵³ Попов И. П. Краснов Николай Иванович. С. 227.
- ⁵⁴ Там же. С. 221.
- ⁵⁵ Королев В. Н. Указ. соч. С. 236.
- ⁵⁶ // Исторический вестник. 1900. Т. 82. С. 375.
- ⁵⁷ Королев В. Н. Указ. соч. С. 256.
- ⁵⁸ Королев В. Н. Указ. соч. С. 257.
- ⁵⁹ Бекетов Андрей Николаевич (1825-1902) — ботаник-эволюционист, один из основоположников морфологии и географии растений, основатель научной школы. Почётный академик Петербургской АН. Дед А.А.Блока. Автор первого русского учебника «География растений» (1896).
- ⁶⁰ Королев В. Н. Указ. соч. С. 259.
- ⁶¹ Там же. С. 260.

Донские казаки Красновы

⁶² Богачев В. В. Краснов Андрей Николаевич // Донцы XIX века. С. 207.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Мушкетов Иван Васильевич (1850-1902) — ученый-геолог. Родился в станице Михайловской Земли Войска Донского в дворянской семье. Окончил Новочеркасскую классическую гимназию, Горный институт в Петербурге. В 1876 г. в составе экспедиции исследовал Златоустовский горный округ. В 1884 г. вёл комплексные исследования районов Нижнего Дона и Маньчжунских соляных озёр. Профессор Санкт-Петербургского Горного института, являлся почётным членом Венского географического общества, председатель физического отделения Императорской Академии наук. Редактировал журнал «Записки Российского императорского географического общества». Читал лекции в столичных историко-филологическом и инженеров путей сообщения институтах, а также на высших женских курсах Лесгафта. Автор более 150 научных книг и статей. Лауреат Макарьевской и Константиновской научных премий. Его классический труд «Физическая геология», изданная в двух томах в 1888 и 1891 гг., был переведён на многие европейские языки. Известны его книги «Туркменистан» (в 2-х томах), посвящённая геологическому описанию этого края, и «Горное и заводское дело», посвящённая описанию Памира и Златоустовского горного округа. В 1910-1912 гг. вышло его собрание сочинений в 2-х томах. Имя учёного присвоено горной вершине Забайкалья, трём ледникам на Памире, вулкану в бассейне р. Витим (всего 16 названий).

⁶⁵ Королев В. Н. Указ. соч. С. 260-261.

⁶⁶ Бейлин И. Г., Парнес В. А. Андрей Николаевич Краснов. М., 1968. С. 52.

⁶⁷ Докучаев Василий Васильевич (1846-1903) — учёный-естествоиспытатель. Профессор Петербургского ун-та. Автор классического труда «Русский чернозём» (1883), заложившего основы генетического почвоведения. Основатель первой в России кафедры почвоведения (1895). В книге «Наши степи прежде и теперь» (1892) изложил комплекс мер по борьбе с засухой.

⁶⁸ Королев В. Н. Указ. соч. С. 267.

⁶⁹ Анучин Дмитрий Николаевич (1843-1923) — учёный-антрополог, географ, этнограф и археолог. Академик и президент (с 1890) Петербургской АН. Основал российскую школу географов. Автор классических трудов по этнической антропологии и антропогенезу, этнографии и первобытной археологии.

⁷⁰ Горожанкин Иван Николаевич (1848-1904) — учёный-ботаник. Профессор Московского ун-та. Основатель сравнительно-эмбриологического направления в русской ботанике и научной школы морфологов растений. Автор классических трудов по оплодотворению у зелёных водорослей и голосеменных растений.

⁷¹ Тимирязев Климент Аркадьевич (1843-1920) — учёный-естествоиспытатель, один из основоположников русской научной школы физиологии растений. Академик РАН. Профессор Московского ун-та. Автор классических научных трудов по механизму фотосинтеза, физиологическим методам исследования растений. Автор книги «Жизнь растения».

⁷² Павлов Алексей Петрович (1854-1929) — учёный-геолог, основатель московской научной школы. Академик Петербургской АН (с 1916), АН СССР (с 1925). Автор классических научных трудов по стратиграфии, палеонтологии, геоморфологии и истории геологии.

⁷³ Королев В. Н. Указ. соч. С. 267-268.

⁷⁴ Там же. С. 269.

⁷⁵ Королев В. Н. Указ. соч. С. 271.

⁷⁶ Краснов А.Н. Батумский ботанический сад и его значение для Кавказа и России // Русская мысль. 1911. Кн. X. Отд. IV.

⁷⁷ Бейлин И. Г., Парнес В. А. Указ. соч. С. 191.

⁷⁸ Талиев В. И. Профессор А. Н. Краснов как учёный. / В сб. «Профессор Андрей Николаевич Краснов». Харьков, 1916. С. 46.

⁷⁹ Бейлин И. Г., Парнес В. А. Указ. соч. С. 205.

⁸⁰ Королев В. Н. Указ. соч. С. 273.

⁸¹ Бейлин И. Г., Парнес В. А. Указ. соч. С. 208.

⁸² Богаевский Л. В. Краснов Платон Николаевич // Донцы XIX века С. 232.

⁸³ Королев В. Н. Указ. соч. С. 251.

Александр Голубев

МЫСЛИ ЛАСТЯТСЯ БОСЫЕ...

Дождь отшумел. Заря легла на крыши.
В траве намокшей одинокий след.
Над нами притаился третьим лишним
прозрачный, будто стёклышко, рассвет.
Смеёшься ты: «Я до смерти устала
в полыни одичавшей путь торить,
а тут, на грех, заколки растеряла,
и что я маме буду говорить?»
В тиши росистой каждый отзвук ясен.
Счастливых дум и нежности полна,
глядишь ты, как на стёжку сонный ясень
созревшие роняет семена...
Спасибо, друг!
Так на исходе мая,
проклюнув небушка несмятый шёлк,
задно жаворонок рассыпает
признаний первых трепетный восторг.
Он знает точно: Солнце есть на свете,
и, если крылья суждено обжечь,
за дерзость он согласен быть в ответе
и пеплом верности в степные травы лечь.

«У меня Родина есть... Тихий Дон», — говорит поэт Александр Голубев, лауреат Всероссийских литературных премий имени Михаила Шолохова и «О казаках замолвим слово».

Уроженец хутора Краснояровского, что неподалёку от станицы Еланской Ростовской области. Окончил Воронежский педагогический институт и московский Литературный институт им. Горького. Много лет трудился на сельской газетной ниве, был на комсомольской и партийной работах. Сегодня он — автор книг, изданных в Воронеже и Москве, секретарь правления Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации. В течение почти двадцати лет возглавлял воронежский литературный журнал «Подъём», сейчас он — заместитель главного редактора этого журнала.

Прожитое и пережитое в его стихах.

Сведения о поэте взяты из интервью П. Чалого. Редколлегия.

Мысли ластятся босые...

Ты зачем спешишь, дорога,
в дальний край –
логом, пыльным и пологим,
через молочай?
Я спешу судьбе навстречу
экий год.
К вишне
в платье подвенечном,
там, где поворот.
Где у речки
с тёмным руслом,
возле хат,
ранен был
солдат безусый
много лет назад.
Лесом, полем и поляной
всё бегу...
Может быть,
живым застану,
может, помогу.

На душе несладко ныне.
Вот дела...
Бродят лошади в низине.
Зной...
перепела...
Никнут травы луговые,
даль во мгле.
Мысли ластятся босые, –
кто я на земле?
На суровой и жестокой –
столько лет –
всё вопросы да уроки,
а итога нет.
Но итог придёт, я знаю.
И тогда
поселюсь на небе с краю
робко,
навсегда.
Сердцу грустно и несладко –
жизнь в цене.
Невзначай вздохни украдкой,
вспомнив обо мне.
Бродят лошади в низине,
листьев дрожь...

Лето в самой середине,
попеваает рожь...

КАШАРЫ

По левадам цветут подсолнушки,
в речке узенькой синь-вода...
Как живёшь ты под русским солнышком,
украинская слобода?
Петухи здесь у самых сенцев
носят зори на гребешках. –
Кукарекают с полотенец,
и дерутся на рушниках.
Пахнет степью в беленых хатах,
где душицей усыпан пол...
Мне бы доньку чью-то сосватать, –
может, счастье б я здесь нашёл?
Я покамест ещё не старый,
и зачем мне считать года,
если есть на земле Кашары –
удивительная слобода!

Луговой дорогой –
вдоль оврага...
Здравствуй, Русь,
лазоревый мой край!
Снова зорька
медовухой-брагой
хмельно
поливает иван-чай.
А над ним –
смущённо, как любовник,
что изведал тайный миг
впервой, –
огневой и заспанный
шиповник
кутается в листья
с головой...

Луг родины моей... Лесная песня.
И если худо станет мне,

Мысли ластятся босые...

я только там смогу воскреснуть,
оставшись с ним наедине.

Там добрый филин шумно правит волю.
А в тёмный час под сенью верб
в озёрной сини, как в подоле,
спит месяца холодный серп.

Луг родины моей... Желанный лекарь,
позволь, на миг я дух переведу.
Я завтра – хоть в огонь и в пекло,
но нынче, братец, отведи беду.

Луг родины моей... Моё прозреньё,
к тебе уж поседевший, наяву,
бреду, как странник, с ношею сомненья.
Скажи мне прямо: так ли я живу?

...Но далеко у Дона, в синих копнах
густой туман клубится до утра,
и в летних росах сиротливо мокнут
некошенные клевера.

Лебяжий яр – откос сыпучий.
Реки уснувшей пережат.
Я вдаль смотрю – седой и скучный,
как будто в чём-то виноват.

А в чём – и сам ещё не знаю.
Душой озябшею скорбя,
как лютый грешник, горько каюсь
и не могу казнить себя.

Судьбу, казак, не переспоришь.
Порвал – так заново не сшить.
Стою, как Мелехов Григорий,
и вроде некуда спешить.

Вода журчит на перекате,
былых надежд считая дни...
Мой тихий Дон,
мой добрый батя,
оборони!
Оборони...

Павел Малов

ИЗ-ЗА ДОНА ПЕСНЮ ВЫВЕДУ...

«Государственный ансамбль песни и пляски Донских казаков»: история становления, выдающиеся имена, путь к успеху

На улицах предновогодняя праздничная суета. Декабрь, уверенно перевалив на вторую половину, наконец-то за столько лет порадовал ростовчан выпавшим снегом и лёгким морозцем.

Миная Крепостной переулочек, иду по Большой Садовой в сторону Театрального проспекта. Когда-то здесь возвышались крутые земляные валы редута Святого Андрея Первозванного крепости Дмитрия Ростовского. Справа — областная филармония. Кто из горожан не знает этого светлого двухэтажного здания, широкие проёмы окон которого всегда украшены яркими афишами! Но не всякому, наверное, известно, что здесь уже много лет работает ансамбль песни и пляски Донских казаков — творческий коллектив, очень популярный в стране и за рубежом. Это, можно сказать, — своеобразная творческая визитная карточка не только филармонии, но и всей области. Наряду с академическим театром драмы им. Горького, всем известным «трактором», и Кафедральным собором Рождества Пресвятой Богородицы у Центрального рынка, ансамбль Донских казаков — одна из главных достопримечательностей нашего города.

Вспоминаю начало девяностых. Не случайно, видимо, именно здесь, в здании областной филармонии, в ноябре 1990 года проходил первый съезд казаков Дона, решением которого была образована новая общественно-патриотическая организация — Союз казаков Области Войска Донского — и избран атаманом сын М.А. Шолохова, Михаил Михайлович. Кстати, он тоже, как и его отец, великий писатель Донской земли, очень любил слушать старинные хоровые казачьи песни. А они здесь, в концертных залах, звучат часто.

Государственный академический ордена Дружбы народов ансамбль песни и пляски Донских казаков имени Анатолия Квасова — один из ведущих коллективов Ростовской областной филармонии. Создан в далёком 1936 году решением президиума Азово-Черноморского Краевого исполнительного комитета. Только, в те времена коллектив назывался несколько иначе: «Доно-Кубанский казачий хор».

Малов Павел Георгиевич, кандидат в члены Союза писателей России, прозаик, публицист. Выпускник Литературного института им. Горького. Автор двух книг прозы. Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

Из-за Дона песню выведу...

Известно, что первоначально ансамбль состоял всего из 50 артистов, включая двух баянистов-аккомпаниаторов. Первым его руководителем был Н.С. Иванов. В последствии казачий хор возглавляли известный на Дону музыкант, заслуженный артист Армянской ССР В.А. Никольский и балетмейстер Е.Л. Секержинский.

С первых же дней своей деятельности хор донских казаков не сидел на месте, был коллективом мобильным, разъездным. Известие о начале войны застало артистов на гастролях. В Ростов они вернулись нескоро: закружили донцов лихие фронтовые пути-дорожки, о которых поётся в популярной песне военных лет.

Два раза наш город захватывали фашисты, Ростов бомбили, обстреливали из дальнобойных орудий. Он выстоял и по праву носит почётное звание «Город воинской славы». Вся страна встала против гитлеровских захватчиков. Десятки тысяч донских, кубанских и терских казаков сражались с врагом в рядах кавалерийских частей Красной Армии. И «Доно-Кубанский казачий хор» был в общем строю. Только воевал он не на передовой, с шашками наголо, как строевые казаки кавалерийских полков, — в минуты отдыха между боями он песней воодушевлял воинов на ратные подвиги.

Как только Красная Армия разгромила окружённую в Сталинграде группировку фельдмаршала Паулюса и освободила город, — туда сразу же для укрепления боевого духа наших войск, направили казачий хор. Артисты разделились на две фронтовые бригады и ещё несколько месяцев колесили по разбитым дорогам войны с концертами. А 1945 год был ознаменован для коллектива не только всеобщей радостью — великой победой над врагом, но и важным гастрольным событием: выступлением в зале имени Чайковского в Москве. В дальнейшем концерты в престижных московских залах были не редкость. На сцену Кремлёвского Дворца «Доно-Кубанский казачий хор» тоже выходил, и не однократно. Правда, как участник больших «сборных» концертов.

«Из-за Дона песню выведу...»

Наиболее продолжительный период в творческой биографии хора в 50-е – 60-е годы художественным руководителем был заслуженный артист РСФСР П.И. Лысоконов, балетмейстером — заслуженный артист РСФСР С.А. Книжников.

В 1969 году Министерство культуры СССР принимает решение о реорганизации «Дона-Кубанского казачьего хора». Дело в том, что в это время по зарубежным странам с большим успехом гастролирует казачий хор под руководством Сергея Жарова, основанный им в 1921 году в лагере для беженцев из Крыма Чиллингире возле Константинополя. Шумный успех «белогвардейского» казачьего хора, видимо, и послужил поводом для преобразования существующего в Ростове-на-Дону творческого коллектива донских казаков, который уже не соответствовал необходимому художественному уровню и поставленным задачам. Е.А. Фурцева поручает заслуженному деятелю искусств Башкирской АССР, профессору, заведующему кафедрой хорового дирижирования института им. Гнесиных А.А. Юрлову подобрать достойную кандидатуру из студентов старших курсов на должность художественного руководителя ансамбля донских казаков.

Нынешний директор знаменитого коллектива Наталья Николаевна Шепелева вспоминает об этом так: «Это уже почти легенда о том, как министр культуры СССР Фурцева стукнула однажды кулаком по столу и потребовала, чтобы наши Донские казаки затмили и мастерством, и славой эмигрантский хор донских казаков Сергея Жарова. А наши к тому времени так широко раздвинули границы репертуара, что стали исполнять уже и «Грёзы» Шумана, и романсы, и чуть ли не «Подмосковные вечера»...»

В 1970 году хор стал официально называться «Ансамблем песни и пляски Донских казаков». Художественным руководителем ансамбля назначен молодой студент 5 курса отделения руководителей народных хоров института им. Гнесиных Анатолий Квасов.

Родился Анатолий Николаевич в Краснодарском крае: отец, Николай Степанович Квасов, был дорожным рабочим, мать, Валентина Антоновна, работала в системе обслуживания. Путь Анатолия Квасова в народное творчество был непрост. Детство в казачьей станице... Страстная любовь к народной песне, привитая одарёнными родителями, не сразу привела его к профессиональной музыке. В школьные годы Толик Квасов мечтал стать лётчиком. Но не сложилось. После окончания горно-металлургического института Анатолий работал горным инженером на шахтах Донбасса и Кавказа, учился на вечернем отделении Владикавказского училища искусств. Музыка манила, будоражила воображение, и вот неожиданное решение — дирижёрское отделение музыкального училища, а затем и Ленинградская консерватория. Потом — Москва, институт имени Гнесиных. Там он с головой окунается в атмосферу народного пения, которую впитывал с младенческих лет. До конца своих дней Анатолий Николаевич останется предан народной песне, великому культурному наследию донских казаков.

Анатолий Квасов больше всего ценил в людях доброту, честность, обязательность. Лучшим подарком считал добрые слова. Любил творчество Пушкина и Чехова, музыку Рахманинова, фильмы с актёром Сергеем Юрским. Увлекался живописью, туризмом. У них с женой Раисой двое детей: сын Дмитрий (1974) — ныне программист, и дочь Валентина (1976) — танцовщица.

В процессе творческого роста Анатолий Квасов — заслуженный деятель искусств РСФСР (1979), лауреат государственной премии РСФСР имени Глинки

Из-за Дона песню выведу...

(1982). В 1998 году удостоен звания народного артиста России, в 1999 году награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством».

Став художественным руководителем ансамбля, Квасов определил новую творческую направленность коллектива. В её основу были положены народно-песенные традиции Донского края.

«Ансамбль Донских казаков — не фольклорный коллектив, а коллектив профессиональный, основанный на казачьем фольклоре, воплощённом в сценической форме», — любил повторять Анатолий Николаевич. Сохраняя лучшие качества казачьего фольклора, формируя лицо коллектива, Анатолий Квасов приобрёл известность и широкую популярность. Впрочем, как и сам ансамбль.

Большое внимание уделял он построению концертной программы, важная

А.Н. Квасов

составляющая которой — динамическое, сквозное развитие. Квасов понимал, что условия сцены — особые. Народная песня из естественного существования попадает в сценическую атмосферу, и здесь она должна как бы вписаться в заданные условные рамки подмостков сцены, стать ещё более выразительной и не утратить своих первозданных качеств. Песня должна жить, затрагивать чувства слушателей.

Квасов заставил хор двигаться, создавать театрализованные картинки, использовать различные хореографические приёмы: «приплясывания», «коленца», характерные для донской традиции. Был создан

единый сценический образ — обязательно темноволосые казаки с аккуратно собранными в шлычку волосами, а казаки с пышными чубами, подкрученными усами. Как-никак — бравые донцы. Не шутка! Анатолий Николаевич ввёл в оркестр духовой состав, что способствовало красочной оркестровке и выразительности звучания.

С приходом в ансамбль Квасова, определилась принципиально новая творческая направленность коллектива — пропаганда подлинно народного творчества наших земляков, донских казаков. Воистину, кипучая энергия молодого руководителя вдохнула свежую творческую струю в жизнь ансамбля. Работа над новыми программами началась с изучения народно-песенного творчества Донского края. Были организованы фольклорные экспедиции во многие станицы и хутора нашей области, где ещё сохранился казачий уклад и память о далёких, легендарных предках. Из многочисленных поездок сотрудники ансамбля привезли сотни записанных на бумаге и плёнке казачьих песен. Началась кропотливая работа по их расшифровке, тщательному отбору наиболее ярких, пригодных для концертного исполнения. Бережное отношение к наследию донских казаков, их

фольклору, дали возможность людям услышать подлинно народное творчество в его своеобразном хоровом распеве, ощутить самобытность стиля и манеры казачьего исполнения. Популярность коллектива не осталась незамеченной в столице, в 1974 году была осуществлена первая запись программы ансамбля Донских казаков на фирме «Мелодия». Впоследствии пластинки выходили в 1979, 1980 и 1992 годах. Всего ансамбль осуществил 4 грамзаписи, которые содержат более шестидесяти лучших песен концертного репертуара.

Наталья Николаевна Шепелева хорошо помнит то кипучее, бурное время: «Над имиджем обновлённого в 1970 году ансамбля Донских казаков трудились лучшие специалисты в области народного искусства, первый комплект костюмов разрабатывали и шили для них в Мариинском театре. В ансамбле пожелали работать лучшие артисты страны, для которых сразу же выделили сорок квартир... Говорят, что, посмотрев новую программу, Михаил Шолохов высказал одно пожелание: пусть больше будет лирических песен верховых казаков»...

Высокий профессионализм солистов и умелое управление руководящего творческого состава приносило ощутимые результаты. Ансамбль стал постоянным участником крупнейших фестивалей страны «Русская зима», «Московские звёзды», «Северное сияние» и других, а также крупных международных форумов культуры. В 1975 году на Всероссийском конкурсе профессиональных хоров ансамбль песни и пляски Донских казаков заслуженно занял первое место, в 1980-м — получил звание лауреата Ленинского комсомола, а в следующем году — снова первое место на конкурсе профессиональных хоров России. В 1985 году известный донской коллектив награждён «Золотой Пальмовой ветвью» на международном фестивале фольклора в Стамбуле.

Через год ансамблю по праву присуждён почётный Орден Дружбы народов. В этом же, 1986, году, к 50-летию ансамбля, выпущен фильм ТВ «Дон-ТР» «Из-за Дона песню выведу». К слову сказать, названием телефильма послужила строка из стихотворения «Запев» страстного любителя донской народной песни, казака станицы Семикаракорской, талантливого поэта, прозаика, актёра Бориса Куликова:

*Из-за Дона песню выведу,
По России поведу,
Голосистую, без выладу,
С подголосками в ладу!*

В дальнейшем документальные фильмы выходили неоднократно. К 60-летию творческого коллектива «Дон-ТР» сняла фильм «Ах, что ж это за гулянье», а в следующем, 1997, году, по заказу центрального телевидения Германии, вышел фильм режиссёра Уве Бельца «Тихий Дон» об ансамбле Донских казаков.

Наступили новые времена, которые, к сожалению, принесли и новые трудности, неожиданные проблемы. Наталья Николаевна Шепелева вспоминает об этом так: «В 90-е годы Донские казаки, которых, казалось, весь мир знал и с восторгом принимал, вдруг оказались невостребованными. Произошло то, что открылся «железный занавес», и в Европу хлынули на заработки бригады артистов-народников числом в 15-20 человек, а то и меньше, зачастую — непрофессионалы. При этом многие из них пользовались нашим раскрученным брендом, — писали на афишах: «Don Cossacks» («Донские казаки»).

Из-за Дона песню выведу...

Импресарио очень быстро смекнули, что публику, никогда не видевшую наш коллектив, ввести в заблуждение нетрудно, а с маленькой группкой вести бизнес куда выгоднее, чем с большим ансамблем. В то время многие предлагали Квасову перекроить программу, разбиться на бригады и тоже гастролировать за рубежом. Анатолий Николаевич такие авантюры категорически отвергал. Говорил, что разбить коллектив на группы легко, собрать всех и вернуться к настоящей серьёзной работе — трудно. Теперь очевидно, что его принципиальность спасла ансамбль»...

Как бы то ни было, интерес к народному казачьему творчеству в стране, к счастью, не пропал. И вот новое событие в жизни прославленного казачьего коллектива: в 1996 году ансамблю присвоено звание «Академический».

Ставя своей целью пропаганду подлинно народного творчества, коллектив ансамбля под руководством народного артиста России, лауреата Государственной премии им. Глинки, профессора А.Н. Квасова стремился к тому, чтобы репертуарные песни звучали не только как прекрасные памятники старины, но и как жизненное искусство сегодняшнего дня. Во многом артистам помогало и то, что песни, которые они исполняли со сцены, были очень популярны в повседневном быту, звучали во время праздников в донских станицах и на казачьих свадьбах. Их не забывали простые, нетитулованные песенники из народа, передавая по наследству из поколения в поколение. Концертные же формы исполнения, не нарушая гармонии и совершенства народного музыкального искусства, создавали ему широкую массовую популярность.

Ансамбль песни и пляски — форма синтетическая, где хор, танцевальная группа и оркестр составляют одно гармоническое целое. И всё же, говоря о коллективе, хочется выделить в первую очередь хор, поскольку именно он настоящий лидер: его выступления — драматургический стержень, который как бы скрепляет все остальные номера программы, даёт концерту определённый эмоциональный настрой, является его своеобразной движущей силой.

Кто хоть раз слышал и видел выступление хора, непременно отмечал высокую культуру исполнителей, их музыкальность, вкус, чувство стиля. Гибкость, подвижность голосоведения хорового коллектива просто поражают. Много добрых слов можно сказать о мастерстве певцов и певиц, умеющих из каждой песни создать яркую картину народной жизни.

Монументальные исторические песни, былины, песенные циклы, объединённые общей тематикой, песенные «веночки», состоящие из величальных, хороводных и гулебных свадебных песен, шуточные, лирические, военные составляют основу концертных программ Донских казаков.

Вокально-хореографические композиции в репертуаре ансамбля являются той формой концертного действия, которая наиболее удаётся коллективу и обеспечивает постоянный зрительский успех. Одной из характерных черт концертной программы ансамбля Донских казаков является сочетание исторической достоверности и художественной правды.

Танцевальные номера программы создавались с учётом характерных особенностей хореографической культуры Дона. Кроме чисто фольклорной программы, репетировались сюжетные танцы, посвящённые страницам героического прошлого и настоящего жителей Дона, казаков. Кого не взволнует, не взбодрит лихая казачья пляска с саблями, наряженных в старинные живописные одежды

донцов! В целом действие напоминает разгульную вольницу Стеньки Разина после знаменитого Персидского похода «за зипунами», по-русски широко празднующую победу над «басурманами». Музыкальное сопровождение танца соответствующее — удалая, зажигательная, захватывающая мелодия не даёт устоять на месте и зрителям. Не оставляет их безучастными. Так и подмывает, забыв про всё, пуститься в лихой казачий перепляс с шашкой наголо. Невообразимо заломленные набекрень овчинные папахи с длинными разноцветными шлыками, широченные шаровары, поскрипывающие сапоги участников придают особый шарм красочному фольклорному действу.

А вот сценка из сравнительно недавнего прошлого: из времён Великой Отечественной или Гражданской войн. Казаки в щегольских кубанках на головах, в красных рубахах и синих шароварах с лампасами. В руках — неизменные шашки. Мелодия, вначале, когда на сцене мужчины, похожа на героический марш первоконников-будённовцев. Затем появляются казачки в нарядных голубых приталенных блузках, в длинных красных юбках, с большими расписными шальями на плечах, и музыкальное сопровождение меняется на плавное, размеренное, — подстать медленному, задумчивому течению Дона. Причём, если у казаков

Сочи. Олимпиада. 2014 год

основной атрибут танца — шашка, то у казачек — цветная шаль, которой они мастерски манипулируют, держа руками за оба конца. Получается очень красиво, ритмично и грациозно.

В подготовке танцевальных номеров принимали участие известные мастера хореографического искусства: народный артист СССР М. Годенко, народный артист РСФСР А. Хмельницкий, лауреат Всесоюзного конкурса балетмейстеров В. Копылов, заслуженный деятель искусств Кабардино-Балкарии Г. Гальперин и многие другие.

Директор ансамбля Наталья Николаевна Шепелева вносит на этот счёт пояснение: «Что касается казачьих народных плясок, то их, как таковых, не было. Не существовало. Но балетмейстеры сумели внести в рисунок танцев ансамбля такой донской колорит, что они воспринимаются теперь, как народные. И это не в последнюю очередь благодаря включению в танец трюковых элементов и

Из-за Дона песню выведу...

использованию казачьих клинков. Кстати, ребята рубятся по-настоящему. Поэтому клинки должны быть жёсткими. Мы делаем их на заказ, из «военной» стали. Но это и придаёт артистам азарт. Во время гастролей в Японию мы пять часов провели на таможне из-за того, что наши клинки арестовали. Трудные были переговоры, но мы убедили японцев: только с такими клинками и могут быть пляски настоящих Донских казаков»...

Все концертные программы ансамбля представляют единый комплекс непрерывного развития, в котором каждый номер как бы вытекает из предыдущего и концерт в целом воспринимается, как единое действие.

Зажигательные, красочные программы ансамбля донцов пользуются большим успехом не только в России, но и за рубежом, во время гастрольных поездок. Ансамбль Донских казаков восторженно принимали во многих странах

Европы, Азии, Африки и Америки. Гастрольная биография коллектива очень обширна: Япония, Южная Корея, ЮАР, Китай, Болгария, Польша, Чехословакия, Франция, Германия, Дания, Швеция, Австрия, Бельгия, Швейцария, Турция, Шотландия, Венгрия, Испания, Португалия и другие страны. О впечатлениях, что произвели зарубежные гастроли ансамбля песни и пляски Донских казаков на публику и профессиональную критику, можно судить по заголовкам рецензий, появившихся, например, в американской прессе: «Русская труппа ошеломляющая» (Саракьюз, 1976 год), «Казачьи великолепны» (Сафферан, 1976 год), «Танцоры ослепили

зрителей» (Мертбич, 1976 год). А вот высказывания германских критиков: «Ансамбль с Дона в своём творчестве обращается к музыкальным, танцевальным традициям казаков. Их двухчасовая программа была заполнена народными мелодиями и создала яркую и чарующую атмосферу этого вечера» («Ганновереше альгемайне-цайтунг», 1978 год). И наконец: «Когда поют мужчины, то создаётся впечатление, что звучит сама земля, когда же вступает женский хор, то будто вода и ветер проносится над той землёй, что создаёт образ самих степей. Этому ансамблю следует приезжать почаще...» (газета «Стайл», 1990 год).

С 1973 года, когда ансамбль впервые побывал за границей — в Народной Республике Болгарии, где дал 8 концертов, — и по настоящее время казачий коллектив посетил уже 27 стран. Многие — неоднократно. В общей сложности провёл около семисот концертов за рубежом. Последняя поездка была в ноябре 2013 года в Гонконг, где проходил международный фестиваль.

Коллектив — участник многочисленных программ и мероприятий, проводи-

мых под эгидой министерства культуры России и министерства культуры Ростовской области. В их числе: Всероссийский фестиваль национальных культур (Москва), международный фестиваль «Самарская осень» (Самара), фестиваль «Екатеринодарский майдан» (Краснодар), концерты в отдалённых районах Ростовской области (Обливский, Морозовский), выступления в районных центрах, станицах и сёлах Дона. Среди них Егорлык, Неклиновка, Самбек, Мечётинская, Шолоховка, Весёло-Вознесенка, Петрушино, «Гигант» и другие. Концерты прошли с большим успехом.

Ансамбль Донских казаков — коллектив, представляющий профессиональное народное искусство. Он постоянно выезжает на международные фольклорные фестивали в Испанию, Францию, Словению, Венгрию, Японию. Участие в праздниках фольклора даёт творческий заряд ансамблю для осуществления новых концертных постановок и решения главной задачи — сохранения и развития традиционного народного искусства.

Творческий процесс в коллективе организуют высокопрофессиональные специалисты. Долгие годы главным хормейстером ансамбля была заслуженная артистка России Раиса Ивановна Квасова, верная помощница художественного руководителя Анатолия Квасова...

Как вспоминает Наталья Николаевна Шепелева: «С лёгкой руки Раисы Ивановны Квасовой возникла у Донских казаков традиция. Вот ансамбль, отправляясь на гастроли, садится в автобус, и первый фильм, который артисты смотрят в дороге, — тот, классический «Тихий Дон». Квасовы вообще очень любили Шолохова и дорожили его мнением. В коллективе рассказывают, что именно Михаил Александрович дважды, так сказать, принимал «боевое крещение» Донских казаков. Сначала — ещё того, «Доно-Кубанского хора», потом, спустя 35 лет, словно родившегося во второй раз — ансамбля песни и пляски»...

Но вернёмся к истории знаменитого коллектива — она очень насыщена событиями. В 2000 году сделаны новая постановка вокально-хореографической композиции «Сельские вечера на Дону», танцевального номера «Перепляс». Совместно с Академическим симфоническим оркестром Ростовской филармонии, хор ансамбля исполнил «Три русские песни» С.В. Рахманинова. В 2002 году ансамбль Донских казаков принимает участие в международном фольклорном фестивале в Словении.

Не секрет: сценическая жизнь артиста, его творческая биография — это, к сожалению, короткий период, связанный и с его внешностью, и с физическими данными. Состав постоянно обновляется. На смену маститым, поднаторевшим в своём деле корифеям приходит зелёная молодёжь, перенимая опыт, сценическое мастерство, традиции. За 75 лет в ансамбле Донских казаков выступали более тысячи артистов. Их имена — гордость коллектива, они у всех на слуху.

Прекрасные музыканты, неоднократные лауреаты конкурсов России, международных состязаний и фестивалей А. Данилов и В. Семёнов были приглашены А. Н. Квасовым в качестве солистов. Много лет их безупречная игра украшала программу ансамбля. Сегодня Александр Степанович Данилов — народный артист России, профессор, ректор Ростовской консерватории им. С. В. Рахманинова. Вячеслав Анатольевич Семёнов — народный артист России, профессор, ведущий педагог Российской академии музыки им. Гнесиных.

Из-за Дона песню выведу...

Людмила Александровна Мельниченко, заслуженная артистка России, профессор, прошла творческий путь от артистки хора до главного хормейстера ансамбля, в котором проработала более 23 лет. В настоящее время она — художественный руководитель ансамбля «Фольк-стиль».

Украшением хора до сих пор остаются Мария Одинцова — заслуженная артистка России, Зинаида Скрыльникова, Надежда Солодовник, Ольга Коваленко. Огромный вклад в историю ансамбля внесли прекрасные солисты хора Александр Вараксин, Георгий Горшенёв, Анатолий Верховодов, Владимир Шлыков, Александр Разгуляев, Эдуард Май. Их пение будоражило души слушателей, восхищало до слёз.

Артистка балета Ольга Абжалимова

Период с 2003 по 2007 год стал очень насыщенным в жизни прославленного донского коллектива. Весной 2003 года ансамбль принимал участие в фестивале культуры в г. Донецке (Украина), в сентябре в — Луганске. С 3 июля по 31 августа 2003 года Донские казаки блеснули мастерством на Международном фольклорном фестивале на Пиренеях. Более 40 коллективов из разных стран съехались на этот праздник. В течение всего периода ансамбль с успехом выступил во многих городах Франции и Испании (Этен, Веден, Аруди, Базас, Олорон, Лурд, Тараскон, Най, Хихон, Хака, Авилес и других). Концерты ансамбля проходили на

площадях и улицах городов, более 50000 зрителей смогли познакомиться с творчеством Донских казаков, 42 концерта состоялось во время этого фестиваля.

В сентябре 2004 года ансамбль принимал участие во Всероссийской агропромышленной выставке в Москве. В связи с празднованиями в 2005 году 60-летия Победы, ансамбль дал многочисленные концерты в Ростовской области. Участвовал во Всероссийском фестивале «Славянская письменность» в Новочеркасске, в фестивале «Шолоховская весна» в станице Вёшенской, в праздновании в Москве в Большом театре 100-летия со дня рождения своего великого земляка — М. А. Шолохова.

В 2007 году коллектив постигла тяжёлая, невосполнимая утрата: ушёл из жизни народный артист России, лауреат Государственной премии им. М.И. Глинки, профессор Анатолий Николаевич Квасов.

Несмотря на столь печальное событие, концертный сезон 2007 года был очень активным и плодотворным. В январе, в рамках программы федерального агентства о поддержке русскоязычного населения в странах Балтии, состоялись

гастроли ансамбля Донских казаков в Эстонии, в городе Таллинне. После концертов коллектив был приглашён в посольство России в Эстонии на торжественный приём, где прозвучали самые тёплые слова благодарности от посла и сотрудников российского посольства. В марте, продолжая сотрудничать с федеральным агентством, ансамбль принял участие в фестивале российской культуры в Турции (город Маниса). Благодаря поддержке Министерства культуры Ростовской области, по программе обслуживания сельских районов Донские казаки выступили в Белокалитвенском, Весёловском, Тарасовском районах, в городах и станицах Ростовской области (Таганроге, Зернограде, ст. Старочеркасской, Звереве, Зимовниках и других). В июне ансамбль принимал участие в фестивале искусств имени Михаила Ивановича Глинки в Смоленске. Выступления Донских казаков прошли на бис в Концертном зале смоленской городской филармонии и в селе Новоспасском — на родине великого композитора. В августе коллектив донцов участвовал в праздновании юбилея известного донского писателя Анатолия Вениаминовича Калинина, которому исполнился 91 год. Концерты ансамбля состоялись на родине писателя в хуторе Пухляковском. В сентябре донцы показывали класс на фестивале «Мир Кавказу», который собрал хоровые коллективы в городе Волгограде.

В 2008 году ансамбль Донских казаков провёл репетиции нескольких новых постановок, которые с успехом вошли в концертную программу: танец «На Майдане», «Кумовья», хореографическая зарисовка «Как турецкая сабля, твой стан» и другие. Коллектив был участником многочисленных концертных выступлений, связанных с приёмами официальных правительственных делегаций, а также международных форумов, проходивших в Ростове. В марте принимал активное участие в праздновании 100-летия со дня рождения писателя Виталия Александровича Закруткина. С большим успехом прошли концерты в Ставрополе и Новороссийске.

8 Июля 2008 года распоряжением губернатора Ростовской области ансамблю песни и пляски Донских казаков присвоено имя Анатолия Квасова.

Если говорить о концертном сезоне 2009 года, то, прежде всего, хочется отметить выступления ансамбля, с большим успехом прошедшие за пределами Ростовской области — в городах Вологда, Череповец, Иваново, Кострома, Мытищи, Ступино, Подольск, Тула, где коллектив побывал впервые за 20 лет. В октябре ансамбль Донских казаков участвовал ещё в одном фестивале «Мир Кавказа», проходившем на этот раз в республике Ингушетия. Здесь двум участницам коллектива, Т.М. Нерубальской и А.В. Поздняковой, было присвоено почётное звание заслуженный артист Ингушетии».

Сезон 2010 года открылся с больших зарубежных гастролей по Испании и Португалии. С огромным успехом ансамбль дал 25 концертов в Барселоне, Мадриде, Сарагосе, Бильбао, Лиссабоне, Порто и других городах. А в сентябре Донские казаки приняли участие в международном фестивале в Китае.

Сезон 2011 года начался с подготовки к празднованию 75-летия со дня основания ансамбля. В рамках юбилейных мероприятий, благодаря поддержке губернатора В. Ю. Голубева и министерства культуры Ростовской области, ТВ «Дон-ТР» и каналом ТВЦ созданы документальные фильмы об истории ансамбля, выдающихся артистах и руководителях, современных гастрольных буднях. Издана юбилейная книга, пошиты концертные костюмы.

В сентябре 2011 года, при поддержке министерства культуры и администрации Ростовской области, ансамбль песни и пляски Донских казаков отметил

свой 75-летний юбилей большой концертной программой, которая проходила в Государственном Кремлёвском Дворце в Москве.

И опять своими воспоминаниями делится Наталья Николаевна Шепелева:

«Вообще в летописи ансамбля Донских казаков упоминания о выступлении в престижных московских залах — далеко не редкость. На сцену Кремлёвского Дворца они тоже выходили. Как участники больших «сборных» концертов. А вот «сольник» в его стенах — впервые. Всё-таки — очень большая сцена. Не только в переносном, но и в самом прямом смысле слова. Однако, подумали наши артисты, если на ней работали такие коллективы, как Кубанский казачий хор или хор имени Пятницкого, то почему ансамблю Донских казаков не взять эту высоту?»

И, конечно же, — взяли! Тем более, в свой юбилей.

При поддержке администрации Юго-Восточного административного округа г. Москвы, в рамках юбилейных мероприятий состоялись красочные, костюмированные постановки в зале АЗЛК, в столичном кинозале «Ханой». Ансамбль казаков участвовал в фестивале «Москва — станица казачья» в спортивном комплексе «Лужники», дал концерт в городе Московском. В октябре 2011 года прошли праздничные выступления ансамбля в городах Ростовской области, и состоялся заключительный юбилейный концерт в Ростовском музыкальном театре. В конце года гастрольные юбилейные выступления коллектива Донских казаков прошли во многих городах Краснодарского края, а также в Ставрополе и Черкесске.

23 Декабря ансамбль принял участие в концертной программе, посвящённой праздничному приёму в Кремле Президента Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева.

2012 Год начался очень активно, в феврале состоялись концерты в Краснодаре, Майкопе, Ессентуках. 22 Февраля ансамбль Донских казаков стал участником заключительного концерта Всероссийского фестиваля «Казачий круг», который проходил в Москве в Большом театре. В апреле творческий коллектив был приглашён для участия в Российском фестивале кино и театра «Амурская Осень». Торжественное открытие фестиваля, посвящённого 200-летию Бородинского сражения, прошло в Государственном Кремлёвском Дворце 16 апреля. Ансамбль представил вокально-хореографическую сюиту «1812 год». Костюмы для этого номера были специально изготовлены к юбилею ансамбля.

Помимо значимых концертов, Донские казаки много гастролировали по Ростовской области. В мае коллектив принял участие в праздничных мероприятиях, посвящённых Дню Победы, на Театральной площади Ростова и в Музыкальном театре. Участвовал в фестивале дней культуры России в Японии. Этот фестиваль уже 5 лет регулярно проводится в Японии под патронажем правительства Российской Федерации. С большим успехом прошли концерты в Токио, Нарите, Осаке, Нагано, Ниигате. В августе ансамбль Донских казаков выступал на Всероссийском фестивале «Все мы — Россия», который состоялся в Саранске. Значительным событием для Ростовской области стал Всемирный Конгресс казаков, активное участие в котором принимал и ансамбль с Дона. Запоминающимся было выступление коллектива 21 сентября, когда на открытии осеннего сезона со сцены областной филармонии торжественно прозвучал «Гимн Тихому Дону» (слова и музыка Николая Колесникова).

31 января 2013 года состоялся концерт, где было представлено несколько но-

вых концертных номеров. Выступление открывала вокально-хореографическая композиция «Вспомним всех героев Дона», прозвучал романс на слова уроженца станицы Старочеркасской, поэта Николая Туроверова «Уходили мы из Крыма»:

*Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня;
Я с кормы – всё время мимо –
В своего стрелял коня.*

В ходе программы хор исполнил «Отче наш». Также зрители увидели новый танец «Озорница»... Осенью, 4 сентября 2013 года, в столице донского казачества городе Новочеркасске, в день празднования Донской иконы Божьей Матери, более 3500 казаков спели хором и установили своеобразный рекорд России. Государственный ансамбль песни и пляски Донских казаков им. А. Квасова принял активное участие в этом масштабном, зрелищном мероприятии. Величаво и гордо звучал на площади Ермака гимн донского казачества на слова Фёдора Ивановича Анисимова:

*Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв свободы он.*

Дух патриотизма, верности Отечеству, народу, православным традициям сплотил всех собравшихся в единое целое, зажгёт сердца огнём христианской любви, взаимопонимания, братства...

Артист хора Александр Писков

В настоящее время художественным руководителем ансамбля песни и пляски Донских казаков является Александр Буйвол, главным хормейстером — Татьяна Орлова, хормейстером — Татьяна Савченко, главным балетмейстером — заслуженный артист Северной Осетии Виктор Алексеенко, балетмейстером — Дмитрий Коваленко, руководителем оркестра — известный на Дону музыкант Виктор Шевченко.

В коллективе работают талантливые солисты, среди них яркие самобытные певцы — Дарья Ксыкина, Ольга Коваленко, Роман Романов, Алевтина Кошельникова, виртуозные музыканты — Юрий Стасенков, Иван Нижников, Сергей Перлик, танцоры — Елена Абраменко, Виктория Слезова, Владимир Бакаляр, Андрей Кочура, Василий Глебов и многие другие.

Сезон дождей

Сейчас в составе ансамбля выступают 104 человека, из них 4 заслуженных артиста России, 10 заслуженных деятелей Всероссийского музыкального общества. Ежегодно коллектив пополняют молодые кадры. Репертуар ансамбля насчитывает свыше 500 песен.

Что касается планов на будущее, то директор Наталья Николаевна Шепелева воздушных замков не строит: «Звучные названия престижных концертных площадок мира, вроде парижской «Олимпии» или нью-йоркского «Карнеги-холла» — это хорошо, но больше мы мечтаем о другом. Когда вскоре после вступления в должность губернатор Василий Юрьевич Голубев позвонил нам, поинтересовался, как живём, и попросил передать ему список того, что необходимо для продуктивной работы, мы не ожидали, что реакция последует так быстро. Нам купили автобус, прекраснейшую звуковую аппаратуру, пошили концертные костюмы и репетиционную форму. Нам сделали подарок, о котором мы и не мечтали, — «солнышко» в Кремле. Это окрыляет. Но есть множество проблем, которые, наверное, должны для таких коллективов решаться на федеральном уровне. А самая главная из них — дотации на гастроли по стране. Чтобы выступить ансамблю Донских казаков по всей России, подтверждая название (а оно — как звание) визитной карточки Дона»...

Подводя итог всему вышесказанному, хочется акцентировать, что верное служение самобытному народному искусству Дона — залог успешного движения прославленного коллектива по большому нелёгкому, но всегда благородному пути к миллионам человеческих сердец. Впереди у Государственного академического ордена Дружбы народов ансамбля песни и пляски Донских казаков им. Анатолия Квасова, несомненно, яркое будущее, большие творческие планы, в новом сезоне интересные гастроли в Китае и Чехии, многочисленные выступления в городах России и Ростовской области. Ансамбль растёт и развивается, радуется зрителей новыми концертными номерами.

Калининград, 2013 год. Фестиваль «Территория мира»

Николай Скрёбов

НЕ ДАЙ МНЕ БОГ...

Сонеты

Беспечных дней весёлая растрата
Под ливень проливной, под ярый зной –
И вот уже зияет желтизной
За буйство неизбежная расплата.

Ах, лето, лето, в чём ты виновато?
Тебя пронзает календарь сквозной,
Сам по себе не добрый и не злой,
Но молодость в нём старостью чревата.

Встречая запоздалую зарю,
Минувший звонкий день благодарю
И осень узнаю по всем приметам.

Подвластно в мире всё календарю,
И я по сентябрю, по октябрю
Бреду своим состарившимся летом...

Не дай мне Бог пустого ожидания
Чужих похвал, посулов и щедрот.

Николай Михайлович Скрёбов, выдающийся донской поэт, член Союза писателей СССР (1962), Союза российских писателей. В 1996 году Н.М. Скрёбову было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Окончил филологический факультет Харьковского государственного университета в 1956 году. Автор 26-ти поэтических сборников. Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

Не дай мне Бога...

Пусть будет всё как раз наоборот –
Готов платить пожизненную дань я

За каждое случайное свиданье,
За бред, с трудом преодоленный вброд,
За мой лукавый, непослушный рот,
Улыбками снискавший оправданье...

Уже спокойной совести не быть,
А внешним хладнокровьем не убить
Боль памяти о суетном тщеславье.

Я был таким, как был, и жил, как жил,
И должен всем, кто мною дорожил, –
Об этом долге я забыть не вправе.

Нам не хватает времени порой
Припомнить не свершившееся чудо,
Которое, свалившись ниоткуда,
Как в детстве, увлекало нас игрой.

Вот лёгкий взмах – и ты уже герой,
На помощь устремившийся кому-то,
Кому внезапно где-то стало худо...
Спеши, спаси, от бедствия укрой!

Но чудесам не суждено свершенья,
И вся игра – игра воображенья,
И подвиг твой не нужен никому...

Всё канет в безвозвратное забвенье,
Но выпадет в осадок сожаленье,
Не внятное ни сердцу, ни уму.

Прислушайся, как шепчется листва
О той голубизне, что всех превыше,
Как ждёт от небосвода торжества,
Хотя сама уже на ладан дышит.

Пока надежда всё ещё жива
На благосклонность поднебесной крыши,
Сама себя баюкает – колышет,
Произнося беззвучные слова.

Но нет возврата к прежней благодати,
И с холодом уже не совладать ей,
А небосклон склоняется к зиме.

Уже студёный ветер наготове
И шёпот оборвать на полуслове,
И вороха надежд предать земле.

Как выть, когда по-волчьи не хочу,
А если захочу, то не сумею,
Хоть опыт, к сожалению, имею
И к ленточке на финиш волочу.

Она подобна светлому лучу,
Я, как с надеждой, породнился с нею –
Вот всё, что мне осталось, одолею
И с облегчённым вздохом замолчу.

Выть иль не выть – ещё один вопрос,
Решаемый при том же волчьем вое
Не по своей, по чьей-то чуждой воле
За недостатком времени – всерьёз.

Пока с души не сняты полномочья,
Терзается она и воет молча.

Увидеть и забыть. На год, на два
В покое отгоревшее оставить,
Не мучить остывающую память
Наперекор законам естества.

Лишь искорка мелькнёт едва-едва,
Но перед тем, как угасать и таять,
Вдруг начинает воск забвенья плавить,
И, как в угаре, – кругом голова.

Всё, что забыл, причудливым узором
Внезапно возникает перед взором,
Потупленным в сознании вины.

О том, что всё случилось бы иначе,
Заходится душа в безмолвном плаче...
Но эти слёзы миру не видны.

Крутояр

Окончание

Дорогой читатель!

Год 2015 впервые в нашей стране объявлен годом литературы, что совпало со знаменательным юбилеем классика русской литературы Михаила Александровича Шолохова – 110-летием со дня его рождения. Рубрика «Крутояр» будет постоянно публиковать произведения на эту, важную для донской литературы, тему, и потому мы ждём от Вас новых работ, посвящённых Году литературы, М.А. Шолохову и Донскому краю. Редколлегия.

Клавдия Павленко

НИКТО НЕ ОДИНОК

Подкараулила простуда, –
И днём не мёд, и ночью худо.
Лежать лежмя показано,
Чтоб справиться с заразою...
И я лежу. Лекарства пью.
Читаю. Что-нибудь жую...
Уже микстуры выпиты,
Пора забыть о гриппе-то!
Но худо мне и худо. –
Поможет только чудо:
Ты на диван мой сядешь
И по щеке погладишь...

Бывало и раньше, – болело сердечко.
Но так, как теперь, – никогда.
Само не проходит, не лечит «аптечка»...
Что делать, в мои-то года?!
Ну, сколько той жизни!.. Наелась пирожных,
Слезу коньяком запила,
Добавила с горя три кекса творожных...
Неделю почти проспала.
Очнулась. – В окошко стучится сорока...
Подруга, «родное плечо»,

Павленко Клавдия Ивановна, член Союза писателей России, поэт. Автор поэтических сборников «Не оставляй меня одну», «Смотреть на дорогу», «Ах эти шаткие мосты». Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

Никто не одинок

Готовит окрошку: «Вставай, лежебока»!
Смеюсь. А глазам – горячо.

Давненько не было
бессонницы!..
Пришла некстати,
как всегда.
Настигла в полночь,
своевольница,
И не уходит никуда.
Мигают звёздочки
точёные –
С бессонницею
заодно.
И сквозь ресницы ёлок,
чёрные,
Луна тарачится
в окно...
Окрашен мир прозрачной
краскою
Вокруг озябших
фонарей,
И льётся ночь
смолою вязкою,
Сзывая злых
и добрых фей.
...Блуждаю, вязну
в сонных омутах
Среди подушек-
одеял. –
Струится свет
в уютных комнатах
Из тёмных окон
и зеркал...

Вырву с корнем сорную траву
И сожгу.
Всё, что было, прошлым назову, –
Я смогу.
Чёрный дым развеет ветерок
Вдоль дорог...
Смерти нет. Никто не одинок. –
С нами Бог.

Алексей Глазунов

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Миниатюры

Сука

Дед Саня жил на даче и зимой. Каждое утро он приходил к автобусной остановке. Дождавшись приезда автофургона «Хлеб», покупал хрустящую, горячую булку и возвращался домой завтракать. Как-то раз увязалась за ним маленькая собачка, почти щенок, она ни на шаг не отставала от старика — из сумки дразнил её запах свежего хлеба. Дед не отгонял собачку, наоборот, отломив ей уголок от булки, впустил во двор. Его пёс издох месяц назад.

Зима была холодной. Дед собачку не привязывал и по-доброму ворчал: «Э-э, цуцыня, бегай, резвись, зима покуда. А весной — на цепь!»

Через два месяца у молодой суки появились четверо щенят. Голые, слепые, они копошились, попискивали, дрожали от холода. Дед иногда поил собаку молоком, приговаривая: «Выхаживай-выхаживай своих первенцев, мамашка». Собака ластилась, тянула кверху морду, делала пробежки по двору. А однажды дед заметил, что два щенка издохли. «Эх, ты, сука-сука, не уберегла. Куда ж ты смотрела, тютя?» — ругался дед Саня. Забрал затихшие комочки и вынес в дальний угол двора.

Ночью был сильный мороз, и по утрам дед решил утеплить собачью будку соломой: «Скотина — она и есть скотина. Какие там у неё мозги? Какая там у неё душа, к чёрту?» Дед нагнулся к будке: на него глядели радостные, счастливые глаза суки. Она лизала двух копошившихся щенят и две подобные им ледышки, пытаясь их отогреть...

Алексей Глазунов, член Союза писателей России (2007), прозаик, поэт. Автор книг прозы и поэзии «В ожидании высоты» (1996), «На грешной земле» (2000), «Журавлик» (2005), «Вдвоём» (2008), «Чертополох» (2010). Победитель областных литературных конкурсов 1983 и 2008 гг. (им. В.А. Карпенко г. Волгодонск). Живёт и работает в Сальске Ростовской области.

Ночь

Ночью собака рвалась с цепи: у двора толпились хулиганы. В неё швырнули камнем. Взвизгнув, она вновь ринулась с лаем: ведь должны же выйти хозяева и поддержать её? Но никто не вышел. Может было лень, а может... Кто знает сколько там хулиганов?

Бусинка

Ранней весной за углом сельской плотницкой, под навалом брёвен, ощенилась маленькая чёрно-белая дворняжка Дамка. Четверо её щенят жалобно попискивали. Иногда выползали на свет белый из своего укромого закутка, но мамашка, ухватив их за холки, водворяла на прежнее место, рыча на проходящих мимо плотников. Через месяц щенята подросли и, весело тьявая, смело бегали вокруг плотни, кувыркались на весенней траве, обнюхивали закоулки двора.

Один малюсенький крепыш приглянулся пилорамщику Пашке. Он нежно взял в руки это крохотное, тёпленькое, вислоухое создание. Щенок был похож на шарик, а чёрная шерстка кучерявилась, как у ягнёнка. Он озорно мигал глазками и пытался лизнуть Пашку в лицо. Такой симпатюля!

Пашка принёс его домой. Маленькие дети — Владик и Маринка — были в восторге! И сразу придумали имя — Бусинка. Целыми днями они играли со щенком: вихрем носились по комнатам, с лёгкостью взбирались на постель, ели вместе за одним столом. Купали его шампунем и целовали. В доме круговертью метались визг, смех и звонкое тьяканье. Пашка с женой светились счастьем!

Прошла одна неделя, другая, третья... На Бусинку уже почти не обращали внимание. Дети вновь уселись за компьютер, за конструкторы, за куклы, а взрослые — за телевизор, за кроссворды... Только Бусинка, как и прежде, старалась привлечь к себе интерес: тьякала залиvisto и игриво, бегала за ходившими по комнате людьми. А когда Пашкина жена, споткнувшись о собачку, чуть не упала, решили отправить Бусинку жить во двор: на улице уже тепло и простора больше. Бусинку не привязывали, она свободно бегала по двору и беспричинно лаяла на кошек и на птиц. А ночью тоскливо и жутко подвывала. Может, ей было страшно?..

Ближе к осени Бусинка стала линять. Шерсть на собаке безобразно висла клоками. Когда сердяга пыталась прилечь к ногам взрослых или детей, её брезгливо отталкивали.

Заморосили дожди...

Как-то по утрам за Пашкой заехал на «Запорожце» напарник Петро. Им в соседнем селе, на ферме надо было ставить крышу. Выскочила Бусинка и у ног Петра стала подпрыгивать и повизгивать.

— Пошла вон! Тулится, блин...

— Да задолбала уже всех: и нас, и соседей, — недовольно высказался Пашка. — Гавкает без толку.

— Так завези её. Ты знаешь, сколько я поперевозил кошечек и собачек,

когда дети малые были?.. Давай её — в мешок.

— Да жалко как-то...

— Ничё! Пускай привыкает к самостоятельной жизни. Выпустим за селом — на вольные хлеба. Мышковать научится. Или пристанет к кому-нибудь...

За селом Бусинку вытряхнули из мешка. Она уселась на обочине, озираясь по сторонам и ёжась от ветра и мелкого дождя.

«Запорожец», пыхнув едким дымом, укатил...

Вечером напарники возвращались домой.

— Ты гля, сидит, — опешил от удивления Пашка. Заёрзал на сиденьи, глубоко вдохнул и выдохнул.

— Да ну её, — вставил Петро.

Проскочили. Пашка оглянулся. Собака сидела на том же месте, встречая и провожая взглядом бегущие мимо машины.

Через неделю плотники вновь засобирались в соседнее село. Выехали ни свет, ни заря. Позади уже окраинные дома. Пашка заволновался:

— Как ты думаешь, всё ещё сидит?

— Какой!.. Она, не жравши неделю, ждать будет?

На обочине всё там же сидела маленькая мокрая, дрожащая собака. И возможно, думала: как же она может уйти с этого места? А вдруг за ней приедут, а её нет?.. Будут искать, переживать... Они люди хорошие. Как замечательно все вместе играли, веселились, ели... Наверное у них дела, работа. Им пока некогда. Они не могут её забыть. Нет, надо ждать.

Пашка не выдержал:

— Давай заберём её, — проговорил он, дрогнув голосом.

— Чё ты засуетился? Не пропадёт. Ну ладно-ладно. На обратном пути. Если никуда не денется.

На крыше коровника Пашка прибил молотком палец, уронил доску, едва не сорвался сам. Плотники, суровые мужики, за словом в карман не лезут, наставили на путь истинный: знай не зевай!

На обратном пути он неотрывно, во все глаза, глядел на обочину. Кусал губу и шмыгал носом. На прежнем месте собаки не оказалось...

— Я говорил тебе, пристанет к кому-то! — козырнул Петро.

— Останови! Останови, я сказал! — Пашка распахнул дверцу и выскочил на улицу.

Прошёл вперёд, назад. Высматривал, приглядывался. Глаза мутились... Стал кричать:

— Бу-син-ка-а-а!!!

И вдруг навстречу выбежало замызганное отрепье, радостно разинув пасть.

— Бусинка, Бусинка, — повторял взволнованно Пашка.

Должно быть, сердце её от восторга готово было выскочить из пасти. Как она соскучилась! Как она ждала! Как она любит всех!

Запрыгнула в машину через открытую дверь, вся дрожа от счастья.

Она всё чувствует. Она всё понимает...

Шкет

Сидел я как-то у пруда с удочкой и подсекал бубырей. Подошёл бородатый дед с собачкой — обыкновенной лохматой дворнягой:

— Ловится?

— Да вон, мелкота, — указал я на ведёрко.

Заглянула в ведёрко и собака.

— Фу, Шкет! — осадил дед псину. — Раньше я думал дурная скотинка, — продолжал он, усаживаясь на траву. — Сидит этот барбос на привязи, лает без толку, та ещё и есть просит...

Пёс тонко и жалобно заскулил.

— Позже смекнул: у каждой животины достаточно мозгов, чтобы жить счастливо, — дед достал из нагрудного кармана бэчик и долго раскуривал. — И, значь, взял и отпустил своего «героя» на вольные хлеба. Бегаёт теперь по дачам, подкармливается. Сам себе генерал. Однажды смотрю: несёт в зубах за раз полбулки и пирожок. Это ж надо так додуматься? Чтоб не таскать поочерёдно жратву, запёр в пасть сразу всё. Пирожок был с ливером, свежий, почти никто не ел...

Солнышко припекало. Шкет, разинув пасть и высунув язык, часто дышал и неотрывно смотрел на воду.

— А то ещё: смотрю бежит мой Шкет, шо есть духу ко двору с колбасой, а за ним — два дачника под хмельком. Ругаются, камни кидают. Да токо мой пёс не из пугливых. Хорошая колбаса. А шо? Токо со стола...

Дед ласково погладил собаку между ушей. Загасил слюной окурочок.

— Вот такая разумная скотинка! Та это ещё шо... Это понятно: голод не сучка... в смысле не тётка. А то глядь: тащит мой Шкет резиновый коврик... Ну, от скажи, зачем он собаке? Если б тряпку волок — понятно: может, будку утеплить хочет? А коврик? Потом подумал-подумал... А шо? Вдруг хмары тай дожди?..

«Привирает дед», — подумал я.

Пёс сидя на траве, внимательно смотрел на поплавок. Клынуло. Он вскочил и в ожидании вытянул вперёд морду. Сорвалось. Шкет вновь уселся рядом.

Я поднялся и пошёл поразмяться вдоль берега. Оглянувшись, остолбенел: деда на прежнем месте не было, а Шкет с удочкой в зубах бежал что есть мочи к дачам!

Ну, вот и скажите, ну чем не характер? Всё сгодится в хозяйстве...

Геннадий Сазонов

ВОДА СО СВЕТОМ ЦЕЛОВАЛАСЬ...

КУБАНЬ

Янтарной гроздью винограда
Одарит щедрая Кубань...
А что ещё для счастья надо,
Когда скитаньям отдал дань!?

Всё в радость – солнце, звон цикады,
Узор горы и моря дно...
И наступает та отрада,
Когда и мир, и я – одно!

СУМЕРКИ

Густели сумерки, в исходе
День хмурый таял за холмом.
Река, простившись с половодьем,
Текла в величие немом...

Пора! Я взгляд прощальный бросил
На гладь реки. И в этот миг,
Прорвав небес тугую просинь,
Свет слабый на воде возник. –

Вода со светом целовалась,
Краснела, пряча свой испуг...

Геннадий Сазонов родился в Тверской области в 1950 году. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, более 40 лет работал в периодической печати. Автор 5 поэтических сборников и 17 книг прозы и публицистики. Лауреат ряда всероссийских и региональных литературных конкурсов и премий. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. С 1987 года живёт в Вологде.

Вода со светом целовалась...

И всё вокруг преображалось,
Обожествлялось всё вокруг!

Я чувствовал родство с рекою:
От сумерек прожитых лет,
С их счастьем, болью и тоскою, –
Душа брала лишь дивный свет!

БЫЛЬ

памяти писателя Ивана Шмелёва

Жизнь кому обещали
в раю, –
Все покинули землю свою!

И конфетку надежды жуя,
Подались в золотые края...

Рай незримый дороже всего,
И не помнят они
своего. –

За туманами ищут тот рай...
А на Родине – воронов грай,
А на Родине – в речках трава,
И с похмелья гудит голова.
И, не скошены, сжухли луга, –
Стала Родина не дорога.

И судачат: от нашей земли,
Кто умнее, – подальше ушли.
Лишь остались – ой, выбор таков! –
Кто поплоче, из дураков.

Кто умнее, – за раем спешат.
Глядь: а рай
 переделался в ад!

Захотели вернуться они,
Но в селеньях погасли огни,
И не скрипнет приветливо дверь, –
Не найти им дороги теперь.

И за спинами, в звёздной пыли,
Корни их – из родимой земли.
... Не жалею –
 пусть в рай свой летят;
Там на падаль зовут воронят.

Николай Ивеншев

ВОЮТ ВОЛКИ

Рассказ

Я долго выбирал рамку, чтобы она не была главной, не довлела, а лишь слегка подчёркивала твёрдый валик усов, простецкую улыбку.

Выбрал. Рамка мутновато-зелёного цвета придавала мужественность детскому лицу и гармонировала с камуфляжной майкой.

Этого человека я совершенно не знаю. Он для меня слабое эхо давнего твоего разговора. Однажды только по телефону я слышал его голос. Он мне показался неуверенным и неподходящим для его профессии.

Я пристроил портрет на видное место — напротив письменного стола. Чуть скосишь глаза, и вот он. Скорее всего, что снимала его ты. Конечно, он «принял на грудь» граммульку и имел дело с тобой. Почти полный комплект уютного счастья.

Я повесил портрет на стену. Теперь надо придумать версию для любопытных.

Отвечать небрежно:

— Цэ ж бард, Сэрж Мурманский.

Специально с кубанским отливом.

— Так это он про «Курск»...

— Кому ж ещё?

Любопытным хватит и этого.

Но вранье мне надоело, и я коротко стал рубить правду: «Брат!»

Кто же мне он ещё?!

Я нашёл эту стопку фотографий в пурпурного цвета пакете фирмы «Кодак». Пакет тот был засунут в укромное место, на верхотуру книжного шкафа. Не сказать, чтобы обомлел, просто какой-то змеиный холодок пробежал по позвоночнику. А потом я даже зло обрадовался, как радуются дурному, но всё же приключению.

Ивеншев Николай Александрович, член Союза писателей России, родился в 1949 году в селе Верхняя Маза. Закончил Волгоградский государственный педагогический институт им. А. Серафимовича. Учительствовал в Поволжье и в Дагестане, потом занимался журналистикой.

Первый рассказ «Тётя Шука» был опубликован в журнале «Октябрь» в 1987 году в рубрике «Новые имена». Выступал с рассказами в журналах «Кубань», «Урал», «Юность», «Наш современник», «Москва», «Слово», «Родная Кубань» и других. Живёт и работает на Кубани.

— Раз-два-три... — Зачем-то я сказал сам себе. — Это, верно, будешь ты!

Полную растерянность лучше всего прикрывать детскими стихами. Прикрывать от себя же.

Тася фотоснимки, я дёргано листал и свои догадки. «Зачем? Неужели, любила и любит? Да нет же. Пыль на конверте... Розовые щёчки. При лёгком волнении, всегда вспыхивают. Слегка отстранилась от «Сэржа». А вот и он на асфальтовом полотне. Во всей своей пластилиновой прелести. В позе завоевателя. А ножки-то того, полусогнуты. Робок и никчёмен. Я пристрастен. Ревную. Господи, я ревную! Ещё снимок. Наша грязная станица в чистом снегу. Он с велосипедом. Транспарант «Закусочная общепита». Жаль, что сфоткался не на фоне сбербанка. Ты, совершенно походя, как о чём-то пустяковом, рассказала, что летом на ступеньках сбербанка была распита бутылка шампанского. И после этого на ступеньках он тебя поимел... Глупое слово «поимел». Но в этом «поимел на ступеньках» есть порыв, а не пошлая обыденность. Я ошибся. Он — незауряден. Он даже красив. Какая всё же цель этих снимков? Твоя цель? Берегла на всякий пожарный? Запасной вариант? А вдруг со мной пролёт, *profundos*,.. а так — быстрёхонько к Сергею Мурманскому. С фотодокументами».

Формат: девять на двенадцать. Пурпурного, королевского цвета пакет.

Точит, ковыряется во мне злой, ехидный чертик, жуёт душу.

Вот пожалел. И уже другой голос. Щадящий: «Не ищи чёрную кошку в тёмной комнате. Там её нет. Просто ты ничего не любишь выкидывать. Фобия. Тяга к старому с привкусом воспоминаний. Или как это назвать? У тебя в шкафах куча старого дерьма. Дырка на дырке, а жаль нести на помойку лифчики на косточках, рваную лайкру. У тебя, как теперь говорят, фишка. Новое — чужое. Новую вещь надо выдрессировать. Дрессированные туфли, обезжженная шляпа. А новые брыкаются».

Бог мой, третий голос, третья шиза: «Неужели в то время, когда ты укладывала свою голову рядом с весами, и стрелки весов вздрагивали, и тогда эти вот фотки бережно хранились? Не отрубила напрочь, не порвала, не спалила. Я — мавр, дикий, древний ревнивец. Не ожидал от себя такого. «Клала голову рядом с чашами весов». И вздрагивали уголки рта. До смерти не забудешь.

У тебя был ключ от этого укромного места.

Чашечки, стрелки, как две утки с клювами.

Мир существовал для нас. И только. Чтобы не лопнуть от избытка и плотского, и душевного, и всякого иного счастья, грызли печенье «рыбки» и запивали это ядрёным квасом. Неужели и тогда где-то прятались снимки? Но ведь, честен ли до конца и я? В тебе было моё тепло, а во мне — твоё. Купленные в магазине канцелярских товаров страус со страусихой — нос к носу, «давай потрёмся носиками» — шуточный и всё же философский смысл нашей тайной, неразличимой другими жизни.

Я помню, как ты обхватила голову руками. И не рыдала. По лицу беззвучно текли две светлые, блестящие полоски. Ты облизывала губы.

— У меня никого нет. Я одна. И никого никогда не будет.

Я тогда подумал: «И я один». Я принял правильное решение. Остался с тобой. И не переставал удивляться твоему лицу, которое менялось на дню по сто раз. То свет его охватит с одной стороны, то — с другой. Даже «хвост» (ты называла длинные свои, схваченные сзади волосы «хвостом») менял свою окраску. И ты купала меня в ванной, как младенца. Не знаю, что было ценнее, вздрагивающие утиные клювы весов в том укромном месте или это вот купанье-натиранье мочалкой.

А что сейчас? Я не знаю что... Я хочу оставаться на месте. Не хочу трогать ничего. Потому как любой поворот, в любую сторону — смертелен. И долго ли продержишься на этой мёртвой точке?!

«Всё так же, как было и есть, так и будет, так и есть», — этими неуклюжими конструкциями я уговариваю себя. — Иначе ведь зачем я носился по ночной станице в поисках аптеки, чтобы быстрее сунуть тебе чайную ложку корицы. Пожуешь, и не будет тошнить, не будешь рвать. *Он* внутри тебя требовал каких-то новых веществ, которых в тебе нет. Железа, марганца, цинка. Всю таблицу Менделеева. Корица. Корица не помогала. Тебя рвало. Я крутился на цыпочках и пятках — с тазом. Сейчас это тоже кажется счастливыми мгновениями прошлой жизни. Прошлое мы всегда покрываем золотом... И *он* родился, и мы выбирали имя по сентябрьским святым. Святыцы советовали какие-то древние «неудобоваримые» имена, вроде Эмпедокла. Или Птеродактиля с Амфибрахием.

И вот теперь *он* спит. И называет свою сестрёнку Ленку «Атькой», кошку «Нафой», крокодила «Ге». Такой взрослый, и такой маленький. И это ведь тоже есть ты. У него и зрачки-то стали подстраиваться под твои зрачки, становятся зелёно-золотистыми.

Но вот сейчас я боюсь ночей. Мне сон не власть. Он для меня утомителен. Мне часто снится одно и то же. Будто поезд мой остановился, незнамо где. И я всех потерял. Пропали сумка, билет. Я один на полустанке, у которого нет имени. Как перст. Вокруг — холодные тени.

А если я проснусь от такого, то во мне почему-то рождается фраза: «Воют волки». Самого воя я не слышу. Жжёт внутри хлоркой, будто кого-то похоронил. Но вот это заколдовывающее словосочетание «воют волки», «во-во». В самом словосочетаний вой. Во-о-о-о! До бесконечности.

Может быть, поэтому я и обрадовался тяжёлой пачке фотографий в красном пакете «Кодак». Они должны нарушить злосчастное равновесие, разрешить ситуацию.

«Брат мой, Сэрж Мурманский, хрен голландский, скажи, Сэрж, как дурят нашего брата?» И Серж, мне кажется, кивает головой и лукаво улыбается. Кто из нас счастливее? Сэрж, в далёком морском городе, или я на юге России. В казачко-красноармейской станице, куда меня чёрт дёрнул, прикодылять на мутном, ленивом поезде?

Прикодылял из-за соловчихинского волка.

Я работал тогда далеко. В Вязовке. Фотографом в газете «Восход». Редакция топилась дровами. А дубовые чурбаки мы, редакционные, тетешкали в конце лета. Обмывка в конце, как погрузим. Как отъедет «ЗИЛ» с прицепом.

«Вжик-вжик», — бензопила Гены Брыкалова обрезает сучки, развлекается. «Блямц-дрямц», — гранёные стограммовые стаканы. «Мне ммимиллиметр... не доливать». «Хрум-рум», — пучок зелёного лука в зубах. Степан Иваныч кидает «беломорину» из одного угла рта в другой. Синь в небе, зелень — всюду. Водка тогда казалась слабой, но бодрящей. Вольный воздух...

Замредактора Серяков, раскинулся на траве. Он — лирик. Живот со втянутым в него пупком: «У лесника — Уколов фамилия, волк на цепи. Вот бы...»

Для того и пупок чешет, чтобы я подхватил:

— Для четвёртой полосы.

Для газеты.

Зам понюхал сорванные тут же цветы-колокольчики.

— А-а, вошь на аркане! — Это ни к селу, ни к городу буркнул Коля Бутусов. Он — практик.

Воют волки

Серяков прищурился, — так щурился мой дедушка-бондарь, когда мерил кронциркулем доску.

Я поперхнулся: «Волк!» Что-то соснуло в солнечном сплетении.

Серяков отмерил-таки. Смахнул прищур. В Соловчиху, к Уколову! УАЗик «бил копытом» и сам хотел лицезреть волка. Попрыгали в машину. Мчим. Серяков за рулём. Брыкалов, Бутусов, Степан Иванович, «беломорина».

И тут хмель слетел. Вместо него — страх. Это страх. Чего это, ещё и волка не видал? Что волк? Собака. Волк!!! Знал и знаю я один приёмчик против страха. Надо загадать. Сказать самому себе слово «если». В голове — тут же: «Если сфотографирую волка, то махану отсюда. Из Вязовки. Куда-куда? На Кубань, там тепло и жёлтые абрикосы».

Дались мне эти абрикосы.

Соловчихинский лесник Уколов приоткрыл калитку. Действительно: волк на цепи. Живой, драный, нелепый. Рты — хлоп-хлоп. Глаза у всех — железные полтинники. Степан Иванович, Бутусов, Брыкалов, Серяков. Я. У волка глаз не видно. В космах.

У моего «Киева» обыкновенный объектив «Юпитер». Не телевик. «Лезь», — приказал я объективу и себе. Ну, и что, что цепь — рванёт, будку с корнем выдерет. Я полз, оглядываясь. Позовут назад?.. Не звали. Оборачиваюсь. Коля Бутусов для чего-то делал страшные глаза. Наверное, подбадривал. Гена Брыкалов топорщил большой палец. Мол, во — герой! Я дополз и нащупал скользкую, потную кнопку «Киева». На снимке волк получился лучше, чем настоящий. Магараджа леса! С зубами, как стальные звенья у бензопилы. Больше мне в Вязовке делать было нечего.

И я ткнул пальцем в карту туда, где вздувалось Чёрное море.

За абрикосами! Один. Синь в небе. И вся моя вселенная. В принципе это было то, что называют «куда глаза глядят». Чух-чух, ту-ту-у-у! На верхней полке книжка, стихи без рифм: «Если тебе дадут линованную бумагу, пиши поперёк».

Любая беседа с портретом Сэржа получается лёгкой. Иногда тянет сорвать и растоптать. А, растоптав, поднять с пола и сунуть в очко дворового сортира. Ничего плохого он мне не сделал. Напротив. Целебен. Портрет Сэржа Муромского — панацея от тоски.

Я знаю как бросить курить. Надо просто купить красивую пачку сигарет «Мальборо» или ещё каких-то. Положить пачку в карман. И твердить себе: «Я — человек, а ты — душистый яд. Я могу чиркнуть зажигалкой. Вот она. Но не дождёшься. Я пишу поперёк». Я пишу поперёк, как поэт Хуан Рамон Хименес».

Мой брательник Сэрж Мурманский выбрал себе классную спецуху. Он — инкассатор. Не лодырь он. Далеко — не лодырь. Себя испытывает. Деньги он кидает мешками. Будь он поинтереснее, с запалом в мозгах и душе — хлопнул бы напарника, а потом водилу. И дело с концами. Одного такого мешочка, а то и двух, хватит, чтобы безбедно прожигать жизнь в какой-нибудь республике Северного или иного Кавказа. Вот соблазн. А мы ему, этому лысому чертяке — кукиш! Мы водочки с зарплаты, «Русского размера, да чтобы щёчки у неё покраснели». Сэрж — мой близнец. Родной двойник. Он — игрок.

Сэрж Муромский пишет поперёк. Как и я. Как и ты, моя любовь.

Враг становится братом. Враг мой — брат мой!

Я гляжу на снимок в глаза Сэржа. Может ли «мыльница» четко скопировать зрачки? В них отпечатана ты? Или другая? Голая. После «граммульки» или

после «траха»? Какая там ты? Любила ли ты его, когда фотографировала. Старомодное слово «любила». Оно не отражает сути. И нужно ли мне это знать?.. Зачем ты оставила у себя этот пук снимков, как курильщик пачку сигарет для соблазна?..

Впрочем, когда тебе делается тоскливо, ты декламируешь: «Родина — это там, где прошли юность, школа, старшие классы, выпускной бал. У меня родина там, где цветёт северное сиянье».

Цветистая речь. Вся — эмоция.

— Выкинь шубу! — Сержусь я. — В ней заведётся моль. И она пожрёт твои новые шерстяные вещи, пальто из кашемира.

— Пусть жрёт. Тут тоска. А там — природа! Жизнь.

Я нашёл этот посёлок. Странное название: «Кревда». Чуть ли не кривда. Рыжие, ржавые камни, плешивая растительность. Зябко от одного вида.

Но, вот ведь, северное сияние стачивает на нет ржавь, плеш, холодрыгу.

Шуба из искусственного, пошлого меха занимает половину шкафа. На всякий случай. В запас! На чёрный день. Разве можно её, волнующий монумент прошлого, выкинуть?!

А наш сын? Не будет ли он таким ушлым. По крайней мере, сейчас он совершенно честен. Кристально естествен. Кусается, когда хочется кусаться. И целуется тоже, когда «стих нападёт». «Стих нападёт» — так говорила моя бабушка Дуня. И нет у нашего сыночка никакого НЗ. Есть свой словарь.

Спать — баки, крокодил — ге, тепловоз — ту-ту-у-у, машина — бум-бумия. Череду междометий. И носом о мой нос он трётся не для того, чтобы получить конфетку, которую он почему-то на своём природном языке называет «ситькой». Просто трётся. Интересно ему.

И тот самый волк (потомок соловчихинского) для него не злодей и не добряк, а что-то необъятно сказочное. Волк — хранитель карамелек. Жуткий, любимый злодей.

Вечером, когда сынок засыпает, он шевелит уже исчезающими из этого мира губами: «Волк, ситька»...

А может всё же жажнуть эту зелёную с дымкой рамку об пол?! Зачем сэра Сэржа в сортир тащить. Мелко порвать фотоснимок, закрутить клочки в старую газету и сунуть всё это ничтожество в чёрную, пластиковую урну. Я — ничтожество. Он — ничтожество.

И все мои домыслы, вымыслы, бредни, чушь, изматывающую и меня, и тебя абракадабру, — в развёрстую, тёмную пасть.

И всё кончится. Весь вой... Весь стон... У волка нет глаз, одни космы. Я видел. И страха нет. Надо только в мыслях воскликнуть «Если!» И сделать невидимое миру сальто-мортале.

Если...

Да, что это мы с тобой наплели вокруг себя, чем обмотались, в каких узлах запутались, что же мы делаем с собой, любимая моя?!

Какое там «поперёк». Я старый, дрессированный и счастливый от этого лох. Ты — моя «ситька». Вот и всё, что я хотел сказать всем на свете, не только тебе, а и индийскому магарадже Волку с зубами, как звенья бензопилы.

Антонина Сытникова

СМОТРЮСЬ В ГЛУБИНУ

ЗАПАХ ХЛЕБА

Со скрипом открывается фургон,
Буханки из лотков поглядывают в небо;
Сдвигает продавец их, и кругом
Всё начинает пахнуть свежим хлебом. –
Дома, деревья, птицы, рыжий кот...
Когда лотки всплывают в двери магазина,
То кажется, что он огромный рот,
Как чудище, от жадности разинул
И хлеб глотает прямо на глазах,
Оставив нам лишь запах на одежде,
Который не поймать и не связать –
Как запах ускользающей надежды...

КОЛОДЕЦ

Заокало эхо в колодце заброшенном,
Стремится к воде перекатами звук,
Вращаясь, как ворот, который из прошлого
Хранит теплоту человеческих рук...
Смотрюсь в глубину. В древесине ободранной

Сытникова Антонина Семёновна родилась в с. Дерновое Сумской области (Украина). Окончила Харьковский политехнический институт, Орловскую региональную академию госслужбы. Автор поэтических книг «Мираж», «Чаша света», «Звездная память», участник коллективных сборников «Зеркало Пегаса» (дважды), «Симфония», публиковалась в периодической печати Москвы, Санкт-Петербурга, Орла и др. Член Союза писателей России. Живёт в Орле.

Неведомым образом вырос цветок,
А глубже, давно не тревоженный вёдрами,
В тени затерялся зелёный чертог.
И небо в конце. – С наступлением сумерек
Там в бисере звёзд загорелась луна.
И сразу теряется благоразумие,
И тянет к себе, как магнит, глубина...

Лёгкой музыкой дождь струится –
В синих капельках летний дождь.
А на ветке, нахохлившись, птица
Унимает бодрящую дрожь.
Хорошо мне сейчас под крышей. –
За балконом, в дверной проём,
Каждый шорох так явственно слышен,
Будто стала сама я дождём.

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

На двор, где до этого буйствовал день,
Луч солнца, сверкая, струился по крыше, –
Легла мрачно-лиловая тень,
И стало так грустно, как будто бы вышел
За дверь человек, бесконечно родной.
Толкнулась тревога – а вдруг не вернётся,
И в жизни, теперь совершенно иной,
Останется вечно затмение солнца.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Нарушив тишину молочного рассвета,
Хлопочут ласточки под крышей, щебеча.
И, кажется, ничто на белом свете
Не может их заставить замолчать.
И в день прилёта в угол запылённый
Они не прекращают болтовни.
Трещат ликующе и оживлённо
О том, что видели вдали:
О путешествии своём за море,
Диковинных деревьях и цветах...
Без умолку поют, друг другу вторя,
О двух огромнейших китах,
На спинах чьих передохнуть однажды,

Смотрюсь в глубину

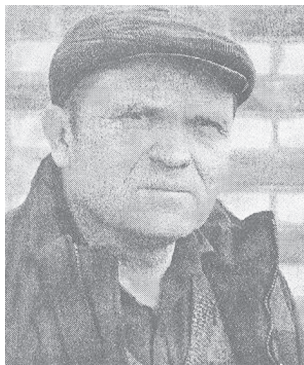
Уставшие отчаянно, смогли.
Под парусом крыла скользя отважно,
Могли бы не достичь земли,
В которой – сами родились когда-то,
И дети их увидят свет...
Иные есть рассветы и закаты,
Но лучше этих, всё же, нет!
И старый дом под обветшалой крышей
Милее всех чудес земли.
И, кажется, что здесь и небо выше,
И мошки слаще, чем вдали.

Тихо и солнечно в летнем лесу,
Где-то шумит еле слышно вода...
Я все печали свои принесу,
Чтобы оставить их здесь навсегда.
Пусть прорастают зелёной травой,
Трелями птиц устремляются вдаль,
Под ноги лягут опавшей листвой, –
Радостью станет земная печаль.

Висят подзорами туманы
Над речкой Сасенкой с утра...
Я снова в домике саманном,
И, будто, не было утрат,
И сердцу милая Украина –
Лишь окоём большой земли.
На расстояниях бескрайних
Ещё границы не легли.
Ещё звучат былые песни,
Веселье плещет через край,
И в танцевальном круге тесно:
– Эй, гармонист, давай играй!
И бабы лучшие наряды,

Чтоб в поле выйти, достают.
И – не поверите! – но радость
Приносит бескорыстный труд.
И за расхристанным туманом,
Попить присевшим у реки,
Растут во ржи косынкой рваной
И бредят Русью васильки...

Степан Деревянко

ЗООПАРК

Рассказ

С большой молочно-товарной фермы акционерного общества, по-старому — колхоза, доярки ехали в город на рынок. Вёз их на фермовском автобусе Васька по фамилии Дрюкач. Ваське было тридцать лет, и он ещё ни разу не женился. Ему такую глупость делать было не за чем — доярок на ферме хватало, и редко какая не каталась с Васькой «налево».

Поездку в город бабы «выгавкали» у председателя, чтобы купить подешевле обновки детям к школе. Ферма надоила больше других молока, победила в непонятном для всех соревновании, повод был, и председатель сдался: «Мотайте с Васькой, только чтоб к вечерней дойке были, как штык, и трезвые». Доярки покрасили губы и — вперёд. Ваське ехать не хотелось. Ни один сельский водитель в город ездить не любит — после городской езды от пота хоть рубаху выжимай, а тут ещё бабы...

— Васянь, тебе тоже губки помадить?

— Ха-ха-ха!

— Да у него губа в штанах завсегда красная от работы, чего её помадить, так, бабы?

— От, клизмы, я вам рты позатыкаю, — ругнулся Васька и обострил внимание на дорогу.

Город начинался за рекой, и бабы притихли. Сплошной поток машин тащил за собой автобус — ни разогнаться, ни выбраться из него; постоянные пробки. Васька материл всё, на чём свет стоит, клял старую неповоротливую колхозную «гарбу» — свой автобус «Кубанец», был весь в поту от езды, но кое-как довёз баб до зоопарка, где было место поставить автобус. Рынок шумел через дорогу наискосок.

Степан Деревянко, член Союза писателей России. Родился в 1951 году. Детство провёл в кубанских хуторах Сухие Челбасы и Мигуты. Окончил факультет журналистики Ростовского Государственного университета. Работал учителем русского языка, редактором периодических изданий СМИ. Автор нескольких книг прозы. Живёт и работает в станице Стародеревянковской Краснодарского края.

Зоопарк

— Выметайсь, красотки с околотка, жду вас здесь. Держите кошельки там, где мужики не шарят, — напутствовал он доярок.

— Да такие дрюкачи, как ты, во все мохнатые сейфы залезут!

— Замки ставьте секретные, — засмеялся Васька.

— Ой, да где ж найдёшь их, Васенька!

Умотали бабы. А Васька навесил замок-гирьку на дверь автобуса и пошёл в зоопарк. Диспетчерша гаража говорила ему, что «там такое видела...» Время шло к обеду, и солнце припекало. Посетителей было немного — будний день. Зоопарк располагался на краю старого парка, и тень от ясеней и лип ещё падала на смотровые дорожки с клетками, и животные не попрятались от солнца. Васька нашёл, что хотел увидеть, и, потирая руки, пошёл к автобусу, говоря себе: «Щас, щас я вас, бурёнушки! Щас я вам губы накрасую!»

На его удивление, все бабы уже сидели в автобусе. Как открывается «гирька», они знали — с Васькой молоко и корма воровали вместе, а замок служил отмазкой от колхозной охраны.

— Ну что, скупилась, мои бурёнушки? — спросил Васька.

— Скупилась, наш бычок-дрюкачок! — чуть ли не хором ответили бабы.

— А теперь дружно за мной в зоопарк, что-то покажу, время ещё есть, — сказал загадочно Васька и повёл баб к клетке обезьян горилл Машки и Гришки.

Громадная Машка под два метра ростом была на сносях. Она кое-как враскоряку переставляла ноги, заросшие длинной буроватой шерстью, делала два-три шага, поддерживая большущими руками выперший живот, произносила нечто похожее на «ох» и садилась на широкий чурбак. Было уже жарко. Бабы ахнули:

— Бедненькая!

— Как же ей тяжело!

— Как мы тебя понимаем...

— Как же она рожать будет?

— Да как и вы, дуры, — ляпнул Васька, стоявший чуть в стороне и наблюдавший реакцию доярок.

— А ты б помолчал, твоё дело не рожать, пенки схавал и бежать, — отрезала ему Натаха Депутатка, которую так прозвали потому, что в советские времена была депутатом и орденоноской. Натаха была высокая, статная, ещё красивая баба — кровь с молоком, но в годах, и такими, как Васька, не интересовалась. Доярки засмеялись.

— Так его, Натаха, кобелину безхвостого!

— Знает он, как рожать, — сказала нараспев Ленка Жмудиха, с которой Васька шуры-мурничал дольше всех и у которой, поговаривали, от него дочь.

— Кобели-ну! — передразнил баб Васька, присел на оградку дорожки, закурил и цвикнул через зубы. — Дуры завсегда дуры.

Гришка в это время высунул из клетки руку и собирал угощение. Какой-то мальчишка насыпал ему на ладонь чипсы, Гришка скривился и дунул чипсами прямо в мальчику. Бабы засмеялись.

— Смотри, — обезьяна, а соображает, гадость есть не хочет, — сказал кто-то.

Мать мальчика, молоденькая и модно одетая, дала Гришке конфету. Гришка снял обёртку, засунул конфету в рот, отвернулся от Машки и скривил лицо женщине — улыбнулся. Фантик бросил в баб, не дававших ничего.

— Вот зараза! — возмутилась Динка детдомовская. — Заделал подружке ляльку, фигуру испортил, и теперь сласти лопает, паразит. Все мужики паразиты! — заключила Динка, которую недавно бросил сожитель.

— Ото тебя за злой язык и бросили, — подал голос Васька.

Бабы его не слушали.

— Девки, надо б Машку угостить, там на входе продавали пиццу, будет она её есть? — сказала одна из доярок.

— Пиццу нельзя, — ответил служитель в резиновых сапогах, убирающий соседнюю клетку. — Гориллам можно фрукты, сладости и всё такое. Но лучше — ничего не давайте, им хватает.

— А мороженое? — спросила Динка.

— Ни в коем случае! От него сразу простынут. Молочко тёплое Маша любит.

— О, молочко! Где ж его тут возьмёшь? Знали бы — привезли, — сказала Натаха Депутатка.

— Ладно, «бурёнушки», посмотрели на родичей, пора домой, — объявил Васька.

Бабы пошли к выходу, а Ленка Жмудиха задержалась, достала из пакета большую шоколадку, которую купила дочери, и бросила Машке. Гришке показала фигу и скорчила рожу. Машка, не вставая с чурбака и не отпуская живот, подняла одной рукой плитку, понюхала и отдала Гришке.

— Понятно, — сказала Ленка. — Тебе бы, подруга, огурца солёненького, но нет его, извиняй, — и побежала догонять товарок.

Васька, сам не зная почему, наблюдал за Ленкой.

Всю дорогу домой бабы сидели тихо, Ваську не подначивали, подрёмывали. А Васька в зеркало поглядывал на Ленку. На дойку явились вовремя. И пока шла дойка, Васька заправил автобус и заехал домой поесть.

— Мамань, дай чё-нибудь на зубок, — попросил он.

— Отам в сенцах стоит дрючок для тебя, непутёвого, будешь грызти? — начала мать, снимая с полки половник.

— Мамань, не заводись, я уже сказал — женюсь.

— Женися на соседской козе закаканной, — кто за тебя, Дрюкача, пойдёт? Видать, на роду мне написано: помереть и внуков не увидеть.

— Увидишь, мамань, увидишь. Внучка уже бегаёт!

— Брешешь, непутёвый. Да ешь, ешь, ладно уж.

Васька уплетал суп с домашним хлебом, а перед глазами всё стояла Ленка и та её шоколадка, которую горилла Машка отдала Гришке...

8.01.2014 г.

Ирина Сазонова

ИСКРЫ НЕПОГАШЕННЫХ ПОЖАРОВ

Долгие скитальческие вехи
Словом осенённой вереницы –
Через опалявшие утехи
И огнеподобные зарницы...
Через неуступчивые ветры,
Сквозь листву в пылающем окрасе, –
Доводам кивали километры
Эхом громогласных несогласий...
Тверди мостовых и тротуаров
Таяли в плавильне наших споров,
Искры непогашенных пожаров
Жалили броню огнеупоров...
Но, как цветоносный амариллис,
Рвался стих в надоблачные дали,
Строчки к ясновиденью стремились
И туман навывлет пробивали!..

Момент истаяния лета,
Бесшумной длани поворот...
Подсказка солнечного света
К воде неспешной приведёт –
Последнему истоку счастья,
Прошедшему девятый вал,
Что неразгаданною страстью
Двоих «галерников» связал.
И грезя о безмерном чуде,
Которым наполнилась вода,

Ирина Сазонова, член Союза писателей России (2008), поэт. Автор поэтических сборников «Муза вольного поэта», «Сотворены и кистью, и строкой», «Росчерком наши лица», «Сто имён», «Наследница апреля» и книг прозы «Ретро любви, или Вино превращается в уксус» и «Отдашь своим детям». Призёр Международного фестиваля русскоязычной поэзии «Дрезден-2007». Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

Неразуверенные люди
Приходят к осени сюда
И ворожат у парапета,
Безмолвно за руки держась,
Чтоб не ушла с медовым летом
Любви шагрeneвая сласть...

Небо двоих связало
Встречей среди Вселенной:
Длило *полёт* Шагала
И *поцелуй* Родена...
Жгло колдовским нектаром –
Сладкохмельным настоем –
И окрыляло Даром:
Словом сберечь былое!
Да спохватившись разом,
Строго храня земное,
Спящим вернуло разум –
Врозь разлетелись двое...
Прах отряхнув наплечный
Звёздноколючей пыли,
Люди, забыв о вечном,
Гамбургский счёт закрыли.
Но в правоверной прыти
Дух обмелел высокий –
И в безлюбивной сыти
Им неподвластны строки!
Рвутся они друг к другу,
Тщатся встревожить память, –
Но лишь бредут по кругу
Сквозь ледяную замять...

Я ВСЁ ЕЩЁ...

Твоей любви уставшему огню
Напрасна приворотная отравя,
Но утром всё ещё тебе звоню –
Хозяйкой завоёванного права.
Малюя словом яркие штрихи,
Самообманно истину скрывая,
Я всё ещё пишу тебе стихи,
Никчёмной влагой строчки заливая.
А память пробуждает каждый миг
Дарованного нам десятилетия:
Магическую бездну губ твоих
Не в силах и сегодня одолеть я!
Пусть прежний путь печалью занесён –
Её пылинки с прошлого сметаю.
Я всё ещё... я всё ещё... я всё...
Рисую утро, где с тобой витаю...

Андрей Тодорцев

ВСТУПАЕТ МОРЕ...

Смотри на остывающий костёр:
Сгорает день, начавшийся так свято.
Холодный ветер крылья распростёр
Над пламенем заката.
На откуп ночи отдан горизонт,
Всегда желанный и такой далёкий...
Шумит, шумит во мгле Эвксинский Понт,
Тревожит берег одинокий.
А утро пробуждалось так легко!
И силе солнца верил я всё более,
Пока вчерашней ночи молоко
Покорно растворялось в море.
Вставал рассвет, спокоен и высок.
Был воздух чист, как взгляд невесты в храме.
И там, где начинается восток,
Орёл кружился над горами.
Его крыла порой бросали блик –
Багровый, узкий, в это утро дикий...
И лишь теперь, когда закат поник,
Я понял, что сулили эти блики.
Точь-в-точь такой же мутно-кровоной
Последний свет сочится в наши очи
Из раны горизонта. И волной
Вступает море в увертюре ночи...

декабрь 1997 г.

Слово «Юг» в середине холодной весны
Открывает раздолье порокам – чья мать

Андрей Тодорцев родился в 1962 году в городе Туапсе Краснодарского края. Окончил Кубанский госуниверситет в 1987 году. Стихи пишет с конца 80-х годов. Публиковался в журнале «Звезда Черноморья», в альманахе «Литературный калейдоскоп». Сотрудник литературно-художественного журнала «Звезда Черноморья». Живёт и работает в Туапсе.

Заостряет перо... и желание зевать,
Комментируя сны.

Обречённый судьбою на эту напасть,
Каждый вечер могу я задраивать дверь –
Постоянство дождя охранит от потерь
Осаждённую страсть.

К переплёту окна на минуту прильну...
Наблюдаю, как ворон на яблоню сел,
И как завтрашний шторм выверяет прицел,
Изгибая волну,

И шершавую пеной исходит стократ.
Истекают мгновенья солёной росой.
Там, вдали, перечёркнут дождя полосой,
Остывает закат...

Вспоминаю февраль, и тебя, и метель,
Протираю глаза онемевшей рукой –
И теку через сумрак холодной рекой
Восвояси, в постель...

Апрель – май 1991 г.

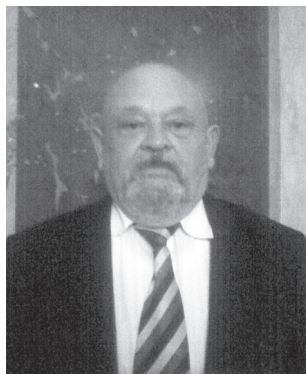
ОСЕНЬ

Грустят размытые холмы,
Листовою осыпая крыши.
Плывут туманные дымы
Туда, где счастья нет – и выше.
Горит заоблачный закат,
Тревожа отблесками окон,
И тучи куполом висят
Над морем, гулким и глубоким.
Сей широчайший окоём
Дождь пронизал косой строкою...
Ночь настанет, и мы – вдвоём,
С высокой ветреной тоскою.
На кратких полтора часа
Сойдутся тайны и ответы.
Такие серые глаза...
Такие зябкие рассветы...
И снова путается нить
Стиха в сплетеньях узких улиц.
И только та строка звенит,
Где ты устало улыбнулась...

1989 г.

Карачаево-Черкессию представляют писатели:

Иса Капаев

КОСМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОГАЙЦЕВ

УШАРКАР

Доктор Эдвин Крапп, астроном и директор Гриффитской обсерватории в Лос-Анжелесе написал уникальный труд, в котором реальность астрономии тесно переплелась с древними мифами о звёздном небосводе. В своей работе он привёл массу распространённых по всему миру легенд и преданий разных народов о звёздах, планетах, светилах. Немало места в книге уделяется мифам об Орионе, приводятся разные названия этого созвездия, которые будут использованы в данной статье. Учёный даёт такое описание Ориона: «На картах небосвода можно видеть, что в него (созвездие Орион — И.К.) входят две особенно яркие звезды. Красная Бетельгейзе указывает на правое плечо Ориона, а его левое колено представлено Ригелем, имеющим отчетливый голубоватый оттенок. Две другие звезды — Беллатрикс и Сайиф, образуют четырёхугольник с двумя первыми, но самым заметным «атрибутом» Ориона считается пояс из трёх близкорасположенных звёзд в центре четырёхугольника. Это, так называемый, Пояс Ориона, придающий его фигуре сходство с песочными часами. Три более тусклых звезды, отходящие под углом от Пояса Ориона, известны под названием «Меч Ориона».²

Множество ногайских преданий напоминают нам мифопредания других народов об этом легендарном астрономическом объекте.

Иса Капаев — народный писатель Карачаево-Черкесской Республики, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, заслуженный деятель культуры республики Казахстан. Автор тридцати книг на ногайском и русском языках, его сборник повестей «Сказание о Сынтаслы» дважды издавался на казахском языке, он перевёл на ногайский язык тексты «Орхоно-енисейских надписей», опубликовал ряд научных статей о древней ногайской поэзии и ногайской антропониимике.

Вышедшая в 2012 году в издательстве «Голос-Пресс» (Москва) книга ногайского писателя Исы Капаева «Опыт мифологического словаря. Ногайские мифы, легенды и поверья» стала доступна широкому кругу читателей России. Статьи о мифологических персонажах и терминах сопровождаются самобытными легендами и преданиями в пересказе автора.

Живёт и работает в Черкесске Карачаево-Черкесской республики России.

Даже легенда о происхождении тюрков от мальчика с отрубленными руками и ногами и волчицы⁴ в своей основе содержит миф о созвездии Орион. В результате вычленения из лексического фонда ногайского языка и анализа некоторых мифопреданий, нам думается, что предки ногайцев — древние тюрки, созвездие называли Сакá. Так, именем Сахá называли Орион и древние египтяне, они считали его воплощением главного бога Осириса на небе. Кроме того, слово «сакá» на ногайском, каракалпакском и казахском языках означает битую астрагалов, альчиков. Если европейцы очертания созвездия Ориона сравнивали с песочными часами, то кочевники, из-за незнания таких часов, в созвездии видели очертания астрагала или тела человека с отрубленными руками и ногами. Кстати, об ущербности этого звёздного воплощения говорится и в древнеегипетском предании.

Астрономический миф усматривается и в рождении великого завоевателя Чингиз-хана. В древних источниках сообщается следующее: «Говорят, что когда он родился, то в правой руке сжимал сгусток запёкшейся крови, похожий на бабку».⁶ На монгольском языке (в источниках) «бабка» — таранная кость, главный астрагал называется «шагай», что в произношении сходится и с ногайским названием. Многие исследователи биографии Чингиз-хана, не поняв сути древнего текста, рождение «со сгустком запекшейся крови, похожим на бабку» объяснили как предзнаменование появления на свет кровожадной личности. Я думаю, это не так. Появление на свет Темуджина (имя данное при рождении Чингиз-хану) символизировало первенство в людской жизни и его родство с небесным знаком.

Ногайцы для того, чтобы легко метать, битую-сакá утяжеляли, заливая свинцом. Совсем не случайно во время археологических раскопок в евразийских курганах находили отлитые из бронзы альчики. Их укладывали рядом с покойником. Альчики при жизни тюрков и после их смерти обладали сакральными качествами.¹ Возможно, астрагалы играли такую же роль и у других народов. Например, в царских гробницах Древнего Шумера они были из горного хрусталя.

Астрономический миф об Орионе прослеживается и в легендах о происхождении каганов. Например, легенда о рождении ханов от небесного луча, попадающего в ночное время через дымовое отверстие юрты. Прародительница монгольских ханов Алан-гуа родила основателя династии от небесного луча. Ночью свет от созвездия Ориона входил через дымовое отверстие, а ближе к рассвету показывалось созвездие Большого Пса с яркой звездой Сириус, и потому луч «в час, когда всходило, разливая свет, солнце, оборачивался жёлтой собакой и, царапаясь, уходил».⁶

Подобая легенда неоднократно повторяла астрономические события и при рождении египетских фараонов. Как и греческий миф об Орионе-охотнике, держащем на привязи Большого и Малого Псов.

Мифопредание о рождении Эдиге — основателе династии ногайских правителей — рассказывает о том, как отец Эдиге Кутлы-кая, оставшись с брошенным матерью младенцем-сыном, раздумывал, где найти кормилицу, и вдруг увидел, что к лежащему на земле ребёнку подошла собака (тоьбет, тоьбе-ит — небесная собака) и стала кормить его своим молоком. В этом

Ушаркар

мифопредании Кутлы-кая представлял Ориона-охотника, а собака символизировала созвездие Большого Пса.

Любопытное мифопредание связано с названием Ушаркар. Этим названием именуют Орион многие восточные тюрки и монголы, киргизы и казахи. Ушаркар (Уш архар) они переводят, как «Три архара», и считают их добычей лучника-охотника. Название указывает на три звезды, находящиеся в Поясе Ориона.

На звёзды Пояса Ориона указывают мифы и других народов. Например, индейцы Калифорнии чимехо их называли «Три чёрных барана». В старых германских преданиях Орион называется «Габбли» или «Три жнеца».

Предки ногайцев общались со многими народами и, конечно, перенимали их мифопредания. В это перенятие большую лепту вносили жрецы и камы, которые, порою, чтобы скрыть от населения старые мифы, охотно заменяли или придумывали новые. Поэтому у некоторых народов сохранилось по несколько названий созвездия Орион. Арабы в какое-то время называли его Аль-Джауза, наделяя женскими чертами. Позднее они его стали называть Аль-Джаббаром, что означало «Великан».

Видимо, что-то подобное произошло и с названием Ушаркар. У ногайцев это название не переводится как «Три архара». В ногайском мифе Ушаркар — имя хана, и скорее оно состоит из слов: «ушар» — летающий и «каар» — могучий.

Аналогию ногайскому мифу можно найти и в казахском фольклоре. Предки казахов созвездие называли Ушар-хан, — «Летающий хан». На такое предположение подталкивает казахская сказка «Ушар-ханнинбаласы» («Сын Ушар-хана»), которая рассказывает о летавшем по небу хане и о его земном сыне Жанлыбатыре. Несмотря на отвлекающее от мифа подробное изложение приключений Жанлыбатыра, в казахской сказке явно проглядывается знакомый миф об Орионе.

Легенда о летающем хане. В стародавние времена жил один хан. Как-то он увидел лунолицую красавицу. Она его так поразила красотой, что он потерял сознание и упал. Когда очнулся, увидел, что девушка исчезла. Хан стал искать её. В поисках он весь свет обошёл, но её не встретил.

Хан пошёл к Сыхыршы-Атаю (Колдуну-Атаю), который жил в его владениях, и поведал ему о своей печали. Сыхыршы-Атай выслушал его и сказал, что девушку надо на небе искать, а потом научил хана летать. Хан долго летал по небу и только после тридцати лет поисков увидел летающих девушек-сестёр Улькер (Плеяды). Сёстры то приближались, то удалялись от него, а затем исчезали там, где заходит солнце. Так он до сих пор не может догнать Улькер.

Ногайцы летающего хана прозвали Ушаркараром.

БОРИ — ВОЛК

Бори — это не единственное название волка. Чтобы не говорить настоящее имя, его ещё называют карыскырт, бут, бозкырт. Есть ещё и такие метафорические имена-синонимы: Ашау (Аша, Аши), Капай, Капу, Маму, Мамай, Иткус.

В ногайском фольклоре широко распространён мифологизированный образ «коьк боьри» (небесный волк). Слово «коьк» в переводе означает не только небо, так называют и синий цвет. В сознании ногайца образ «коьк боьри» не потерял свою сакральную суть вплоть до настоящего времени.

Обыкновенного земного волка ногайцы тоже чтили, хотя при необходимости его убивали. Ногайские знахари — бакши и кагымши — использовали шкуру, кости волка для оберега и при разных целительных заклинаниях. Особенно часто использовалась для лечения тяжелобольных детей свежеосодранная волчья шкура. Для этого специально искали волка, убивали и сдирали шкуру. Обряд назывался «бослама».

Клочок волчьей шкуры был практически в каждом ногайском доме, — он играл роль оберега для детей. Его привязывали к изголовью колыбели. Клочки волчьей шкуры также использовали для исцеления взрослых больных. Во время сеанса шкуру кололи иглой и сжигали, тем самым изгоняя злого духа, вызвавшего заболевание. Кагымши и другие ворожеи использовали и нить из сухожилия волка — «тарамыс». В народе было широко распространено мнение, что волчий дух изгоняет шайтанов и йинов (джиннов).

В древности одежда из волчьих шкур использовалась, как надёжная защита от несчастий. Ногайская знать носила волчьи шубы. А шапки из шкуры волка старались носить все. Ногайское название шапки — боьрк, боьрик (волчий) — говорит о происхождении материала для головного убора. Степняки Караногая для тех, кто боится собак, делали пояса из волчьей шкуры, перевязывая их семицветными нитями. Зуб волка у ногайцев использовался, как амулет.

Исследователь Тахир Акманбетов приводит интересные фольклорные данные об отношении наших предков к волку.⁴ Ему рассказали такое поверье. Человеку, уставшему душой и страдающему депрессиями, особенно пожилого возраста, рекомендовалось убить волка.

«В шестьдесят лет ты должен убить волка, — говорили наши деды. — И принести на курган, где принародно содрать с него шкуру».

Шкура волка разрезалась на кусочки и раздавалась аульчанам. Те целовали кусочек шкуры и прикладывали ко лбу, а потом носили с собой или прятали в надёжном месте дома. Аульчане вместе с убившим волка человеком совершали ритуал с головой волка. Один из стариков прикреплял на палку голову зверя и стоял на вершине кургана, остальные аульчане окружали его. При этом женщины пели песню:

*Боьри бас, боьри бас,
Болмабизгекас.
Яньмянболсын,
Басым дан болсын.
Боьри бас, боьри бас,
Тилегимизге кулак ас.
Кылыш тот болмасын,
Кардашымятболмасын.
Билбилкустайсарнайык,
Эдигехандайтойлайык,*

Бори - волк

*Душпаным туз есин,
Сувишпей, увишсин!*

*Волчья голова, волчья голова,
Не будь нам вражеской,
Пусть душа станет спокойной,
Пусть голова в почёте останется.
Волчья голова, волчья голова,
Внемли нашим просьбам,
Пусть наши сабли не затупятся,
Пусть братья врагами не будут.
Тогда, как соловей, мы запоём,
Как Эдиге, пир сделаем.
Пусть наши недруги соль поедят,
Воды не найдя, пусть яд вытуют.*

Рассказали Т. Акманбетову и такое поверье:

«Если волк попадал в капкан, или его брали живым, то тогда полагалось волка резать, когда на небе появлялся радуга. Его резали возле копыя, вонзённого в землю. Когда не стало копий, то стали вонзать в землю шест-курык, предназначенный для ловли лошадей».

В исторических песнях и поминальных плачах ногайцев часто присутствует обращение к небесному волку («коьк боьри»).⁴ Обращались к нему за помощью. Кокбори является тотемным животным всех древних тюрков. Некоторые ногайские племена увязывали своё происхождение с этим тотемом. Ниже будет приведена тюркская легенда о происхождении царской династии Ашина. В исторической литературе распространена легенда о происхождении кагана от небесного волка, который, превращаясь в солнечный луч, спускался через дымовое отверстие юрты к женщине и оплодотворял её.

В знак своего происхождения тюрки на знамёнах синего цвета изображали золотую пасть волка. Считалось, что такие знамёна приносят победу. В русских летописях отмечаются подобные знамёна и у предков ногайцев — половцев.⁵

В мифах и легендах тюркских народов волк и собака меняют друг друга в родословных царских династий. Например, Атилла был рождён заключённой в крепость царевной, которую навещала собака, а Эдиге, брошенный лесной женщиной, был вскормлен молоком собаки.

Эти легенды связаны с астрономическими событиями. Небесные волк и собака символизировали космические объекты, определявшие главенствующее положение царских династий. Было много народов, которые связывали происхождение людей со звездой Сириус. Ногайцы, как и их древние предки, почитали эту звезду. Её называли Сумбле, Ак-айгыр. Созвездие Большого Пса, в которое входит Сириус, у ногайцев называлось Самыр-юлдыз. Возможно, что и Кокбори тоже одно из метафорических названий этого созвездия.

Хотя много фольклорных данных наталкивает на это, полностью реконструировать астрологический миф о звёздном происхождении царских дина-

стей мы не можем из-за недостатка информации. Что тюрки происхождению каганов придавали небесное значение — факт неоспоримый, данных об этом предостаточно. «Кюкбюридейяныэди» («С душой небесного волка»), «Кюкбюридейтириэди» («Как небесный волк подвижный») — это были самые лучшие эпитеты для степных батыров.

В некоторых преданиях ногайцев упоминается некий легендарный человек по имени Тотыр. Это чабан, охотник, понимавший язык волков. Он помогал волчице спасти детёнышей. Имя Тотыр было широко распространено среди ногайцев.¹

Тюркская легенда «Происхождение Ашины» реконструирована автором этой статьи. О существовании у ногайцев культа волка свидетельствует и походная песня ногайских воинов, записанная Т. Акманбетовым.

Происхождение Ашины. Когда враги уничтожили одно древнее племя, в живых чудом остался десятилетний мальчик с отрубленными ногами и руками. Этого мальчика на берегу озера нашла волчица. Она зализала его раны, вскормила и стала с ним жить. Но враги вернулись и, найдя мальчика, убили. Волчица, которая успела забеременеть от мальчика, убежала в горы Алтая. Там она остановилась в долине Отыюкен и родила десятерых сыновей. От этих сыновей пошло племя Он-ок (десять стрел). Главным среди сыновей стал Ашина — неукротимый и неутомимый воин. Вскоре он подчинил всех, кто жил в долине. Народ стал увеличиваться числом, и вскоре ему стало тесно в горах.

Волчица говорила о врагах, живущих за пределами долины Отыюкен, и требовала, чтобы Ашина отомстил за отца. Тогда Ашина собрал своих людей и предложил им выбраться из окружения гор. Он велел свалить сотни деревьев и стал поджигать гору. Огонь расплавил руду в горе, и в ней образовался проход. Сивая волчица показывала Ашине дорогу. Так тюркское племя Он-ок вырвалось из долины Отыюкен. И вскоре тюрки отомстили врагам и создали огромное ханство.

ИЙТ — СОБАКА

Ийт — собака. Она являлась тотемным животным многих ногайских племён. Такие породы собак, как барак, кобек, были тотемом одноименных ногайских племён. Хотя существует ещё несколько версий по поводу происхождения этнонима «ногай», многие исследователи возводят его к тотему собаки. На монгольском языке слово «нохай» означает «пёс».

Как рассказывают древние тюркские (и алтайские) мифы, созданный Всевышним Тангри человек понравился и владыке Нижнего мира Эрлику, который для того, чтобы сделать человека послушным, успел его облизать. Тангри это не понравилось, и он создал собаку, которая должна была охранять человека — любимое создание Всевышнего. Собака чувствовала приближение злых духов и отгоняла их лаем.

Все предания связаны с астральными мифами, в которых участвуют созвездия Большого и Малого Пса. В этих созвездиях находятся мифологизированные многими народами яркие звёзды Сириус и Прочион. Созвездие

Большого Пса, по ногайским представлениям, состояло из пяти звёзд, поэтому в преданиях луну охраняют пять самыров. Самыр — это название гончей породы собак, но в преданиях так называли и мифических летающих небесных существ. В сказке «Пять самыров» летающие собаки помогают шаману прогнать чудовищных елмаузов.

Кроме названия «самыр», космическую собаку называли и словом «тобет» (тобте-ийт, небесная собака), хотя и это слово в ногайском языке закреплено за земной собакой.

С принятием мусульманства у ногайцев выработалось отрицательное отношение к собаке. Плохого человека стали называть ийтадем, ийттентувган (собака, человек, рождённый собакой); говоря «ийтяшав (собачья жизнь)», подразумевали плохую жизнь. Но, вместе с этим, отголоски древнего верования не терялись. Если человек собирался в дорогу, чтобы ему сопутствовала удача, обязательно хорошо кормили собаку, и называлось это кормление «ийтсадака» (жертва собаке). Сохранилось устойчивое выражение: «кызганганымкызылийткеболсын» — «Если жалею пищу (материальные блага, деньги), то пусть они достанутся красной собаке).

Известный ногайский учёный Рамазан Керейтов в книге «Ногайцы»³ приводит интересные данные. Ногайцы, по его мнению, считали, что ребёнок до сорока дней носил ийткоьйлек (собачью рубашку), после сорока дней она с него снималась и надевалась на собаку. А на ребёнка в сорок дней надевалась рубашка, сшитая из сорока лоскутков, преподнесённых родственниками или соседями в подарок. Такую рубашку называли «кырккоьйлек» (сорок рубашек).

В ногайском фольклоре сохранилось немало преданий о необычной преданности собаки. Особенно почитались у ногайцев койшыийт (пастушьи овчарки); для того чтобы они были злыми, им отрезали хвосты и уши.

Ногайские бакши использовали кости и череп собаки для того, чтобы в них уходил недуг, «извлечённый» из больного пациента.

Вплоть до недавнего времени ногайцы часто давали детям «собачьи» имена: Кобек (Пес), Кушик (Щенок), Барак (Ворсистая собака), Кончак (Сука), Буралки (Дикая собака) и т. д.

Известно, что в курганных захоронениях крупных ногайских феодалов у входа в корхана (могилу) хоронили собаку. Археологи определяют ногайские курганы по этому признаку. Вероятно, от этого пошло русское выражение: «Вот где собака зарыта!», — поскольку где-то рядом с собакой находились сокровища захороненного феодала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

¹ Капаев И.С. Опыт мифологического словаря. Ногайские мифы, легенды и поверья. Из-во «Голос-Пресс», Москва, 2012 г.

² Эдвин К. Крапп. Легенды и предания. Москва, 2000г.

³ Керейтов Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры, Ставрополь, 2009 г.

⁴ Акманбетов Т.А. Козьясымнурболсын. Бозлавлар, Махачкала, 2009 г.

⁵ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. Из-во «Мысль», Москва, 1994 г.

⁶ Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. Из-во «Наука», Москва, 1973 г.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

общероссийская общественная организация

п р а в л е н и е

119146, МОСКВА, Комсомольский проспект, 13.
8-499-255-77-76

ТЕЛЕГРАММА

Союз писателей Карачаево-Черкесской республики
КАПАЕВУ И.С.

Дорогой Иса Суюнович!

В день Вашего 65-летия примите сердечные поздравления писателей многонациональной России.

Вот уже сорок лет Вы активно работаете в литературе, обратив своё зоркое писательское око к истории родного народа, его древней культуре, к проблемам современной жизни общества. Начиная с первых публикаций в центральных толстых журналах, Вы привлекли пристальное внимание вдумчивого читателя к тем проблемам, которые сопровождают вот уже на протяжении долгого времени ногайский народ, оставивший заметный след в нашей отечественной истории.

Ваше многогранное творчество, творчество талантливого сына ногайского народа, историка, исследователя, Ваша активная деятельность по созданию народного Музея истории и культуры ногайцев в ауле Эркин-Халк, по изданию журнала «Половецкая луна», где была опубликована знаменитая ногайская эпическая поэма «Эдиге», Ваша успешная переводческая работа получили высокую оценку, отмечены премиями, присвоением Вам почётного звания Народный писатель Карачаево-Черкесской Республики, Заслуженный деятель культуры Российской Федерации.

Мы рады, что Вы по-прежнему находитесь в творческом поиске, доказательство чему Ваше основательное исследование о ногайской мифологии, о творчестве средневековых ногайских йырау, Ваши переводы на современный ногайский язык текстов «Орхоно-Енисейских надписей»... Всего не перечечь.

От всей души желаем Вам доброго здоровья, восхождения на новые творческие высоты, успехов, благополучия, счастья.

От имени правления Союза писателей России: Валерий Ганичев, Валентин Распутин, Владимир Крупин, Михаил Ножкин, Геннадий Иванов, Николай Иванов, Николай Дорошенко, Василий Дворцов, Лариса Баранова-Гонченко, Сергей Котьяло, Николай Переяслов.

Р.С. Донские писатели присоединяются к поздравлениям юбиляру — выпускнику Ростовского инженерно-строительного института — и желают Исе Суюновичу Капаеву крепкого здоровья и новых творческих свершений.

Кельдихан Кумратова

ТУТ ВСЁ ЛЮБИМО

МАТЕРИ

Не близок путь,
да хочется, чтоб кто-то,
родной и близкий,
в душу заглянул,
но приезжаешь
в город с неохотой:
приедешь – и опять
спешишь в аул.

Ты тихо скажешь:
«Там с коровой нашей
невестке не управиться
одной».
И долго слышен
говор твой домашний,
и в памяти всплывает
дом родной.

«...Она и так, и сяк
перед коровой,
В моей одежде
к ней во хлев идёт.
Да что уж:
без меня и пёс дворовый
неугомонно лает у ворот.
Вдруг ожидает
всадник перед домом,

Ногайская поэтесса Кельдихан Кумратова окончила семинар Ильи Сельвинского Литературного института им. Горького. Печатались в журналах «Юность», «Октябрь», «Дон», «Работница». Её стихи пуликовали на Украине, в Турции, Румынии, Болгарии. Она автор десяти поэтических сборников. Кельдихан Кумратова — автор романа в стихах «Всадник из вечности» — первого на ногайском языке. Это крупное эпическое полотно, в котором ведётся осмысление времени через древнюю историю.

Книги поэтессы переводились на русский язык такими замечательными русскими поэтами, как Борис Примеров, Николай Скрёбов, Аркадий Канькин, Новелла Матвеева.

Кельдихан Кумратова ушла из жизни в 2003 году, в этом году ей исполнилось бы 70 лет.

держа поводья
крепкою рукой:
на свадьбу хочет
пригласить к знакомым,
иль о беде
оповестить какой...»

Ты приезжаешь
в город с неохотой:
приедешь
и торопишься назад...
Такой любовью
и такой заботой
полны слова
и переполнен взгляд!

...Вот вижу:
ты приехала обратно,
родной земли
касается нога...
Тут всё любимо,
всё до слез понятно, –
согреться можно возле очага.

В огонь глядишь
помолодевшим взглядом,
и жарких щёк
не охладит ладонь...
Я так люблю
сидеть с тобою рядом,
поддерживая щепками
огонь.

Того огня
вовек не позабуду,
любую искру
в сердце сохраню,
Тепло и свет
несу с собой повсюду,
замёрзну – снова
припаду к огню.

Когда я тоскую, когда я люблю,
Я песни ногайские тихо пою.
Легко на душе –
И мне кажется: песне
Все тайны и чувства девичьи известны.
Как в песни ногайские я влюблена,
Наверное, знает лишь песня одна!

Перевод с ногайского Бориса Примерова

Елена Родченкова

УТРО БУДЕТ СОЛНЕЧНЫМ

И вот, глумясь, безродные спросили:
«Скажи, зачем тебе твоя Россия!?!
Скажи, зачем тебе она такая:
Растерзанная, пьяная, глухая?..»

Им до икоты был ответ смешон:
«Она – мой сон. Как можно выбрать сон?
И я люблю, люблю её такую –
Да, вот такую пьяную, глухую...
Настанет утро – сон свой разгадаю.
А утро будет солнечным, я знаю.
Прочь, глупые!
Всему настанет срок.
С Россией – Бог. Ступайте за порог.

На завтрак – смерть,
На ужин – смерть,
А на обед – землетрясение:
На свете жизни места нет
В век бесконечных потрясений.
Не самолёт, так теплоход...
Телеэкран ведёт работу,

Родченкова Елена Алексеевна — родилась в Новоржеве Псковской области в 1965 году. Закончила библиотечный факультет ЛГИК им. Крупской и юридический факультет СПб ГУП. Член СП России с 1997 года, поэт, прозаик, публицист, автор-исполнитель. Лауреат Всероссийских литературных премий имени В. Белова, им. Э. Володина «Имперская культура», автор 25 книг. Живёт в Санкт-Петербурге, работает адвокатом ГКА СПб.

Ведущая кровавит рот
Потоком жертвенного счёта.
И воёт, как дурной поэт,
Как будто просит: «Верьте, верьте!..»
Видать, и, правда – смерти нет,
Раз дьявол так пугает смертью.

ЗЕМЛЯ, СОШЕДШАЯ С НЕБЕС

О чём-то шепчут камыши,
И лес шумит о чём-то...
Журчит речисто, от души
Пречистая речонка.
Гудит тяжёлый шмель в цветке,
И птица кличет птицу...
И в невесомом мотыльке
Свой голосок таится.
Мне разговор не разгадать,
Но знаю: в этих звуках –
И торжество, и благодать,
И наша сила духа.
Шуми, шуми, великий лес!
Пусть набирает силу
Земля, сошедшая с небес
И ставшая Россией.

РУСЬ

Она туманна, будто родом из тумана.
Она загадочно смеётся, плачет странно...
Она беззвучно говорит, она сияет,
И свет, который в ней разлит – не иссякает.

Она отпустит и простит, но спросит строго.
Она сурова, будто родом из острога.
Её прохладно ледовитое дыхание
И тяжело тысячелетнее молчание.

Она не просит ни о чём, но верит в чудо...
Она такая – будто родом ниоткуда.
Свою погибель в дар берёт.
Великий Боже!
Ну как Ты сможешь без неё? –
Ведь Ты не сможешь...

ОСЕНЬ

Богатый год, как милостыню, бросил
В протянутые руки жизни – осень.
Какую осень, Господи, какую!
Ликующую в звуках – аллилуйя!
 Поправ наряды, золото, мониста,
 Смиренно встала и вздохнула чисто...
 Какая осень, Господи, какая!
 Блудница бывшая, теперь – святая.
Так тихо-тихо смотрит сквозь ресницы
Смиренница, послушница, черница
Заплаканными, светлыми глазами
На всё, что не было и было с нами. –
 В торжественном отчаянье предсмертья
 Слетают с века листья-лихолетья,
 Вторгаясь в устье времени рекою
 Могучего, неожиданного покоя...
На страшный суд идти земля готова,
Чтоб умереть и возродиться снова. –
Проходит жизнь, но смерть проходит тоже.
Какая осень... Господи мой Боже!

БОГАТСТВО

Прощаюсь с ненаглядным лесом на год...
Полным-полна всего моя сума.
Осталась тьма несобранная ягод,
Грибов ненайденных осталась тьма.

Протоптана тропа в глубинной чаще –
Орешник зря дарил орехам сок.
И в зарослях, где дремлет рой слепящий,
Осиный улей мёдом весь истёк.

Грибы растают, ягоды замёрзнут,
Ветра пригладят спелые поля,
Насытятся трескучие морозы,
И зёрнами исполнится земля.

Во тьму уйдут осенние закаты,
Рассветы вешние придут из тьмы...
А мы с тобой не собранным богаты.
Богаты тем, что оставляем мы.

Елена Арент

ТАЕТ СВЕТ...

ПОЛУДЕННОЕ СОЛНЦЕ

Зима, изрядно надоев,
подкатывала к горлу комом,
в торосы мёрзлые одев
потоки улиц... Ледоколом
полуденное солнце шло
по бело-пепельным кораллам,
унылый лёд – февральский – жгло
и оттого само сгорало.
И я доверилась ему –
его неистовому пылу.
Тревожно было потому...
И всё – не безнадёжно было.

ХОЛОДА

Отсрочены тёплые дни
и талая в реках вода...
и кажется: в мире одни,
одни холода.
Ни слова о зимней тоске –
лишь тихие вздохи в ночи:
ты рядом и ты вдалеке –

Елена Арент, кандидат в члены Союза писателей России, поэт. Воспитанник таганрогского литературного объединения «Чайка». Автор двух книг стихов. Живёт и работает в Таганроге Ростовской области. В журнале «ДОН_новый» публикуется впервые.

Тает свет...

о чём-то молчишь...
Ни слова о дали иной,
ни слова о тёплой весне.
К утру убаюкан не мной,
ты видишь другую во сне.
И холодно, холодно мне...
И тянется снов череда...
Неужто навек, навсегда
меж нами – безудержный снег,
меж нами – такая беда?..

НОЧЬ

Тает свет... По-кошачьи неспешная,
бесприютного мира ведунья,
ночь лакает из озера вешнего
молоко полнолуныя.
Зоркой тенью крадётся, беззвучною –
по прогалинам светлым... и мудро
нам пророчит бессонно-жгучую
жажду утра.

ОСТАВИВ ЛУЧШУЮ ИЗ БЕЗДН...

Когда сокроют лепестки
цветов мохнатые зрачки,
и смоев вечер солнечную пыль, –
росой умоется земля,
качая сонные поля,
вплетая век в пшеничные снопы.

Ни звонов жалобных, ни гроз, –
поля узнают привкус грёз,
услады выпьет летняя река.
Оставив лучшую из бездн,
скользнут на доньшко небес
земных сердец два ярких огонька...

Остынет луг, утихнет гам,
прижмутся лодки к берегам,
даря гребцам спасительный приют.
Забудет призрачный откос
скитанья призрачных стрекоз...
и нас двоих, стоявших на краю.

Ольга Лозбенева

«ПОМОЖИТЕ!..»

Рассказ

Молодой человек сидел в просторном кабинете адвокатского офиса и смотрел в окно. Мелкий сентябрьский дождик заставил прохожих раскрыть зонты. «Хоть бы скорее закончился. — подумал молодой человек. — Не в кайф по такой погоде в суд ехать».

Хлопнула входная дверь. В коридре послышалось шарканье. Молодой человек выпрямился, подтянул галстук и пригладил модную чёлку.

В дверь кабинета постучали.

— Входите!

На пороге появилась женщина в застиранном фланелевом халате, в испачканных грязью галошах, надетых на хлопчатобумажный носок.

— Мэнэ аблакат нужен! — она ладонью вытерла с лица капли дождя.

— Я адвокат. Зовут меня Юрий Андреевич.

— Поможите! Беда случилась! — взволнованно заговорила женщина.

— Присядьте. Успокойтесь. — Молодой человек подвинул ей стул. — Что у вас произошло? Я слушаю.

Женщина села. Завязала потуже платок.

— Сын на машине ехал, — уже спокойней начала она. — Его милиция становила. Вин пьяный був. Он на милиционера кинулся, вдарил ему. Теперь у него права забрали на два года! Поможите!

— Имели право забрать, раз пьяный был, — ответил адвокат.

— А шо ж вин теперь делать будэ?!

— Пешком ходить.

— А жить як?! Вин же на машине робыть. Больше ничёго нэ вмие.

— Ну, это бабушка, вопрос не ко мне. Об этом ваш сын должен думать.

— Та як думать?!

— Ну,.. — адвокат развёл руками.

Женщина подвинулась к нему.

— Сынок, поможи. Пускай права отдадут.

— А когда забрали? Постановление суда есть?

— Не знаю, сынок. Какое становление?! Ты поможи, ради Бога!

Ольга Лозбенева, кандидат в члены Союза писателей России, прозаик. Воспитанник таганрогского литературного объединения «Чайка». Неоднократно публиковалась в периодических изданиях и коллективных сборниках. По профессии — юрист. Живёт и работает в Таганроге Ростовской области. В журнале «ДОН_новый» публикуется впервые.

«Поможите!..»

— Постановление несите. Как же я помогу, если я и постановления не видел, не знаю, когда это было, обстоятельств не знаю. Где ваш сын?

— Та хде?! — махнула рукой женщина. — У городе. Вин же ж тут, у городе живёт. Я — на хуторе.

— Так пусть сам и приходит.

— Ни, — довольно резво, невзирая на возраст, закрутила головой женщина. — Вин нэ прыйдэ.

— Так, может, он со всем согласен, а вы тут бегаєте, хлопчете?

— А як вин жить будэ?!

— Да чего ж вы за него так печётесь?

— То ж дитё моё, — женщина взглянула на адвоката, и тот увидел, что глаза её наполнились тёплом и лаской.

— И сколько ж «дитю» лет?

— Сорок четыре будэ.

— Взрослый человек. Сам должен думать. Сам должен отвечать за свои поступки. Сам должен о себе хлопотать. Вот пусть берёт постановление и приходит к нам, а не заставляет вас бегать.

— Мэнэ ниhto нэ заставляе. Як узнала — сразу до вас. А сам вин нэ прыйдэ... Поможите!

Юрий Андреевич вздохнул.

Женщина затолкала под платок пряди седых волос.

— Може, Вы помогать нэ хочэте, шо у мэнэ грошей нэма?.. Та я пенсию учёра получила та гроши уси сёдня сыну отдала — вин же алименты плотить. И так у него долг: жинка бывшая гроши трэбуе. А дитя нам нэ показуе. А теперь ще и права забралы! Думалы воны, когда права забирали, як человек жить будэ?! Два года, а?! — на глазах женщины блеснули слёзы. — Два года! А вы помогать нэ хочэте!

— Два года — это ещё полбеда, — пристально взглянул на женщину Юрий Андреевич. — Вот то, что он полицейского ударил — это серьёзней.

Он замялся.

— Дело возбудили?

— Яко дило?

— Уголовное.

— Як уголовное? — у женщины задрожали губы. — Это шо, его посадють?

Юрий Андреевич увидел, как бледность покрыла тёмное от солнца лицо посетительницы:

— За шо?!

— Он полицейского ударил.

— Так вин же ж пьяный був! — кровь прилила к щекам женщины.

— Бабулечка, возьмите у сына постановление и несите мне.

— Та хде я его возьму?!

— Я же говорю: у сына, — уже сдерживал раздражение Юрий Андреевич.

— Ни, — женщина повела головой из стороны в сторону. — Вин же мэнэ бачить нэ хочэ, — она поправила платок и вздохнула. — Прыиду тихонько. Суну гроши на стол, пока спит — дверь у него нэ замкається, кода вин дома, — и тикать. Сёдня прыйшла, а сосед вот и казал.

— И как давно вы не общаетесь?

— Ну, як давно? — призадумалась женщина. — Да як мэнэ голову разбыл.

— Как?! Вам?! — комок в горле перекрыл адвокату дыхание.

— Вин пьяный тогда був.

Юрий Андреевич молчал. Взглянул на часы, засуетился:

— Бабулечка, вы извините меня, но мне в суд уже ехать надо. На заседание опаздываю.

Он поднялся из-за стола. Женщина тоже встала. Направился к выходу. Женщина шла по пятам. Он открыл дверь. За порогом встретил ливень.

— Та я ничёго, — она встала под навес возле стенки. — Я здеса тоби дождуся. Токо поможи!..

Людмила Андреева

СУДЬБЫ-ЗВЁЗДЫ

Лунный путь несбыточностью дышит:
В память не ворваться, – под запретом.
Тяжкий сумрак падает на крыши,
А под ними – страхи да приметы...
И мои нечитанные письма,
Ветром окроплённые и мраком.
Сколько в них, казалось, было смысла!
Истин сокровенных, тайных знаков...

Всё забыто. Стынут судьбы-звёзды
В бисере холодных слёз... Тревожно.
Новые кроить посланья поздно
И по сути – даже невозможно.
Век шалит – взъерошенная птица,
Кружево плетёт из снов и чисел. –
Времени не чувствуя, стучится
В душу тот, кто не читает писем...

Ограниченность слов и чувств...
Многоликость бессонных странностей...
Я спешу ускользнуть – лечу
От туманов шальных к туманностям.
Подо мною снега и льды
Чьей-то гордости изнывающей;

Людмила Андреева, кандидат в члены Союза писателей России, поэт. Воспитанник азовского литературного объединения «Петрович». Автор трёх книг стихов. Живёт и работает в Азове Ростовской области. В журнале «ДОН_новый публикуется впервые.

Судьбы-звёзды

И несчётно – следы, следы...
По тропе, в суете петляющей.
То – не зверь по ней – чуть дыша,
То – не призрак мечты, растерянный. –
Оставляла следы Душа,
Обмороженная безверием.
... Не твоя ли? – Спросить боюсь:
Отзовёшься вдруг эхом, липово.
И мечусь, и дрожу, и рвусь –
Измождённая правом выбора.

Хотя бы – взгляд один, хотя бы – сон!..
Нещадно, одержимо время гложет.
Ты исчезаешь – утренней росой,
Вечерним золотистым блеском кожи,
Теплом души, отчаянной строкой,
Безумием счастливого разгула –
В чарующий осенний непокой,
Которым вечность сердце обманула.

Ловлю тебя за блики на стекле,
За шелесты случайные и тени,
За меркнущие искры в хрустале
И крылья ускользающих мгновений...
И убеждаюсь: странный, дождевой,
В плену чужих стихов и междустрочий, –
Ты есть! А мне, уставшей одиночить, –
Хотя бы взгляд, хотя бы голос твой...

СНЕЖНОЕ

Летел невероятно белый снег, –
Спасал бескрылых, верных мирозданию!
И мы – в его купались белизне
Непостижимо ясной зимней ранью...
Он говорил, по-снежному своря,
Ласкал любовно пламенные щёки,
И в самом эпицентре января
С фортуной обесценивались счёты. –
Казалось, всё он ведал обо мне:
От обстоятельств до причин и следствий,
От трепетных мятежностей в душе
До стихотворных бдений-сумашедствий.
Прекрасно-вдохновительный, на «бис»
Пел снег свои крылатые куплеты,
И мне казалось, будто он любил
Меня одну, – как никого на свете...

Олег Корниенко

ДЕКОРАТИВНЫЙ ЗЯКА

Рассказ

Дочери Анастасии

Зяка появился в квартире Емелиных не случайно. Его подарил Наде на день рождения Колька, двоечник.

— Вот. Это тебе, — краснея, пробормотал Колька и протянул Наде подарок.

Списывал Колька не часто, но его подарок Наде понравился.

В коробке из-под обуви, дрожа от страха, сидел рыжий с пышными бакенбардами и коричневыми глазами зайчонок и шевелил носом. Скорее всего, он так дышал.

— Это что ещё за чудо? — недовольно спросил папа.

— Папа, он такой пушистый!.. — Надя взяла зайчонка на руки и поцеловала в пушистую щеку.

— А если он цапнет?

— Не цапнет, — спокойно ответил Колька. — Он добрый.

Колька, хотя и был двоечником, животных любил. У него в квартире жили кот, щенок, две черепашки и большой говорящий попугай.

— Ну, и чем вы его кормить собираетесь? — поинтересовался папа.

— Он всё кушает: хлебушек, травку. Насыпали «геркулеса» — тоже не отказался, — сказал Колька.

Корниенко Олег Иванович родился в 1954 году в селе Котовское на Киевщине. Окончил 1-е Харьковское военное авиационно-техническое Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище.

Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий «Город» (1999 г.) и «Признание» (2006 г.). Дипломант 4-го Международного литературного конкурса детских и юношеских произведений им. А.Н.Толстого (2012 г.). Автор книг для детей «Воздушный почтальон» (Москва), «Шаги за дверь» (Самара). Живёт и работает в Сызрани Самарской области.

Декоративный Зяка

— Ну, ну, — папа осуждающе посмотрел на маму, но та и сама была не рада новому квартиранту. — С попугаем хлопот не оберёшься, а тут ещё и зайчонок.

— Это декоративный кролик, — поправил папу Колька.

Проблемы начались сразу же, как только за Колькой закрылась дверь: где будет спать Зяка (Наде послышалось, что именно так мама назвала кролика), из чего будет есть и что делать, если заболит?..

Кролика на ночь посадили в картонную коробку из-под телевизора. Но он не хотел спать. Скорее всего, привык к другому распорядку. Он встал на задние лапки и начал скрестись, пытаясь выбраться. И выбрался: прогрыз в коробке отверстие — и, счастливый, оказался на свободе.

— Вот это да! — все от удивления вытаращили глаза. — И что с ним делать?

Зяку закрыли в ванной. И тише для всех, и надёжнее. Он немного побушевал в темноте, но вскоре затих.

На следующий день — свобода! Зяка осторожно продвигался, изучая квартиру. Лапки на линолеуме непривычно расползались. И это было смешно. Он, действительно, был потешен, и его хотелось трогать и трогать, но в руки он не давался, и забирался туда, где достать его практически было невозможно: под кухонный стол, за диван в зале, и особенно часто — под кровать в спальне.

Правда, отлёживался Зяка недолго. Когда все, успокоившись, принимались за свои дела, он выходил из укрытия и начинал бродить по квартире, обнюхивая углы, быстро подружился с котом и делал так же, как и кот: царапал диван и грыз обои.

Это начинало раздражать, Зяку прогоняли, но он настойчиво продолжал «свою работу». Его прямо-таки тянуло погрызть что-нибудь или порвать.

— Надо купить клетку, — предложила Надя.

— А сколько она стоит? — спросил папа.

— Рублей пятьсот, — предположила мама.

— Пятьсот?! — возмутился папа. — Нормально. Клетка пятьсот, и уже на пятьсот обоев съел. Куда хотите, туда его и девайте.

На семейном совете решили (Надя была против) подарить Зяку папиной знакомой библиотекарше. Библиотекарша мечтала когда-то о декоративном кролике. Папа позвонил ей, и уже представлял, что после совета с мужем её ответ будет положительным. Но вечером она сообщила, что её муж против: «У тебя есть кот — хватит с тебя и кота».

Отнести Зяку Кольке нельзя — обидится. Да подарки и не возвращают.

— В городском парке есть небольшой частный зоопарк. Может, там возьмут? — подсказала мама.

В воскресенье все вместе поехали в зоопарк, в котором никогда не были.

За изгородью, не смотря на солнечный день, стояла сонная лошадь, а в помещении им ударили в лицо духота и непривычный запах, характерный для всех зоопарков. Здесь жили две худенькие лисички, несколько кроликов, редкий для этих мест дикобраз, в коробке с опилками копошились хомячки, а в пустом аквариуме дремал, тоже декоративный, рябой кролик.

Симпатичная женщина в спецовке и рукавицах сказала, что денег на покупку кролика у них нет. Мама объяснила, что они хотят отдать Зяку просто так.

— Привозите, посадим вашего к тому рябому, — женщина показала на аквариум. — И если они уживутся...

— Мамочка, он же не рыба, — захныкала Надя.

— Ничего страшного, временно посидит и в аквариуме.

— А что я скажу Кольке?

— Ничего. С двоечниками стыдно тебе общаться, — рассердилась почему-то мама.

И Надя с мамой в выходной день отвезли подарок в городской зоопарк.

— Посадили Зяку пока к рябому. Он сразу в угол забился, — рассказывала папе мама, когда они вернулись.

На следующий день, когда папа пришёл с работы, в квартире было тихо и как-то пусто. Никто не путался под ногами, не трепал нервы. Но папа ещё не один день по-привычке вскакивал с места — ему казалось, что кто-то грызёт обои. Засыпал он с головной болью. Но болела и душа: как там Зяка? Они его кормили, купали, сушили после бани феном, расчесывали пушистые бакенбарды и чёлочку между ушей, а там никто за ушком не почешет.

И однажды папа не вытерпел, поехал в зоопарк.

Зяка сидел, забившись в угол какой-то клетки, грязный, худой и всклокоченный. Рядом стояла миска с нетронутой едой.

— Воды даже не было, — рассказал, возвратившись, папа. — Ну, и что будем делать? — он вопросительно посмотрел на маму и Надю. После увиденного в городском зоопарке, папа был согласен на всё.

— Я уже заказала большую птичью клетку, — радостно сообщила мама. — Мы тоже были у Зяки и всё видели.

Папа обрадовался, что их решения совпали, потому что и сам соскучился по этому худющему комочку.

В понедельник у мамы был выходной. Она купила на рынке пластмассовую корзину для перевозки животных. В зоопарке их ждал Зяка.

2009 г.

ШАГИ ЗА ДВЕРЬЮ

Рассказ

Ирине Токмаковой

Стёпка жил в небольшом посёлке и давно мечтал побывать в зоопарке или в цирке. Зоопарк был в другом, большом городе. Там жил дядя Коля, ехать к которому на электричке надо было часа три, и потому Стёпку одного не отпускали.

Всё решил телефонный разговор с дядей. Договорились, что здесь Стёпку посадят в электричку, а там дядя встретит его.

Но дяди на станции не оказалось. Стёпка подождал некоторое время, и, когда большая стрелка на вокзальных часах перескочила на другую цифру, подошёл к полицейскому:

— Вы не знаете, где улица Совнаркома, дом 8?

— Совнаркома? Идёшь прямо и упираешься в кинотеатр. А первый дом слева — твой.

Стёпка шел по улице и рассматривал витрины магазинов. В одной из них он увидел чучела и клетки.

— Зоомагазин... — прочитал Стёпка и без колебания открыл дверь.

Чего здесь только не было! Прозрачная стена из аквариумов с разноцветными рыбками, клетки с хомячками, декоративными кроликами, много «скрипучих» попугайчиков, о которых давно мечтал Стёпка. Одним словом, всё что угодно! Кроме слона... Слон ждал Стёпку в зоопарке...

Стёпка поспешил на выход.

Дом дяди и его шестую квартиру отыскал быстро. На звонок никто не отозвался. Стёпка звонил ещё раз, и ещё...

И вдруг Стёпке послышались шаги. За дверью дядиной квартиры кто-то ходил. Стёпка, перестав дышать, прислушался: шаги то удалялись, то снова приближались.

Он снова нажал кнопку звонка.

— Дядя Коля, откройте! Это я, Стёпка!

Нет, ему не почудилось, — по коридору кто-то ходил: быстро-быстро, туда-сюда. Стёпка опять требовательно позвонил. Но никто так и не откликнулся, дверь не открыл.

Он сел на ступеньки лестницы, прижал к себе рюкзак и прислонился к стене...

Его разбудил дядя Коля.

— Давно сидишь? Я все электрички встретил — нет тебя. Хотел уже звонить родителям...

— У вас за дверью кто-то ходит, — сказал Стёпка.

— А это мы сейчас посмотрим, — улыбнулся дядя Коля, открывая дверь.

Навстречу им из кухни выбежала газета.

Когда дядя включил свет, газета повернуась на месте и потопала в тёмную комнату.

— Это ёжик. Постель на ночь готовит, — пояснил дядя.

— Ёжик? — удивился Стёпка.

— Ну да, ёжик. Недавно у подъезда в кустах подобрал. Лапу, видно, поранил. Подлечу его маленько, а потом в зоомагазин сдам или на чучело кому продам. Какие ни есть, а деньги.

Ночью Стёпка несколько раз просыпался и слышал, как шуршит газетами ёжик.

Утром, когда он проснулся, в комнате никого уже не было. На столе лежала записка: «Завтрак на плите. В зоопарк пойдём завтра». Рядом лежал ключ от квартиры.

И тут он вспомнил про ёжика. Его нигде не было. «Неужели уже отнёс?» — испугался Стёпка.

Он прошёл в другую комнату, заглянул под шкаф. Там шевелились обрывки старых газет. Это сонно дышал ёжик. Рядом стояло пустое блюдо.

Стёпка быстро выложил из рюкзака привезённые дяде гостинцы. Одно яблоко он оставил на обратную дорогу. Достал носовой платок и положил в него сонного ёжика.

«Мы с ёжиком поехали дамой. Стёпка», — написал он на обратной стороне дядиной записки.

Дорога к станции шла направо. Стёпка повернул налево, к городскому парку.

Он прошёл вглубь парка, вырыл под кустиком ямку, выстелил её травой и осторожно положил в неё ёжика.

В животе заурчало от голода. Он вспомнил про яблоко. Наливное, душистое, оно еле помещалось в Стёпкиной ладони.

— Я только немножко... — сам себе сказал Стёпка и, положив надкушенное яблоко рядом с ёжиком, зашагал в сторону железнодорожной станции.

Светлана Супрунова

НЕМЕДЛЕННО ВСТАНЬ!

РЕЙТУЗЫ

*Муза в розовых рейтузах,
С непокрытой головой,
Полезай, подруга, в кузов
Санитаркой фронтовой.
(Александр Люлин)*

Чьи-то музы в платьях, блузах,
А моя – так просто ах! –
Ходит в розовых рейтузах,
На высоких каблуках.

Я писал, бывало, бодро
(Правду-матку говорю),
На обтянутые бёдра
Каждый день теперь смотрю.

Сладко сердцу, ярко глазу;
Я теряюсь, как никто, –
Мысли путаются сразу,
Представляется не то.

И уже душою маюсь,
И не думаю совсем...

Супрунова Светлана Вячеславовна родилась в 1960 году в г. Львове. В 1988 году поступила в Калининградский государственный университет на филологический факультет, параллельно училась в Литературном институте им. М. Горького на заочном отделении. Печаталась в отечественных и зарубежных изданиях, лауреат Международных конкурсов «Литературная Вена-2012» и «Согласование времён-2012» (Германия), член Союза писателей России, автор четырёх поэтических сборников. Наш постоянный автор. Живёт и работает в Калининграде.

Ну, короче, отвлекаюсь
От больших и вечных тем.

И, прилепленный к рейтузам,
Понимаю всё сильнее:
Чтоб стихи звучали, музам
Одеваться бы скромней.

ЧЕМ НЕ ПОЭТ?

*Так было! Было, есть и будет
С тем, что рождается от корней.
Я знаю: будущее будят
Дела давно минувших дней.
(Терентий Травник)*

Все что-то пишут и рифмуют,
Бегут в издательство скорей.
Меня, как никого, волнуют
Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.
Я посмотрел, вот это вид! –
Глаза большие, с поволокой...
Русалка на ветвях сидит.
Какие перси, нос точёный!
Так было, леший там бродил,
И днём и ночью кот учёный
То пел, то сказки говорил.
Да, было, и, видать, немало.
Там ступа шла сама собой,
К избушке вон заковыляла
Старуха с костяной ногой...
Гулять полезно для здоровья,
И я, намедни встав чуть свет,
Гулял себе у Лукоморья
И думал: «Чем я не поэт?..»

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

*Всё мир я спасаю, всё духом скорблю.
Как сбросить мне эту обузу?
Я каждую ночь своим сердцем кормлю
Свою сумасшедшую музу.
(Николай Зиновьев)*

Тревожные мысли по кругу неслись,
На глобусе выцвели краски.

Немедленно встань!

Спасительных строчек, поди, заждались
В Гвинее, Мали, на Аляске...

Я грыз карандаш, я зачёркивал вздор,
Но муза явилась – о чудо!
И, видя голодный, блуждающий взор,
Я выложил сердце на блюдо,

Печёнку, кишечника пару мотков...
Отрезана правая почка.
И вот не осталось уже потрохов,
А только – одна оболочка.

И гладила муза свой круглый живот, –
Мне с хищницей не было сладу,
И чтобы её подзадорить на взлёт,
Я музу пошлёпал по заду.

Она натянула короткий подол,
Взмахнула крылами, зарделась –
И рухнула тут же на письменный стол:
«Прости меня, Коля, объелась!»

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТУАЛЕТНОЙ БУМАГЕ

*За пятнадцать копеек любимых поэтов
Покупали на завтрак, обед и на ужин.
Если сыт от духовной пищи всё лето,
Туалетной бумаги рулончик не нужен.
(Марина Шамсутдинова)*

Давно известно, в мире всё двояко:
Душа и плоть, трава и облака...
Духовное питание, однако,
Полезнее котлет и шашлыка.

На завтрак Тютчев, а Толстой – на ужин,
В обед с Рубцовым справишься едва.
Всё так путём, – глядишь, совсем не нужен
Рулон бумаги или даже два.

Не до супов и не до винегрета;
Затишье в кухне, не включённый газ.
Лежишь себе, допустим, с книжкой Фета. –
Который день в потёмках унитаза.

Не бродишь с бутербродами по дому,
Не пачкаешь словами чистый лист,
Но может быть и вовсе по-другому,
Когда зайдёшь, к примеру, в «Букинист».

Полны еды духовной магазины;
Товар лежалый, – страшно за живот:
Возьмёшь стихи какой-нибудь Марины –
И от духовной пищи пронесёт.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

*Зима давно уж в пеньюаре
Лежит на мёрзлом тротуаре...*

*Большим цветочным одеялом
Весна приляжет у корней...*

*Стареет осень, и ничто
Остановить её не может...
(Давид Кладницкий)*

По улицам вечно слоняюсь.
Морозец, но как он бодрит!
Зиме я помочь не пытаюсь –
Люблю, когда дама лежит.

Ну, кто-то другой бы, понятно,
Сказал ей: «Немедленно встань!»,
Но мне, как мужчине, приятна
Для взгляда прозрачная ткань.

Ах топики, юбочки мини! –
Весна с чемоданом спешит.
К бесполому лету, в бикини,
Признаться, душа не лежит.

А с осенью сущие муки:
В тряпье разноцветном ко мне
Всё тянет иссохшие руки...
И я возвращаюсь к жене.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Главный редактор
Галина Студеникина

Редактор отдела прозы
Ксения Баштовая

Редактор отдела поэзии
Дмитрий Ханин

Редактор отдела
публицистики
Павел Малов

Дизайнер
Виктория Анистратова

Художник
Михаил Никулин

Директор издательства
«Донской писатель»
Алексей Береговой

Скульптурная композиция «Аксинья и Григорий» на набережной в станции Вёшенской.
Автор — заслуженный художник УССР Н. Можяев